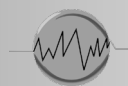

ISSN 2223–2982

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 12–3 2018 (ДЕКАБРЬ)

Учредитель журнала

Общество с ограниченной ответственностью

«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Редакционный совет

В.Л. Степанов — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
Ю.Б. Миндлин — к.э.н., доцент, МГАВМиБ им. К.И. Скрябина
П.В. Акулишин — д.и.н., проф., РГУ им. С.А. Есенина
Э.Н. Алиева — д.филол.н., доцент, независимый эксперт
А.Ю. Ватлин — д.и.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Г.И. Воронина — д.п.н., проф., Гуманитарно-социальный институт
Е.Е. Вяземский — д.п.н., проф., МПГУ
Н.А. Герасименко — д.филол.н., проф., МГОУ
Е.Б. Евладова — д.п.н., г.н.с., ИИДСВ РАО
А.Э. Котов — д.и.н., доцент, С-Петербургский ГУ
С.К. Лебедев — д.и.н., С-Петербургский институт истории РАН
П.В. Лизунов — д.и.н., проф., Сев. [Арктический] Федеральный университет им. М.В. Ломоносова
А.П. Миньяр-Белоручева — д. филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
М.В. Михайлова — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Я.М. Нейматов — д.п.н., проф., Президент фонда развития инновационных технологий РФ
Н.О. Осипова — д. филол.н., проф., Московский гум. университет
В.В. Петрусинский — д.п.н., проф., РАНХ и ГС при Президенте РФ
Т.А. Печенёва — д.п.н., Белорусский ГУ
Н.Л. Пушкарева — д.и.н., проф., Институт этнологии и антропологии РАН
А.Н. Рыжов — д.п.н., проф., МПГУ
А.И. Савостьянов — д.п.н., проф., МПГУ
А.С. Сенявский — д.и.н., главный научный сотрудник Института экономики РАН
М.Ю. Сидорова — д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
А.М. Сморгчов — д.и.н., проф., РГГУ
О.Ю. Стрелова — д.п.н., проф., Хабаровский краевой институт развития образования
В.И. Тюпа — д. филол.н., проф., Институт филол. и истории РГГУ
Н.М. Щедрина — д. филол.н., проф., МГОУ
С.Н. Ханбалаева — д. филол.н., преподаватель, МГИМО МИД РФ
Н.В. Юдина — д. филол.н., проф., ректор Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве РФ

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью

«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел/факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

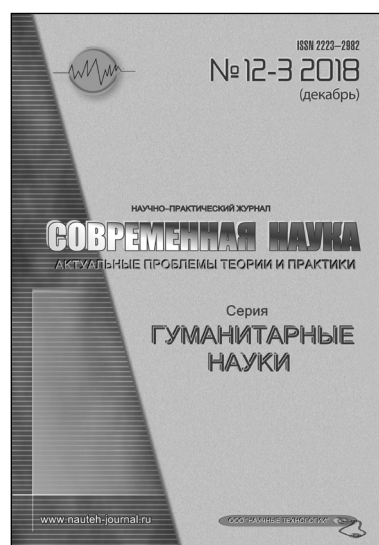
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки № 12-3 декабрь 2018 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(БАК - 07.00.00, 10.00.00, 13.00.00)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Л. Степанов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

А.В. Романов

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал

«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 25.12.2018 г. Формат 84x108 1/16

Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Абиев А. К., Абдулаев А. М., Таймазов А. И., Будаичиев А. Л. — Археологические находки близ сел. Ушниг в Южном Дагестане
Abiev A., Abdulaev A., Taymazov A., Budaichiev A. — Archaeological finds near to village Usnig in South Dagestan 4

Алексеева Е. К. — Геопространственные образы в традиционной культуре северных тунгусов
Alekseeva E. — Geospatial images in the traditional culture of northern Tungus 10

Вязова О. Г. — Трансформация жилища сельских жителей Чуваши во второй половине XX – начале XXI в
Vyazova O. — Transformation of the dwelling of villagers Chuvashs in the second half of XX – the beginning of the 21st century 14

Мансур Д. Н., Мансур Ю. Н. — Национально-государственный кризис, приведший к распаду Социалистической Федеративной Республики Югославии
Mansur D., Mansur Yu. — National crisis that led to the disintegration of the SFRY 18

Прилуцкий В. В. — Идеология «групп ненависти» в США: история и современные тенденции
Prilutsky V. — The ideology of “hate groups” in the United States: history and current trends 22

Педагогика

Амерханова О. О. — Интегрированное предметно-языковое обучение иностранному языку студентов на основе тандем-метода
Amerkhanova O. — Integrated foreign language and content teaching to students based on tandem method 28

Бурикова С. А., Панкова В. Ю. — Формирование языковой компетенции студентов-нелингвистов методом диктоглосса
Burikova S., Pankova V. — Developing of the language competence of the non-language students by means of dictogloss 31

Быкова Д. В. — К вопросу об исторической и методологической основах термина «язык науки»
Bykova D. — Historical and methodological foundations of the term «the language of science» 36

Казиева И. И. — Новые образовательные стандарты и междисциплинарный подход в обучении иностранному языку студентов магистратуры в неязыковом вузе
Kazieva I. — New Educational Standards and Interdisciplinary approach to Foreign Language Teaching of non-linguistic Major students 39

Копытко В. Н. — Использование фразеологических единиц при обучении английскому языку в нелингвистическом вузе
Kopytko V. — The use of phraseological units in teaching English in non-linguistic university 43

Писаренко В. И. — Возможности использования педагогических знаний в междисциплинарных исследованиях
Pisarenko V. — Pedagogics prospects in the interdisciplinary field of the modern science 48

Федоров Г. М. — Учебные пособия для школ Севера, формирующие гражданскую, региональную и этническую идентичности
Fedorov G. — Teaching aids for schools in the North, forming civil, regional and ethnic identities 53

Шавлов А. В., Буланов А. В., Розгон В. А., Хохотва С. В., Алтухов А. С. — Теоретические основы методологии непрерывного аэронавигационного образования
Shavlov A., Bulanov A., Rozgon V., Khokhotva S., Altukhov A. — The theoretical basis of the methodology of continuous navigation formation 60

ФИЛОЛОГИЯ

- Агержанокова С. Р.** — Различные аспекты художественного осмысления природы в «Черкесских преданиях» с. Хан-Гирея
Agerzhanokova S. — Various aspects of artistic understanding of nature in the “Circassian legends” by s. Khan-Girey..... 65
- Акаева Э. В., Винокурова Т. Н.** — Научный медицинский дискурс как тип институционального общения
Akayeva E., Vinokurova T. — Scientific medical discourse as institutional communication paradigm..... 71
- Аруноаст П.** — Результаты ассоциативного эксперимента как часть содержания концепта «интеллект» у русских в Таиланде
Aroonoast P. — The result of associative experiment as one of concept content “Intellect” for Russians in Thailand 74
- Ван Юе** — Мифологема «луна» и ее отражение в поэзии Серебряного века (на материале русской и китайской литературы)
Wang Yue — The mythologem “moon” and its reflection in the poetry of the Silver Age (on the material of Russian and Chinese literature) 82
- Добродомов И. Г.** — Пути заимствования и этимология однокоренных слов
Dobrodomov I. — The ways of linguistic borrowing and etymology of cognate words..... 86
- Зайцева С. А.** — Произведения Сергея Довлатова «Соло на ундервуде» и «Соло на IBM», «Зона», «Заповедник», «Ремесло» в контексте романов Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Золотой теленок», «12 стульев»
Zaitseva S. — Sergey Dovlatov’s works “Solo on underwood” and “Solo on IBM”, “Zone”, “Reserve”, “Craft” in the context of novels by Ilya Ilf and Evgeny Petrov “Golden calf”, “12 chairs”..... 89
- Крижановский Н. И.** — Феномен журналистики в публикациях М. О. Меньшикова 1891–1900 годов
Krizhanovsky N. — Phenomenon of journalism in publications M. O. Menshikova in 1891–1900 96
- Муталов Р. О., Багамаева М. С.** — Маркировка форм множественного числа существительных в кадарском языке
Mutalov R., Bagamaeva M. — Marking of plural nouns in the Kadar language 105
- Олехнович О. Г.** — Влияние латинского языка на формирование русских фитонимов (на примере «Документов Аптекарского Приказа» XVII в.)
Olekhnovich O. — Latin influence on the formation of Russian phytonyms (the case of the documents of the Pharmaceutical Order of the 17th century) 110
- Орлова С. Н., Кузнецова Е. В.** — Эвфемистическая функция метонимии в англоязычном экономическом дискурсе
Orlova S., Kuznetsova E. — Euphemistic function of metonymy in the English economic discourse 114
- Тан Цзин** — Педагогические взгляды Ф. Сологуба
Tang Jing — Pedagogical views of F. Sologub 118
- Тан Цзин** — Речевой стиль в рассказах Ф. Сологуба
Tang Jing — Speech style in the stories of F. Sologub 121
- Ярославцева Е. Ф.** — Уступительные бессоюзные отношения в составе диалогического высказывания в произведениях английской литературы
Yaroslavtseva E. — Concessive asyndetic relations as a part of the dialogical utterance in the works of English literature..... 124

Информация

Наши авторы. Our Authors..... 130

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 132

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ БЛИЗ СЕЛ. УШНИГ В ЮЖНОМ ДАГЕСТАНЕ

ARCHAEOLOGICAL FINDS NEAR TO VILLAGE USNIG IN SOUTH DAGESTAN

**A. Abiev
A. Abdulaev
A. Taymazov
A. Budaichiev**

Summary. the article is devoted to the introduction into science and analysis of new finds in South Dagestan from a landslide accidentally discovered after a landslide collapse near Ushnigh village in Tabasaran district of the Republic of Dagestan. The analysis of the data on the construction of the burial structure and on the inventory of the Ushnigh burial allows us to draw analogies with the early medieval burial monuments of the Western Caspian. Of particular interest are the finds of a jug with a channelized surface, bronze lugs, suspensions, and two-plate fibulae, which make it possible to date burials by the end of the 4th-beginning of the 5th cc.

Keywords: Early Middle Ages, Western Caspian Sea, South Dagestan, funeral rite, channelized vessel.

Абиев Аскерхан Камалович

*М.н.с., Институт истории, археологии и этнографии
ДНЦ РАН (г. Махачкала)
abiev-ak@yandex.ru*

Абдулаев Абдула Магомедович

*М.н.с., Институт истории, археологии и этнографии
ДНЦ РАН (г. Махачкала)
realhidh87@mail.ru*

Таймазов Артур Исрапилович

*К.и.н., с.н.с., Институт истории, археологии
и этнографии ДНЦ РАН (г. Махачкала)
taymazov_artur@mail.ru*

Будайчиев Арсен Лахманович

*М.н.с., Институт истории, археологии и этнографии
ДНЦ РАН (г. Махачкала)
arseneihae@yandex.ru*

Аннотация. статья посвящена введению в научный оборот и анализу новых находок в Южном Дагестане из случайно обнаруженного после схода оползня погребения у сел. Ушниг Табасаранского района Республики Дагестан. Анализ данных о конструкции погребального сооружения и об инвентаре Ушнигского погребения позволяет провести аналогии с раннесредневековыми погребальными памятниками Западного Прикаспия. Особый интерес представляют находки кувшина с каннелюрованной поверхностью, бронзовых наконечников-подвесок и двупластинчатых фибул, позволяющих датировать погребения концом IV- началом Vв. н.э.

Ключевые слова: раннее средневековье, Западный Прикаспий, Южный Дагестан, погребальный обряд, каннелюрованный кувшин.

В ноябре 2018 г. в Отдел археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН были доставлены артефакты из разрушенного погребения, обнаруженные местными жителями в окрестностях сел. Ушниг (Табасаранский р-он Республики Дагестан) в 60 км к юго-западу от г. Дербент. Находки были сделаны в 500 м к востоку от границы села, в местности Нукрюхин (в пер. с табасаранского яз. — «Кладбище») после схождения оползня. Местность, где были сделаны находки, представляет собой пологий склон, растянувшийся юга на север. После схождения оползня здесь обнажилось инвентарное погребение.

По словам обнаруживших его местных жителей, погребение представляло собой узкую грунтовую яму подпрямоугольной формы. Костяк лежал в вытянутом положении, головой к югу, кости рук направлены вдоль туловища, кости ног не сохранились. Погребальная яма была засыпана грунтом, остатков какой-либо погребальной конструкции не прослеживалось. Захороне-

ние сопровождалось погребальным инвентарем. Рядом с черепом, слева от него, стоял красноглиняный кувшин с каннелюрованной поверхностью. В районе поясного отдела костяка находились две пары ременных наконечников-привесок. Верхние части двух фибул и пять бусин были обнаружены в районе грудного отдела погребенного. Также в осыпном грунте погребения были найдены бронзовый браслет, наконечник копья и фрагменты острия и хвостовика небольшого ножа. После того, как погребение и инвентарь были обнаружены, кости погребенного перезахоронили, а найденные вещи были переданы в отдел археологии ИИАЭ ДНЦ РАН жителем села Алиевым Сабиром Абдурахмановичем. Говорить точно о характере погребальной конструкции, о труположении и расположении погребального инвентаря в погребении мы можем только со слов местных жителей, первыми нашедшими погребение.

Погребальный инвентарь из Ушнигского погребения представлен следующими предметами.

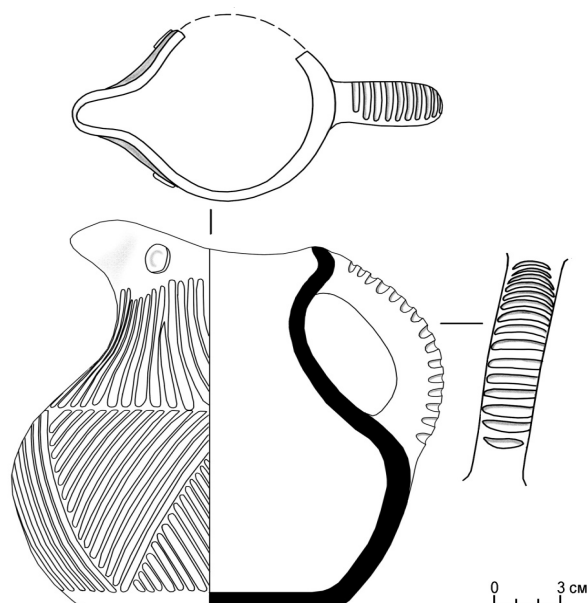

Рис. 1. Кувшин из Ушнигского погребения.

Кувшин (рис. 1). Изготовлен на вращающейся подставке, хорошего светло-коричневого обжига, без видимых примесей в глине. Тулово ойнохоевидного кувшина уплощенно-сферической формы с плавным переходом к горлу и со сравнительно широким плоским дном. Круглая в сечении ручка верхним прилепом крепится к венчику, нижним — к средней части тулова (в месте наибольшего расширения). У кувшина имеется хорошо выраженный слив, расположенный на противоположной ручке стороне горла. По обеим сторонам слив декорирован круглыми пуговичными налепами в виде глазок ($d=1,2$ см), которые придают сосуду зооморфный облик. Почти вся поверхность кувшина орнаментирована узкими бороздами-каннелюрами и залощена. У основания кувшина и у края венчика оставлены неширокие полосы (1–2 см), не покрытые каннелюрами. В верхней части сосуда (горловина и верхняя часть тулова по линии нижнего прилепа ручки) декорирован бороздками-каннелюрами, располагающимися наклонно и параллельно друг другу. Нижняя часть тулова украшена бороздками-каннелюрами, образующими большие равносторонние треугольные фестоны. Ручка кувшина также орнаментирована по внешней стороне поперечными бороздками-каннелюрами. Ширина бороздок одинаковая — 4–5 мм. Высота кувшина 21 см, ширина наибольшего расширения тулова 18,5 см.

По своей форме и орнаментации кувшин соотносится с кувшинами типа VI по классификации М. С. Гаджиева [3, с. 53. Табл. II, 9–11, III, 1–5], с видом «А» типа 3 по классификации Л. Б. Гмыря [5, с. 234] или с типом 2 по классификации В. Ю. Малашева, М. С. Гаджиева и Л. С. Ильюкова [11, с. 111].

Аналогичные кувшины с каннелюрами из других археологических памятников, описывают в своих работах ряд исследователей [3, с. 47–71; 4, с. 71–89; 6, с. 147–165; 9, с. 183, рис 11, I; 11], указывая, что помимо Южного Дагестана они были распространены в памятниках Северного Азербайджана сер. I тыс. н.э. Многочисленные находки кувшинов с орнаментацией каннелюрами происходит из раскопок Дербента (слои IV–VI вв.) и Паласа-сыртского поселения III–VI вв. [6, с. 147–165]. Единичные находки каннелюрованной керамики в некоторых погребениях могильников Южного Дагестана [3, с. 55–56]. Находки кувшинов с каннелюрами известны и в Ирагинской гробнице V в. М. С. Гаджиев отмечает недолгое бытование керамических изделий, орнаментированных каннелюрами, на рубеже албано-сарматского и раннесредневекового периодов, датируя их IV–V вв. н.э. [3, с. 56].

Характеристикой столовой посуды, декорированной каннелюрованным орнаментом, занималась Л. Б. Гмыря, посвятившая сосудам этого типа (по Л. Б. Гмыря — «сосуды с желобчатой поверхностью») специальную статью [6, с. 147–165]. На основании анализа материалов Паласа-сыртского поселения, Л. Б. Гмыря датирует начало производства подобных сосудов серединой V в. н.э. [6, с. 159]. В новом исследовании погребальных памятников Западного Прикаспия при рассмотрении одного кувшина с каннелюрованной поверхностью из керамической коллекции Паласа-сыртского могильника, авторы корректируют дату Л. Б. Гмыря. Дополняя ранее сделанные наблюдения материалами керамического комплекса Дербента и новыми результатами раскопок Паласа-сыртского городища, они относят время появления подоб-

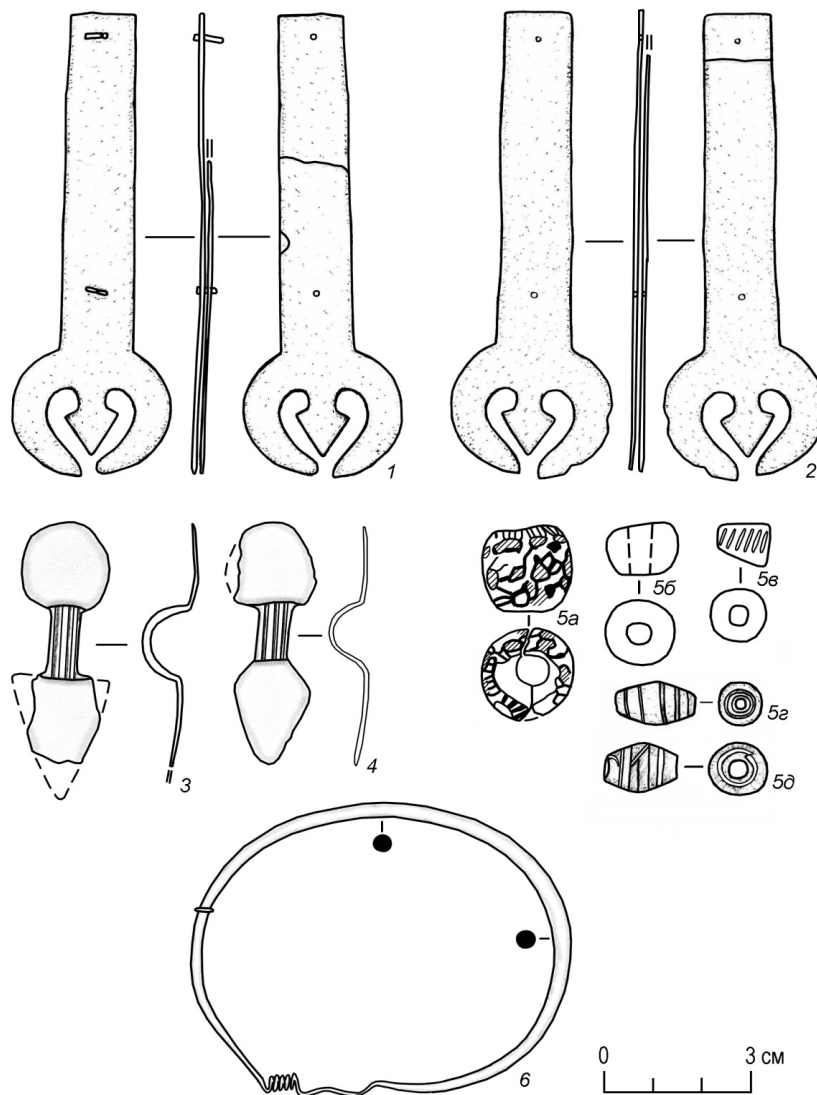

Рис 2. Погребальный инвентарь Ушнигского погребения.

ных кувшинов к периоду не позднее второй половины IV в.н.э. [11, с. 112].

Наконечники-подвески с фигурным расширением в виде трезубца (рис. 2, 1–2). Обнаружены две пары таких наконечников-привесок, причем одна пара скреплена друг с другом штифтами. Данные наконечники-подвески идентичны и представляют собой удлиненные тонкие бронзовые пластины с фигурным расширением в виде полумесяца, концы которого почти сходятся и обрамляют треугольный выступ. Обе пары двусоставные, выполнены из тонких бронзовых пластин идентичной формы. По одному наконечнику-подвеске из каждой пары сохранились в полную длину, у двух других экземпляров обломлена верхняя часть. У одной из фрагментированных наконечников-подвесок также обломлен один из выступов фигурного расширения. Длина сохранившихся наконечников-приве-

сок 9,9 см, длина фрагментированных экземпляров 9 см и 6,8 см. Ширина фигурного

расширения на нижнем конце 3,5 см, ширина узкой части 1,5 см. Крепление производилось двумя штифтами через узкие круглые отверстия ($d=0,15$ см). Расстояние между отверстиями для штифтов 5,5 см. Крепежные штифты представляли собой короткие (длиной до 1 см), узкие тонкие полоски ($d=0,1$ см), продетые в отверстия пластин и загнутые по краям. Одна пара сохранила крепление в верхнем (ближнем к фигурному концу) отверстии и остаток проволочной заклепки в нижнем отверстии. В месте соединения пластины плотно прилегают друг другу.

Подобные украшения различных типов, происходящие из погребений Паласа-сыртского курганного могильника сер. IV — сер. V в., были ранее описаны иссле-

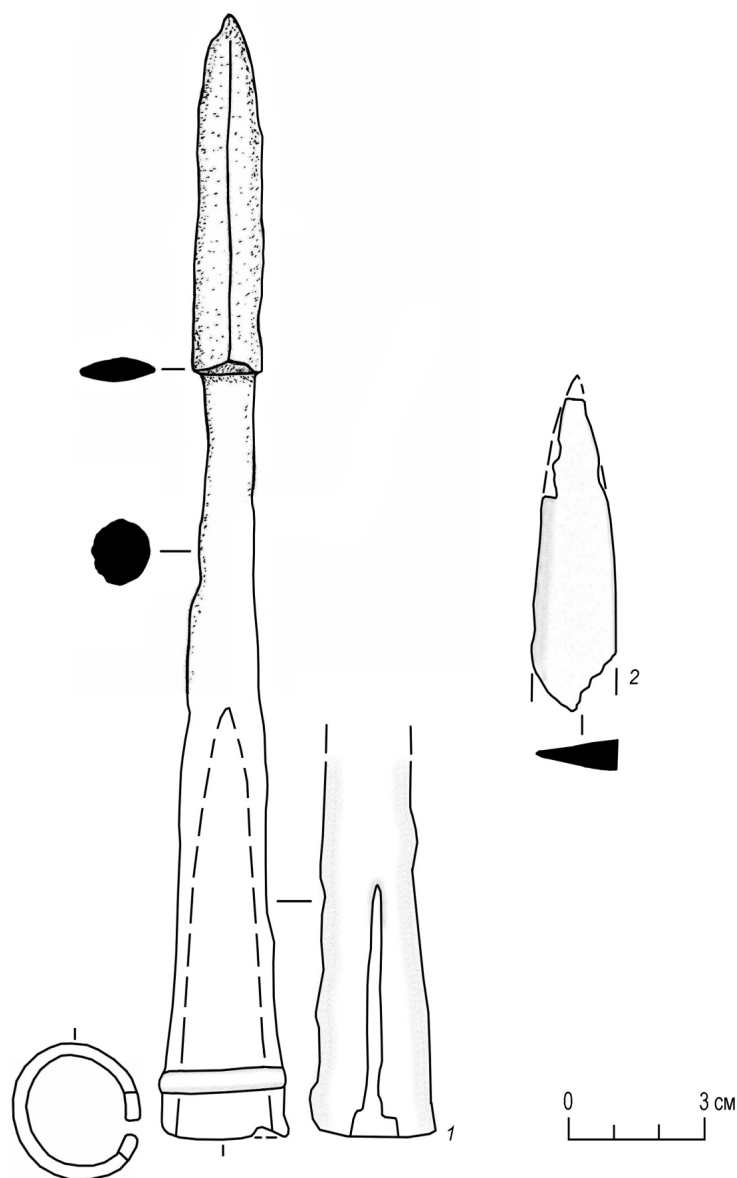

Рис 3. погребальный инвентарь Ушнигского погребения.

дователями [5, с. 244–245; 8, с. 132–133; 11, с. 102–104]. Наименование данному типу украшений давалось разное: височные привески или ременные обоймы (по Гмыря Л. Б.), наконечники-подвески (по Малашеву В. Ю., Гаджиеву М. С., Ильюкову Л. С.).

Находки подобных наконечников-привесок с расширением в нижней части подробно охарактеризованы Л. Б. Гмыря [5, с. 244–246; 8, с. 133–133, 152, рис. 4] и В. Ю. Малашевым [10, с. 204, 232]. Рассматриваемые наконечники-привески из Ушнигского погребения можно отнести к разновидности наконечников с фигурным расширением. Ближайшими по форме аналогами являются «височные привески» из погребения № 2 кургана № 244 Паласа-сыртского курганного могильника [8, с. 132–133;

с. 152, рис. 4] и наконечник-подвеска из погребения 4 Зеликакинского могильника, расположенного южнее г. Махачкалы [1, с. 115]. Исследователи датируют данный погребальный комплекс в пределах конца IV — первой половиной V в. н. э. Аналогичная датировка распространения наконечников-привесок дается В. Ю. Малашевым [11, с. 103].

Двуластинчатые фибулы (рис. 2, 3–4), изготовленные из бронзы, представлены двумя экземплярами, от которых сохранились корпуса. Их длина 5 см, высота дужек 0,8–1 см. Фибула 1 (рис. 2, 3) имеет цельно изготовленный корпус; один щиток округлой формы ($d=1,8$ см); края другого щитка обломаны, но судя по частично сохранившимся краям, щиток был треугольной

или ромбовидной формы. Дужка декорирована тремя продольными линиями (две узкие по краям, одна широкая в середине). Фибула 2 (рис. 2, 4) имела аналогичную конструкцию; один щиток у нее овальной формы, другой — ромбовидный. Слабозаметный декор на дужке также представляет три продольных врезных неглубоких линий. На обеих фибулах сохранились следы от крепления приёмника и пружинки иглы. Обращает внимание тот факт, что на щитках фибулы 1 в местах креплений пружины и приёмника сохранились окислы железа, что может указывать на то, что игла, приёмник и пружина могли быть сделаны из железа. Данные двупластинчатые фибулы можно отнести к подгруппе 21-II по А. К. Амброзу, датирующейся не ранее V в. н.э. [2, с. 77, 86, 91]. Подобные двупластинчатые фибулы известны по материалам некоторых памятников Дагестана и, прежде всего, Паласа-сыртского курганного могильника сер. IV — сер. V в. [5, с. 243. Рис. 35, 25; 11, с. 387. Рис. 199, 10, 11].

Бусы представлены 5 экз. (рис. 2, 5а-5д): одна шаровидной формы (d=2 см) из стекла (рис. 2, 5а), с ярким глазчатым орнаментом (желтого, белого, коричневого и бордового цветов); две фаянсовые бусины овальной (d=1,5 см) (рис. 2, 5б) и приплюснутой (d=1,2 см) (рис. 2, 5в) формы с едва намеченным горизонтальным рифлением; две каменные бусины овальной (рис. 2, 5г) и усеченноконической формы (рис. 2, 5д) с полосчатым орнаментом.

Бронзовый браслет (рис. 2, б) из Ушнигского погребения имеет овальную форму и сделан из тонкой круглой в сечении проволоки, сужающейся к краям и закрученной с одного конца в 6 завитков. Концы браслета не замкнуты, но смыкаются. Толщина браслета в центральной части 0,4 см.

Наконечник железного копья (рис. 3, 1), втульчатый, длиной 23 см и шириной у основания 2,8 см. Сама

втулка составляла большую часть наконечника (20 см) и имеет вытянутую круглую в сечении форму со следами дерева от древка на внутренней стороне. Перо вытянутое (длина 7 см), прямоугольной формы, в срезе ромбовидное, сужающееся к острию в 1,5 см от него.

Фрагмент острия железного клинка ножа длиной 6,5 см треугольной формы с острием (рис. 3, 2).

Фрагмент основания хвостовика железного ножа длиной 5 см со следами дерева от рукояти по всей поверхности. Форма фрагмента прямоугольная, закругленная у основания и прямоугольная в срезе.

Наличие среди инвентаря данного разрушенного погребения предметов, относящихся к женскому парадному костюму (две пластинчатые фибулы, набор бус и наконечники-подвески) [7, Рис. 2, 8, 10; 1, с. 115] дает основание предполагать, что погребение принадлежало женщине.

Ушнигское погребение имеет общие черты в погребальном обряде и погребальном инвентаре с Паласа-сыртским, Кухмазкунтским, Ашага-Стал-Казмалярским и другими могильниками Южного Дагестана [3, с. 55–56]. Датировка погребения у сел. Ушниг опирается на наличие среди погребального инвентаря находок каннелюрованного кувшина, двупластинчатых фибул и наконечников-подвесок. Эти предметы выступают хорошими хронологическими индикаторами, позволяющими отнести погребение к концу IV — первой половине V в. н.э. Находки двупластинчатых фибул и наконечников-подвесок расширяют круг памятников Дагестана с подобными предметами. Вместе с тем, материалы погребения у сел. Ушниг включают его в круг памятников, обладающих признаками единой материальной культуры, распространенной на территории раннесредневекового Южного Дагестана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абиев А.К., Боруцкая С.Б., Васильев С.В., Малашев В.Ю., Фризен С.Ю. Зеликакинский могильник Албано-сарматского времени в Прикаспийском Дагестане. // *Российская археология*. 2017. № 3. С. 118–123.
2. Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. II в до н.э. — IV в н.э. // *САИ*. Вып. Д1–30. М. 1966. 144 с.
3. Гаджиев М. С. Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени // *Древние промыслы, ремесла и торговля в Дагестане*. Махачкала. 1984. С. 47–72.
4. Гаджиев М. С. Погребальные памятники Южного Дагестана позднеалбанского и раннесредневекового времени (I–VII вв. н.э.) // *Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана*. Махачкала. 1986. С. 71–89.
5. Гмыря Л. Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала, 1993. 367 с.
6. Гмыря Л. Б. Кувшины с желобчатой поверхностью Паласа-сыртского поселения // *Древности Кавказа и Ближнего Востока*. Сб. статей, посвященный 70-летию со дня рождения проф. М. Г. Гаджиева. Махачкала, 2005. С. 147–164.
7. Гмыря Л.Б., Илюков Л. С., Магомедов Р.Г. Восточногерманские элементы в декоре женского парадного костюма в материалах погребальных комплексов Паласа-сыртского курганного могильника (IV–V вв.) // *Археология, этнография и фольклористика Кавказа*. Материалы международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала. 2007. С. 160–173.

8. Гмыря Л. Б. Исследование обособленной курганный группы № 2 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Вестник ИИАЭ. 2011. № 3. С. 129–158.
9. Гмыря Л. Б. Исследование обособленной курганный группы № 3 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Вестник ИИАЭ. 2012. № 3. С. 143–189.
10. Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 194–232.
11. Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Ильюков Л. С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Западного Прикаспия III–V вв. н.э. Махачкала, 2015. 451 с.

© Абиев Аскерхан Камалович (abiev-ak@yandex.ru), Абдулаев Абдула Магомедович (realhidh87@mail.ru),
Таймазов Артур Исрапилович (taymazov_artur@mail.ru), Будаичиев Арсен Лахманович (arseneihae@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Махачкала

ГЕОПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ СЕВЕРНЫХ ТУНГУСОВ

GEOSPATIAL IMAGES IN THE TRADITIONAL CULTURE OF NORTHERN TUNGUS

E. Alekseeva

Summary. The article on the basis of ethnographic and field materials highlights the geospatial images of the Evens and Evenks. It is shown that the objects of the geo-landscape (mountains, rivers) reveal their original mental map of space. The development of vast territories of Siberia contributed to the formation of a special world view of the Tungus, worldview, the formation of a unique picture of the world.

Keywords: Yakutia; Evens and Evenks; traditional culture; cultural landscape; geospatial images, traditional picture of the world, mental map of space.

Алексеева Евдокия Кимовна

*К.и.н., Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера Сибирского
отделения Российской академии наук
Aeks07@mail.ru*

Аннотация. В статье на основе этнографических и полевых материалов освещены геопропространственные образы эвенов и эвенков. Показано, что объекты геоландшафта (горы, реки) раскрывают их оригинальную ментальную карту пространства. Освоение обширных территорий Сибири способствовало формированию у тунгусов особого мировосприятия, мировоззрения, формированию своеобразной картины мира.

Ключевые слова: Якутия; эвены и эвенки; традиционная культура; культурный ландшафт; геопропространственные образы, традиционная картина мира, ментальная карта пространства.

Объект исследования имеет непосредственную связь с такими междисциплинарными понятиями как «культурный ландшафт», «геокультура», которым в современном научном пространстве уделяется особое место. Согласно этнолого-географическому подходу [по В.Н. Калуцкову] «культурный ландшафт» рассматривается как освоенный определенным этносом или конфессионным обществом природный ландшафт: определенная система расселения и хозяйствования, язык (топонимика), система матриц и кодов культуры, выражающихся в знаках и символах, непосредственно связанных с территорией. В.Л. Каганский совершенно точно дал определение понятию «культурный ландшафт», согласно которому КЛ — земное пространство, которое определенная группа людей освоила утилитарно, семантически и символически. Действительно, человек, обживая какую-либо территорию, наполняет и придает им определенный «смысл», наделяет системой местных географических названий, символикой [8, с. 60]. Под определением «геокультура» подразумевается процесс и результаты развития географических образов в конкретной культуре, а также формирование традиции культуры осмысления этих образов [5, с. 171]. Определенная культура «коллекционирует» определенные географические образы, приобретая при этом те или иные образно-географические конфигурации. В совокупности они создают геокультурное пространство — систему устойчивых культурных реалий и представлений на определенной территории,

формирующихся в результате взаимодействия различных вероисповеданий, традиций и норм, ценностных установок, структур восприятия — то есть картин мира [3, с. 82]. Культура в данном случае становится интересной как продукт образногеографических интерпретаций [4, с. 70].

В статье нами будут рассмотрены геопропространственные образы и их осмысление в традиционной культуре эвенов и эвенков, интерпретирующие локальные пространства северных территорий. Изучение геопропространственных образов локальных этнических сообществ в качестве компонента культурного ландшафта как историко-культурного феномена, формирующего образы региональной идентичности, природные и культурные объекты и образы во взаимосвязи, пространственные категории культуры в рамках новых междисциплинарных подходов привлекают все большее внимание и продолжают оставаться одним из приоритетных направлений в исследованиях как российских, так и зарубежных ученых. Между тем данный вопрос остаётся открытым, особенно в отношении северных локальных общностей.

Северные тунгусы (эвенки и эвены), прежде всего, известны как кочевые таёжные номады, имеющие сходные историко-культурные особенности, обусловленные единством происхождения. В.А. Туголуков писал, что «эвены и эвенки являются в прошлом единым таежным

народом» [13, с. 160]. По С.К. Патканову, «физическое и культурное единство объясняется наличием общих генетических корней этих этносов» [8, с. 756]. В ходе своей этнической истории и хозяйственной деятельности эвенки и эвенки расселились на огромных пространствах Северо-Востока Сибири небольшими дисперсными локальными группами, каждая из которых имеет свои хозяйственные и культурные особенности. Так, к концу XIX в. вся обширнейшая территория расселения эвенков и эвенков — часть Западной Сибири, Восточная Сибирь, Дальний Восток, включая его северо-восток, верховья крупнейших сибирских рек Индигирки, Колымы, Яны, побережье Охотского моря и реки, впадающие в него, были населены тунгусскими кочевыми объединениями. В Якутии, где отмечается многообразие природных условий и ресурсов, различных этнических сообществ отмечается формирование особого регионального варианта культуры тунгусоязычного населения.

Как показывают исследования, этнокультурные ландшафты эвенков и эвенков, в том числе пространственные представления и ландшафтные коды культур, сформированы в тесной связи с освоенной ими экосистемой и имеет характеристики:

- ◆ в зависимости от геоландшафта проживаемой территории (горно-таежная зона, таежная зона, лесотундровая зона, тундровая зона). Разные социоприродные ландшафты сформировали особое пространственное мышление, символы и образы, при этом эти образы имеют тесную связь с религиозно-мифологическими представлениями;
- ◆ этнокультурного взаимодействия с соседними этносами.

Как известно, одним из основных критериев этнической идентичности народа является территория его жизнедеятельности, которая в культурной памяти этноса устойчиво ассоциируется со сложившимися веками образами исторического и географического пространства. Так, издавна жизненное пространство тунгусов в основном составлял горно-таежный ландшафт — тайга с многочисленными реками, речушками и горными возвышенностями. А.Ф. Миддендорф называл тунгусов 'горным народом', о горной тайге как о родине эвенков писала Н.В. Ермолова: «Сложившись как этнос именно в горной тайге, эвенки выработали и свой особый способ адаптации к ее природным условиям. Приручив северного оленя, ставшего мощным транспортным средством, они обрели свободу передвижения в любом направлении своей ландшафтной зоны, благодаря чему смогли освоить всю горно-таежную область Сибири, которая стала для них большой Родиной, общим этническим Домом» [2, с. 88]. Справиться с этой грандиозной задачей помогли тунгусам сибирские реки, ставшие главными

ориентирами в освоении ими безбрежных просторов горной тайги. Одной из основных идей, выраженной образом Реки, была идея Пути или Дороги. Речные линии были трассами тунгусских кочевков, по которым шли все основные миграции и транспортные перемещения. Она везде выступала, прежде всего, как путь освоения мира, ведущих к постижению его неохватных пространств. Как следствие этого — реки были поставлены традиционным восприятием пространства в один смысловой ряд вместе с горными хребтами, являющимися доминантами горно-таежной местности [2, с. 89]. Тунгусы — 'люди водоразделов', а водоразделы — это всегда возвышенности, с которых реки текут в разных направлениях, ведя к новым землям, это 'ключи' к ориентации в пространстве земли пишет А.А. Сирина. Кочевые тропы связывали разные социоприродные ландшафты, формируя особое пространственное мышление, символы и образы. [12, 2012: 253, 254].

Итак, геопропространственные объекты — тайга, гора, реки — это тот контекст, в котором сформировался национальный образ мира тунгуса-кочевника, эти объекты раскрывают оригинальную ментальную карту пространства северных тунгусов.

Тем самым в исследовании рассматриваются следующие базовые единицы, в которых ярко отражается природно-ландшафтный код традиционной культуры эвенков и эвенков — «река», «гора», «тайга/дерево». И основная роль при передвижениях по труднодоступному горно-таежному ландшафту отводится оленю. Эти объекты выступают в роли образов и символов, это тот контекст, в котором сформировался национальный образ мира северных тунгусов, связаны с их древнейшими представлениями, архетипическими и мифологическими. Известно, что у кочевых народов наряду с реальным освоением жизненных территорий освоение пространства имел и религиозно-мифологический характер — это мир духов, всевышних божеств и ушедших предков. Природа и его объекты наполнены сакральным содержанием, одухотворена духами предков, скреплена с человеком посредством традиций, обычаев, запретов. Так, жизненный мир тунгусов, подобно любой традиционной системе, заключал в себе два взаимосвязанных уровня. С одной стороны, это было реальное географическое пространство, наделенное определенным сакральным смыслом, а с другой — весь мифологический Космос с его охватом земного и неземных миров [2].

Так, кочевые тропы и реки в религиозно-мифологическом ключе в первую очередь выступали символом «Дороги», гора символом «Мирового дерева», дерево — «Символом жизни». Благодаря религиозно-мифологическим представлениям о Мировой реке, Мировом дереве, Горе, о верховных божествах, духов-хозяев мир

для тунгусов становится упорядоченным, Хаос меняется на гармонию Вселенной (Космоса).

В мифологии народов Сибири и Севера космическая река выступает в качестве 'мирового пути', некоего 'стержня' мироздания, пронизывающего верхний, средний и нижний миры. Сакральная область реки локализовалась в центре тунгусского мироздания, выражая собой целый спектр важнейших основополагающих понятий и символов тунгусской картины мира [2, с. 87]. В традиционном мировоззрении эвенков и эвенов мифическая космическая река *эндекит* выступала структурообразующей Вселенной, представлялась как шаманская 'дорога — река', а коммуникативную роль между мирами играл родовой шаман. Самыми большими «мастерами» в освоении мифологического пространства/времени являлись шаманы, главная функция которых — посредничество, которое было немыслимо без путей и дорог [1, с. 56]. Необходимо отметить, что в традиционной культуре тунгусов, идея пути является многоплановой. Это путь по Вселенной, путь между жизнью и смертью и новым рождением, но это же путь оленей и течение реки [11, с. 243].

В жизненном пространстве тунгусов наряду с реками горы выполняли роль главных ориентиров на местности как в географическом, так и в сакральном смысле. В географическом плане они выступали тем центром, вокруг которого вели свою жизнедеятельность кочевые группы тунгусов. С древности главная гора местности рассматривалась как символ родовых кочевий (например, у ламунхинской группы эвенов гора *Дудэрэ*) [10, 2017 г.]. Как известно, мифологические функции горы многообразны. Гора выступает в качестве наиболее распространенного варианта трансформации Мирового дерева. Гора часто воспринимается как образ мира, модель Вселенной, это центр мира, ориентир в пространстве. Самые высокие горы всегда почитались и наделялись сакральными свойствами. У тунгусов горы, как и каждый природный объект, имели своих духов-хозяев — *муран* (эв.), *мусун* (эвенк.). По их представлениям, на вершине священных гор обитали духи-покровители. В целом божественные персонажи были связаны с вершиной горы. Так, эвены в обрядах при окроплении земли кровью или молоком использовали в основном ложки — *көйэнэ* (*көйэ* — «бараний рог» Ойм., Ох., Ол.), так как считали, что горный баран, обитающий на вершине горы, ближе к солнцу и божествам [9].

Во все времена горы были и остаются объектом восхищения человека. Горе как доминантному символу посвящались легенды, предания, мифы, песни, стихи. Когда при беседе с информантами с северных районов речь заходит о горе, они в первую очередь подчеркивают красоту и величавость родных гор, но в то же время

и их строгость. Гора для них живой объект, требующий уважительного отношения и почтения. Однажды оленевод-информант из с. Себян-Кюель Кобяйского района, приехавший в город сказал: «Как мне душно в городе, здесь везде суета, когда же я наконец поеду к себе на родину, в тайгу, в стадо к своим оленям, горным просторам, где легко дышится, где просторно, где душа отдыхает и радуется. Вот приеду в Себян, увижу родные горы, тогда я успокоюсь!» [9, 2015 г.].

В освоении тунгусов труднодоступных горно-таёжных пространств Сибири особая роль принадлежит Оленю. Вся жизнь тунгусов-кочевников находится в единстве с родной природой и связана с тайгой, где прежде всего Олень выбирает Путь/Дорогу (около горы, реки или озера) в сложной системе мироздания и только дорога Оленя становится дорогой Кочевника. Олень выступает связующим звеном между водной и горной системами. Именно ритм оленя организует жизненное пространство тунгуса-кочевника. Поэтому почитание оленя (культ оленя) у исследуемых этносов настолько высоко, что в религиозно-мифологических представлениях этих народов он выступает как первопредок, верховное божество, с которым связана вся жизнь рода и отдельного человека, зависело здоровье и благополучие семьи. Следует заметить, что Мировое Дерево, река и кровеносная система оленя (поскольку эвены и эвенки хорошо знали внутреннее строение животного) — элементы, которые в представлениях тунгусов составляют единое целое, трансформируясь одно в другое, связаны между собой в религиозно-мифологических представлениях, составляющих часть геокультурного пространства.

Итак, геокультурное пространство тунгусов сформировалось на границе реального геофизического пространства и пространства мифологического (мифологические функции горы как Мирового дерева, функции Реки как мифической космической реки — *эндекит*). Как и у других народов у северных тунгусов определенный географический объект имел свое семантическое и мифологическое содержание, которое связано с рациональным и концептуальным переживанием пространства. Тесная связь северных тунгусов с природой определила особенности их мировосприятия/мироощущения, на основе которой складывались мифологические и символические образы пространств. Кочевники организовывали свое жизненное пространство, наделенное божествами и духами-хозяевами, а связующим звеном между ними выступал родовой шаман, выполняющий роль «защитника» своего рода. Таким образом, через культурный ландшафт, наделенный символическими нагрузками, выявляется ментальная картина мира северных тунгусов, при этом символы геокультурных образов имеют мировоззренческую основу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е.К., Варавина Г. Н. Реальное и символическое пространство тунгусской культуры: движение и путь // Общество: философия, история и культура. — 2017. — № 6. — С. 55–57.
2. Ермолова Н. В. Река в трех мирах эвенкийской Вселенной // Реки и народы Сибири: сборник научных статей / отв. ред. канд. ист. наук Л. Р. Павлинская. СПб., 2007. С. 87–127.
3. Замятин Д. Н. Географические образы в гуманитарных науках // Человек. 2000. № 5. С. 81–88.
4. Замятин Д. Н. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов — Ин-т географии РАН. СПб.: Алетейя, 2003. — 331 с.
5. Замятин Д. Н. Геокультурное пространство России: ключевые положения, интерпретации и перспективное геокультурное проектирование // Развитие и экономика. 2014. — № 6. — С. 170–183.
6. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сборник статей. М.: НЛО, 2001. — 576 с.
7. Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. — 320 с.
8. Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. — Т. 3. — 911 с.
9. ПМА, 2015 г.
10. ПМА, 2017 г.
11. Сем Т. Ю. Символика и семантика обрядовой одежды тунгусов (к иконографии богов плодородия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2, Вып.4, 2007 г. — С. 245–255.
12. Сирина А. А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М., 2012. — 604 с.
13. Туголуков В. А. Эвены // Этническая история народов Севера. — М., 1982. — С. 155–168.

© Алексеева Евдокия Кимовна (Aeks07@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЛИЩА СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ЧУВАШИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX — НАЧАЛЕ XXI В¹

TRANSFORMATION OF THE DWELLING OF VILLAGERS CHUVASHS IN THE SECOND HALF OF XX — THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

O. Vyazova

Summary. The changes happening in the dwelling of villagers of Chuvashia are investigated, reduction of the national and traditional moments in registration of an interior of the house is noted. Preservation of a big role of opinion of society in internal arrangement of dwellings is emphasized. The recommendations about preservation and further development of the national moments in rural housing construction of Chuvashia are offered.

Keywords: Household comfort, gasification, gas and oven heating, internal furniture of the house, the furnace, traditional and modern furniture, photoshow-windows, the national moments in rural housing construction of Chuvashia.

Вязова Ольга Георгиевна

*К.и.н., доцент, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова
o-vyazova2008@mail.ru*

Аннотация. Исследуются изменения, происходящие в жилище сельских жителей Чувашии, отмечается уменьшение национальных и традиционных моментов в оформлении интерьера дома. Подчеркивается сохранение большой роли мнения общества во внутреннем обустройстве жилищ. Предложены рекомендации по сохранению и дальнейшему развитию национальных мов в сельском жилищном строительстве Чувашии.

Ключевые слова: Бытовой комфорт, газификация, газовое и печное отопление, внутреннее убранство дома, печь, традиционная и современная мебель, фотовитрины, национальные моменты в сельском жилищном строительстве Чувашии.

Жилище сельских жителей в первую очередь как часть традиционной культуры продолжает оставаться предметом изучения ученых [2]. В тоже время жилище трансформируется, претерпевает существенные изменения под воздействием социально-экономических факторов, модернизационных процессов, проходящих на селе во второй половине XX века. Предметом нашего рассмотрения стала трансформация жилища чувашского сельского населения во второй половине XX — начале XXI вв., проживающего на территории Чувашской Республики. При написании работы нами были использованы материалы, полученные в ходе экспедиций, проведенных Чувашским научно-исследовательским институтом в 1960, 1970 и 1980 гг. [5], сведения, полученные в ходе включенного наблюдения, проведенного автором летом 2018 г. в трех селениях (д. Синькасы, д. Егоркино, д. Торханы) Шумерлинского района (изучено 11 домохозяйств), кратковременных экспедиций по сельским населенным пунктам Чебоксарского, Ядринского, Моргаушского, Вурнарского, Мариинско-Посадского, Яльчикского, Батыревского, Комсомольского районов Чувашской Республики (изучено 19 домохозяйств), а также в ходе анкетного обследования

студентов Чувашского государственного университета (опрошено 46 студентов из Чебоксарского, Моргаушского, Аликовского, Красноармейского, Красночетайского, Вурнарского, Канашского, Урмарского, Ибресинского, Ядринского, Комсомольского, Яльчикского, Батыревского, Шемуршинского районов). Таким образом, в исследовании представлены 15 из 21 районов Чувашии. Обследование 2018 г. проходило на основе анкеты, разработанной автором. При составлении вопросов учитывалось то, что подобные исследования чувашской деревни проходили в 1960, 1970 и 1980 гг. Анкета включила в себя семь блоков: характеристика дома, интерьер жилища, убранство жилища, мебель, наличие бытовой техники и средств передвижения, баня, помещение для содержания скота, погреб, подпол, а также сведения о составе семьи, проживающей в доме. Привлекались также сведения Чувашстатупрала, а именно данные Всероссийской переписи населения 2010 г.

Следует отметить, что большинство опрошенных селян проживает в личных домах. Только 6 из 76 человек указали, что живут в квартирах. Это, как правило, поселки городского типа — Кугеси и Атлашево Чебоксарского

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №17-11-21 009 а (р)

района, центры, в свое время крупных колхозов — д. Торханы или районные центры — села Моргауши и Красные Четаи. Квартиры находятся в многоквартирных домах, как правило, 2–3 этажных. Как и в городах, в ходе приватизации, квартиры в таких домах стали личной собственностью проживающих в них людей. Планировка и обстановка в этих квартирах ничем не отличается от типовых городских. В большинстве случаев хозяевами улучшена комфортабельность проживания: проведена горячая и холодная вода, устроена канализация, оборудованы ванны или душевые комнаты, к примеру, так было сделано в д. Торханы Шумерлинского района [6]. Единственно эти квартиры отличает от городских то, что во дворе дома часто имеются хозяйственные постройки для содержания птицы, мелкого и даже крупного рогатого скота.

В 1960 г. самыми распространенными типами сельских индивидуальных жилых сооружений являлись деревянные дома, они составляли 99,4% в обследованных сельских населенных пунктах. Доля деревянных домов к 1980 г. уменьшилась до 80,2%, а кирпичных увеличилась до 19,2%, незначительно выросла (до 0,6%) доля шлакобетонных [5, с. 61,62]. В последующие годы данная тенденция продолжала развиваться. По данным Всероссийской переписи 2010 г. 48,76%, проживающих в сельской местности в индивидуальных (одноквартирных) домах частного жилого фонда, указали, что живут в кирпичных домах, 41,67% — в деревянных, 0,24% — монолитных, 1,16% — панельных, 7,17% — в смешанных [3]. Обследование 2018 г. показало, что кирпичные дома имеют 58,6% опрошенных, 25,7% — деревянные, один человек — блочно-деревянный, пять человек — кирпично-деревянные дома. [6].

Авторы статьи «Изменения материальной культуры сельского населения Чувашии (по материалам экспедиций 1933, 1960, 1970, 1980 гг.)» отмечали, что «в последние десятилетия расширяется строительство домов с «двойными» стенами: сооружают стандартные дома из брусьев и снаружи обкладывают кирпичной стенкой толщиной в один кирпич» [5, с. 63]. Правда, ни одного подобного дома в ходе обследования 2018 г. нам не удалось обнаружить. Следует отметить, что сама технология «двойных» стен получает широкое распространение. Деревянные (срубные) дома обшивались деревянной дранкой, силикатным, облицовочным кирпичом, кирпичные и деревянные дома начинают утепляться керамзитом, пенопластом, минеральной ватой, в качестве облицовочного материала используется пластиковый сайдинг [6].

Полностью уходят в прошлое дома с соломенной крышей, покрытые тесом или дранкой. Ни один респондент в 2018 г. не указал наличие таких крыш, а вот использование новых материалов наблюдается. Железные

крыши, требующие постоянной покраски, даже в домах у пожилых людей с помощью детей заменяются на профнастил. Самое широкое распространение имеют крыши, покрытые оцинкованным железом [6].

Во второй половине XX — начале XXI вв. существенной трансформации подвергаются размеры жилых помещений сельских жителей Чувашии. Если в 1960 г. средняя жилая площадь на одного человека составляла 8,15 кв.м., то в 2010 г. — уже 20 кв.м., причем этот показатель был выше, чем в городских населенных пунктах, где он составлял 18 кв.м. на человека [5, с. 60, 4]. Если в 1970 г. 18% жилых домов имели площадь 40–49 кв.м., около 11% — от 50 до 80 кв.м. и выше, то в 2018 г. — уже 53,6% домов имели площадь от 40 до 79 кв.м., 13,04% — от 80 до 100 кв.м., 23,2% — свыше 100 кв.м. [5, с. 60, 6]. Интересно, что большинство домов площадью более 100 кв.м. были построены в 1990–2000-е гг. или находились в южных районах Чувашии.

В 1960-е гг. стала явно проявляться тенденция к строительству многоквартирных домов. В 1970 г. удельный вес двухкомнатных домов достиг 30,2%, трехкомнатных и более — 6,6%. Материалы экспедиции 1980 г. показали, что 46,2% семей имели уже две комнаты, у 9,4% семей жилье трехкомнатное, у 2,9% — четырех- и более [5, с. 61]. При чем, для выделения отдельных комнат активно стали использовать не только капитальные внутренние стены, но и дощатые перегородки, мебель, тканевые занавески.

В 2018 г. только 9,2% опрошенных отметили, что проживают в двухкомнатных домах, 63,2% — в 3–5-ти комнатных домах [6]. В многоквартирных домах четко определялось функциональное назначение каждой комнаты: выделялись кухня, зал, комната родителей, детей, бабушек и дедушек. Следовательно, планировка деревенского дома стала приближаться к городской многоквартирной квартире. Интересно, что традиции зонирования большого пространства — выделения отдельных комнат с помощью дощатых легких перегородок сохранилась. В некоторых домах они даже возводились не до потолка, как указывали респонденты «чтобы воздух свободно проходил во все комнаты», отмечалась еще одна причина такого зонирования: «можно легко изменить пространство внутри дома и провести перепланировку» [6]. Значительно реже для зонирования использовалась мебель, как правило, в домах, где планировка осуществлялась внутри дома по желанию пожилых людей.

Проведенное в 2018 г. исследование позволяет сделать вывод, что современная чувашская деревня активно стала строиться и обустроиваться. Фактически все респонденты сообщали о проведении ремонтных работ, даже если дома были построены совсем недав-

но. Ремонтные работы в новых домах обуславливались «необходимостью обновления обстановки»: переклеивались обои, пластиковые плиты на потолках заменялись современными натяжными потолками и т.д. Если дома были построены в 1960–1990-е годы, то чаще всего утепляли стены, снаружи дома обшивали различными материалами: кирпичом, деревянным или пластиковым сайдингом, с целью увеличения площади дома пристраивали дополнительные помещения — комнаты, для проведения газового отопления появлялись котельные. Для лучшего сохранения тепла деревянные окна повсеместно стали заменяться на пластиковые. Пластиковые окна, как правило, уже не украшались никакими узорами.

Активная газификация республики, проводившая в последние годы, меняет облик внутренней обстановки жилого помещения. Во многих домах, где имеется газовое отопление, вне зависимости от района, возраста хозяев дома, профессиональной принадлежности, убирается печь. В то же время значительное количество респондентов в качестве причины сохранения печи в доме указывало на необходимость иметь дополнительный или запасной вид отопления. Чаще всего на этот мотив указывали пожилые жители [6]. Новые технологии позволили помимо газового использовать электрическое отопление, но и в этом случае, как дополнительное сохранялось печное отопление.

Уровень газификации природным газом в Чувашской Республике на 1 января 2017 г. составил в сельской местности — 67,13% [1]. Следовательно, продолжают оставаться дома, в которых сохраняется печное отопление. Наше обследование показало, что такие дома имеются в различных частях Чувашии: в Шумерлинском, Ядринском, Красночетайском районах. При этом все населенные пункты, где проживали респонденты, указавшие на наличие печного отопления, газифицированы. Поэтому, на наш взгляд, основной причиной сохранения печного отопления является материальная: нет средств на проведение газового отопления [6].

Бытовой комфорт ранее характерный для городского жилья, то есть наличие канализации, горячей и холодной воды, ванны или душевой кабины, стал активно проникать и в сельскую местность. Если даже так комфортно не были оборудованы дома, то часто респонденты отмечали, что «обязательно в ближайшее время планируем провести воду, устроить ванную или душевую кабину, сделать туалет внутри дома или в отапливаемом пристрое к дому». Даже дома пенсионеров при поддержке детей также переоборудовывались по городскому. Правда, далеко не все пожилые люди соглашались с данными нововведениями. Так, 70-летний житель деревни Москакасы Моргаушского района на предложение де-

тей провести канализацию в дом ответил: «Будет запах. Что сил нет выйти на улицу в туалет!» [6].

Анализ собранного материала позволяет предположить, что стало уходить в прошлое украшение внутреннего убранства дома с помощью полотенец, настенной вышивки. Только два респондента отметили, что угол с иконами оформлен полотенцами с чувашской вышивкой. И в доме 72-летней жительницы деревни Егоркино Шумерлинского района нам пришлось наблюдать украшение настенных зеркал, фотографий, размещенных в рамке на стене и даже настенного календаря с помощью полотенец с вышивкой [6]. Такое обилие вышитых полотенец было объяснено тем, что «у чувашей так было принято» и полотенца вышивались матерью и самой хозяйкой дома, а некоторые даже специально приобретались [6].

Практически обязательным атрибутом сельского дома становится наличие иконы, которая, как правило, размещалась на специальной полке в углу комнаты. Иконы или иные атрибуты религиозного (в т.ч. мусульманского) культа имелись у 74,8% опрошенных в 1980 г. [5, с. 84]

Значительно реже в домах стали встречаться фотовитрины, в которых помещались фотографии бабушек, дедушек и других родственников, как правило, их можно было увидеть в домах пожилых людей. В домах более молодых жителей сельской местности фотовитрины вообще отсутствовали или размещались уже не в основных комнатах, а на веранде или в комнатах бабушек и дедушек. По словам жительницы деревни Персирланы Ядринского района: «Раньше фотографии родителей, бабушек, дедушек имелись над каждым окном в доме. Недавно все убрала, так как сказали, что вешать портреты умерших людей не хорошо» [6]. Вместо фотовитрин широкое распространение получает размещение на стенах, комодах, в стенках за стеклом фотографий детей и внуков. Фотографии же сохраняются в фотоальбомах, в компьютерах и ноутбуках.

Совершенной экзотикой стало развешивание плакатов, афиш или фотографий актеров, певцов и других известных людей. Только одна студентка отметила, что в подростковом возрасте на стенах ее комнаты были размещены фотографии популярной на том момент группы «Ранетки» [6].

Во вновь построенных или существенно перестроенных домах не находят место такие в прошлом традиционные элементы мебели как сундуки, деревянные скамейки, резные деревянные стулья. Они переносились из дома в летние кухни, веранды, в предбанники. Сундуки сохранялись как память о бабушках, и в них хранились старые вещи. Всего два человека отметили,

что в доме сохранились детские колыбели, подчеркнув, что в них очень удобно укачивать маленьких детей. Повсеместно используется современная мебель: диваны и кресла, стенки, кухонные гарнитуры, книжные шкафы и шкафы для одежды, вновь входят в моду комоды. Для утепления пола сельские жители продолжают активно использовать ковры и дорожки, но уже исключительно фабричного производства.

В ходе изучения быта сельских жителей нас также интересовал вопрос, чем сегодня руководствуются селяне при проведении переустройства, ремонтных работ или обустройстве дома. В качестве ответов на данный вопрос респонденты указывали следующее: «руководствовались вкусом членов семьи», «подсказали родственники, соседи», «так, сейчас делают». Последний вариант ответа фигурировал очень часто, к нему приходили и в ходе проводимых бесед, когда респонденты затруднялись найти ответ на поставленный вопрос. «Так сейчас делают» оказывалось очень часто сильнейшим фактором в поведении селян. Иногда оно даже шло в разрез со здравым смыслом. Так, к примеру, во многих домах мы видели, что деревянные, как мы сегодня отмечаем, экологичные потолки, обклеивались пластиковыми панелями. Сегодня же, как дань моде, они стали заменяться на натяжные потолки. Вообще только два человека отметили экологичность при обустройстве дома. Именно этим они объясняли сохранение деревянных потолков, полов, использование деревянной вагонки для внутренней и внешней отделки дома. К сожалению, только несколько человек указали на использование национальных традиций при обустройстве дома, как правило, это касалось украшения окон резьбой, полотенцами с национальной вышивкой

икон, фотовитрин. Некоторые респонденты указывали на то, «что надо бы использовать национальные элементы», но не умение вышивать или отсутствие свободного времени не давало возможности реализовать на практике эту идею. Безусловно, на активное проникновение новых технологий, материалов при строительстве жилья оказывает влияние то, что многие сельчане выезжают на заработки в различные регионы нашей страны, занимаясь именно строительными работами.

Таким образом, на протяжении второй половины XX — начале XXI вв. происходят существенные изменения в жилище сельских жителей Чувашии. Сельский дом стал выглядеть по-иному не только снаружи, но и внутри. Он приобретает более унифицированный внешний вид, использование пластиковых окон, которые уже исключают резьбу на окнах, пластикового сайдинга делают дома более строгими. Внутреннее убранство теряет традиционную, национальную специфику, все более приближаясь к городскому стилю обустройства жилого пространства. В этих условиях, на наш взгляд, можно порекомендовать главам сельских поселений проводить конкурсы, смотры по использованию национальных моментов при строительстве и оформлении жилого пространства. Победителей этих конкурсов особо отмечать на общесельских мероприятиях, таких как День деревни, Акатуй и других. В условиях, когда мнение общества продолжает играть большую роль даже в таких моментах, как обустройство дома, данные мероприятия могут стать вполне эффективными в сохранении и развитии национальных традиций, а в конечном итоге будут способствовать сохранению национальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Газовому хозяйству Чувашии исполнилось 60 лет. Газпром. Межрегионгаз. Чебоксары. (Официальный сайт) / [Электронный ресурс] — URL: <http://gmch.ru/info.aspx?type=publ&id=7343> (дата обращения: 27.10.2018).
2. Данилова Н. К. Якутское традиционное жилище: пространственные и ритуальные измерения. Автореф. дисс. на соиск. степ. канд. ист. наук. Томск, 2010.
3. Зыков С. Н., Овчинникова Е. В. Традиционная культовая постройка «куала» в контексте проектной культуры удмуртов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10. Ч. 1. С. 79–82 и др.
4. Жилищные условия населения Чувашской Республики. Чувашстат. (официальный сайт) / [Электронный ресурс] — URL: <http://chuvash.gks.ru> (дата обращения: 27.10.2018).
5. Жилищные условия населения. Брошюра по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. Чебоксары, 2013. С. 10.
6. Иванов Л. А., Кузнецов И. Д., Сидоров П. А., Фокин П. П. Изменение материальной культуры сельского населения Чувашии (По материалам экспедиций 1933, 1960, 1970, 1980 гг.) // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. Чебоксары, 1986. С. 45–94.
6. Полевые материалы автора. Материальная культура сельского населения. 2018.

© Вязова Ольга Георгиевна (o-vyazova2008@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРИЗИС, ПРИВЕДШИЙ К РАСПАДУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ЮГОСЛАВИИ

NATIONAL CRISIS THAT LED TO THE DISINTEGRATION OF THE SFRY

**D. Mansur
Y. Mansur**

Summary. Interethnic relations significantly affect the development of various spheres of human life. The relevance of the topic is that the international relations of the modern world confirm the fact that people are still not able to get rid of wars and armed conflicts in various regions of the world. The purpose of this work is to consider the main causes of the crisis in the SFRY that led to the collapse of the state.

Keywords: Balkans, deep crisis, the Union of Yugoslavian Communists, disintegration, centralism, decentralism, multiparty political system, conflict, peacekeepers, criminal groups.

Мансур Дария Нумман

Ассистент, Российский университет дружбы народов
РУДН

dariyamansur@gmail.com

Мансур Юсеф Нумман

Российский университет дружбы народов РУДН

Аннотация. Межнациональные отношения значительно влияют на развитие разнообразных сфер жизни человека. Актуальность темы заключается в том, что международные отношения современного мира подтверждают тот факт, что людям еще не удается избавиться от войн и вооруженных конфликтов в различных регионах мира. Цель данной работы рассмотреть основные причины кризиса в Социалистической Федеративной Республике Югославии (СФРЮ) приведшего к распаду государства.

Ключевые слова: Балканы, глубинный кризис, Союз коммунистов Югославии, дезинтеграция, централизм, децентрализм, многопартийная политическая система, конфликт, миротворцы, преступные группировки.

Введение

Межнациональные отношения значительно влияют на развитие разнообразных сфер жизни человека, на содержание и особенности правового регулирования в целом. В конце 20 и начале 21 веков существенно выросло влияние национально — этнических факторов на различные стороны общественной жизни людей [1].

Военные конфликты на протяжении многих веков формирования межгосударственных отношений были основным средством разрешения межнациональных противоречий. Победившая сторона доказывала «правоту» своих политических и территориальных притязаний силой [2,6]. Важнейшим решением для ограничения войн и обеспечения мира были созданные в 1919 году Лига Наций и в 1945 году ООН, которые вносили существенный вклад в сотрудничество государств и поддержании международного мира, развитии системы мирного разрешения международных споров и межрегиональных конфликтов, в частности [3,4,5,7,8]. Однако, к середине 1990-х годов, стали ярко проявляться признаки кризиса и снижения результативности миротворческой миссии ООН.

Актуальность темы

Заключается в том, что международные отношения современного мира подтверждают тот факт, что людям

еще не удается избавиться от войн и вооруженных конфликтов в различных регионах мира. Об этом свидетельствуют вооруженные события в бывшей Югославии, Афганистане, Ираке, Сирии и в других странах мира, поэтому проблема межнациональных конфликтов остаётся актуальной и в начале 21 века.

В мире нет региона, где международное сообщество применяло бы столь многочисленные модели урегулирования международных конфликтов, с точки зрения международного права, как Балканы. Бывшая Югославия-государство, которое объединяло народы южных славян, а также другие народы Балкан. Государство возникло впервые после окончания первой мировой войны- в 1918 году как монархия- Королевство сербов, хорватов и словенцев. Со сменой династии в 1929 году государство получает название Югославия. Учредительная скупщина 29.11.1945 года принимает декларацию об окончательной ликвидации монархии и провозглашении Федеративной Народной Республики Югославии, а с 1953 года носившей название Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ).

Народы, населявшие и населяющие Югославию, по-преимуществу, одного этноса — славяне, но они составляли и составляют разные религиозно-культурные общности: православные, католики и мусульмане и др. С самого начала существования Югославии, для неё

были характерны исторически обусловленные религиозные, национальные и культурные различия.

Образование Югославии на национально-федеративных принципах было составной частью решения национального вопроса в политике победившей в ходе народно-освободительной войны коммунистической партии во главе с И. Б. Тито. Национальный вопрос решался КП Югославии с учетом опыта коммунистического движения в целом и в строгом соответствии с марксистско-ленинской теорией.

В основу формирования новой, социалистической Югославии был положен национально-федеративный принцип построения государства, что послужило в дальнейшем определяющим фактором специфики функционирования государственной системы.

Глобальный кризис, охвативший югославскую федерацию в конце 80- начала 90 годов 20 века, явился выражением процессов, начавшихся гораздо ранее и приведших к дестабилизации и разрушению федеративной системы [3,4,5].

Борьба двух тенденций: централизма и децентрализма определяла жизнь югославской федерации весь период её существования. Проявлялась она во всех сферах общественно-политической жизни: в межнациональных и во внутрипартийных отношениях, и, конечно, находила выражение в конституционально-правовой сфере (в виде принятия поправок к конституции, принятии новых документов и т.д.)

Усилились кризисные явления в сфере национальных отношений, что сделало очевидным необходимость принятия стабилизационных мер. Были сделаны попытки усиления федеративных начал и укрепления центральной власти в конце 80-х годов [6,7,8,9].

Глубинный кризис, охвативший политическую, государственную, экономическую сферы потребовал изменения всех государственно-политических структур и пересмотра основ организации государства. Не будучи преодолен, он привел к распаду единого многонационального государства. Следствием чего явился затяжной межнациональный конфликт на территориях бывшей Югославии, продолжающейся можно сказать и по настоящее время, особенно самой горячей точкой и не решенной проблемой остается Косово.

Цель данной работы

Рассмотреть основные причины кризиса в СФРЮ приведшего к распаду государства.

Предмет исследования

Комплекс политических и организационных мер в отношении международно — правового урегулирования региональных конфликтов в бывшей Югославии.

Задачи исследования

1) проанализировать особенности межнациональных отношений, национального фактора в правовом урегулировании региональных конфликтов, в бывшей Югославии, 2) исследовать основные причины кризиса в СФРЮ.

Методы исследования

Сбор и анализ информации из научных журналов, газет, и сети Интернет. Использование статистических данных для анализа процессов кризиса и их влияния на СФРЮ, которые публикуются в ежегодных изданиях по предоставленным информационным итогам различных министерств Республики Сербии и РФ.

За время нахождения у власти, партия югославских коммунистов пережила несколько кризисов, основной смысл которых сводился к конфликту между центральным руководством партии и руководством республиканских и краевых организацией в СКЮ («националистическое», «анархо-либеральное» течения в партии и т.д.) Политика центрального руководства состояла в поддержании своеобразного «баланса сил» между республиканскими партийными организациями и в попеременном ослаблении той или иной внутрипартийной группировки с тем, чтобы предотвратить ее чрезмерное усиление. Таким образом, центральное партийное руководство вынуждено было постоянно балансировать, при этом очень сложно было достичь единства в партии, фактически оно никогда не достигалось, периоды затишья вновь чередовались периодами обострения внутрипартийной борьбы.

Развитие в партии шло в направлении постепенного усиления влияния республиканских партийных организаций и ослаблении центрального руководства СКЮ, после смерти И. Б. Тито этот процесс еще более усилился.

Несмотря на это, сравнительно долгое время югославским коммунистам удавалось поддерживать стабильность в партии и обществе, пользуясь благоприятной внешнеполитической обстановкой.

Процессы перестройки в восточноевропейских странах и СССР, в последствии распад СССР, привели к смене политической системы и отстранению от власти во всех восточноевропейских государствах коммунистических партий.

Глобальное изменение внешнеполитической ситуации привело к изменению внутривнутриполитической ситуации в СФРЮ. Новые условия требовали пересмотра политики правящей партии. С целью найти пути выхода из кризиса был созван чрезвычайный XIV съезд СКЮ. Основным его вопросом был вопрос организации партии, принципов ее функционирования. Коммунисты Хорватии предложили решительно отказаться от модели ведущей монополярной партии, выступили за равноправное положение всех политических партий и движений, за введение свободной альтернативной выборной системы. На съезде отмечалось, что параллельно с изменениями в политической сфере должны происходить реформы в государственно-правовой сфере. СКЮ выступил за реформу системы скупщин как представительских органов трудящихся. Скупщины должны стать фактором утверждения правового государства. Югославские коммунисты высказались за равноправие и многообразие форм собственности, поддержав идею перехода к рыночной экономике. Был одобрен экономический курс кабинета министров во главе с Анте Марковичем, направленный на преодоление инфляции и на реформу национальной экономики. В завершении работы съезд обратился ко всем коммунистам и организациям СКЮ принять активное участие в подготовке пятнадцатого съезда страны — съезда обновления, которому не суждено было состояться. XIV чрезвычайный съезд СКЮ стал последним в истории Союза коммунистов Югославии. Кризис в партии преодолен не был, он ещё более углубился. В Югославии была «утрачена способность формировать общегосударскую политику» [11].

С этого времени СКЮ перестает существовать как единая политическая организация, она распадается на отдельные республиканские союзы коммунистов, идет формирование многопартийных систем.

Переход к многопартийной политической системе обусловил необходимость изменений в конституционно — правовой сфере. Распад единой политической системы, приход к власти в республиках новых политических партий и новых «национальных» правительств привел к кризису власти на федеральном уровне. Конфликт между союзным и республиканским руководством осложнял работу по подготовке и принятию новых федеральных законов. Республики имели право путем референдума, принять решение о выходе из состава союзного государства. Параллельно этому шла работа по изменению конституций республик. В сентябрь 1990 г была принята новая Конституция Сербии, которая свела правовой статус краев (Воеводина, Косово, Метохия), к территориальной и культурной автономии, лишив их всех элементов государственности. Было возобновлено территориально-административное единство республик.

На фоне политического и конституционно — правового кризиса происходит резкое обострение межнациональных отношений. С весны 1991 года кризис переходит в стадию вооруженного конфликта. С мая 1991 года практически бездействуют институты власти: скупщина СФРЮ и Президиум СФРЮ. С октября 1991 года Президиум СФРЮ стремится приостановить дезинтеграцию Югославии и прекратить вооруженный конфликт. Однако, к этому времени события уже приобрели неконтролируемый характер, и процесс распада федерации стал необратимым.

В республиках бывшей Югославии начались бесчисленные этнические конфликты, приведшие регионы к состоянию глубокого социально-экономического кризиса. Вплоть до настоящего времени отдельные регионы бывшей Югославии неспокойны, в результате деятельности преступных группировок. Косово стало одним из таких сложных регионов. Регион Косово в последствии стал «важным узлом наркотрафика в страны Запада». Также известны многочисленные факты похищения и убийств граждан, случаи похищения иностранцев, продажа человеческих органов и т.п. [1]. Впервые после Первой мировой войны ведущие страны мира взяли на себя функции миротворцев во внутреннем этническом конфликте другого государства и силой навязали ему свое «решение проблемы» [10]. Сейчас Албанцы проживающие в регионе составляют большинство населения Косова (90%), сербское население составляет (10%). Косово остается «беспокойной точкой» планеты до сегодняшнего дня. Пример Косово показывает, что все межнациональные конфликты не должны решаться силой, а должны решаться, подобающе основываясь на нормы международного права.

Заключение

Причины кризиса распада федеративного Югославского государства многообразны. Основные причины кризиса в Югославии можно подразделить на внутренние и внешние, среди которых, в свою очередь, можно отметить первичные и вторичные. К первой группе внутренних причин относятся исторически обусловленные религиозно-культурные различия народов, проживающих на территории Югославии и государственно-политические причины, в частности национально-федеративный характер построения государств. Ко вторичным причинам этой группы относятся различные уровни экономического развития республик, межреспубликанские противоречия, а также политико-государственные противоречия между центральным и республиканским руководством, слабость союзных органов власти. К группе внешних причин относятся изменения геополитической ситуации в Европе, разрушение системы социализма, общий кризис коммунистического движения, развитие

нового «центра силы» в Европе — объединенной Европы (ЕС).

Главным фактором, предопределившим возникновение кризиса, автор считает национально-федеративный принцип построения югославского государства, который привёл к образованию мощных республиканских бюрократических структур, быстрому формированию сильных национальных элит со специфическими интересами в политико-государственной и экономической областях. Постоянно происходило ослабление федеральных структур власти, так что к концу 80-х — началу 90-х годов СФРЮ представляла из себя государство, имеющее во многом конфедеративный характер. Это проявлялось, как в конституционной сфере, в практике принятия государственных и политических решений, так

и в экономической сфере (затруднения в функционировании общегославского рынка, наличие обособленных республиканских экономик). Фактически Югославия продолжала существовать как баланс сил, составляющих ее республик. Этот баланс был нарушен изменившейся геополитической ситуацией в мире, что послужило к кризису сложившейся политической системы в стране.

Основным скрепляющим федерацию фактором было наличие единой общегославской партии, действовавшей в условиях однопартийной политической системы, как только монополия партии была нарушена, не стало одного из основных факторов, обеспечивающих функционирование государственно-политического механизма — политической основы югославского общества. Распад единого союзного государства оказывался неизбежным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аниникова В.А., Радусинович М. Вестник РУДН, серия Социология, 2015 г., том 15, № 4. Этнические конфликты на территории бывшей Югославии.
2. Барабанов М.С., Коновалов И. П., Куделев В. В., Целуйко В. А. Чужие войны. — Москва: Центр анализа стратегий и технологий, 2012 г. — 272 с
3. Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000). — М.: Русское право/Русский Национальный Фонд, 2001 г. — 720 с.
4. Гуськова Е. Ю. Третья Югославия и косовский вопрос // Югославия в XX веке: очерки политической истории / К. В. Никифоров (отв. ред.), А. И. Филимонова, А. Л. Шемякин и др. — М.: Индрик, 2011 г. — 888 с.
5. Актуальные проблемы межнациональных отношений в СФРЮ (Обзор). -М., 1989Г.
6. Актуальные проблемы социалистического строительства в СФРЮ. Сборник статей. М., 1978 г.
7. Аниев А. С. Социально-политические аспекты кризиса в СФРЮ. -М., 1997Г.
8. Балканы в конце XIX- начале XX вв. Очерки образования национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Азии. -М., 1991 г.
9. Bevan, Robert. The Destruction of Memory: Architecture at War. — Reaktion books, 2007 г.
10. Lenta.ru. Кто на самом деле виноват в косовской резне. Игорь Роторь 17.02.2018 г.
11. Югославия: съезд прерван (интервью с Сава Живановым), Московские новости, № 5, 04.02.1990 г.

© Мансур Дария Нумман (dariyamansur@gmail.com), Мансур Юсеф Нумман.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

ИДЕОЛОГИЯ «ГРУПП НЕНАВИСТИ» В США: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ¹

Прилуцкий Виталий Викторович

Д.и.н., доцент, Брянский государственный
университета им. акад. И.Г. Петровского
bryanskgu@mail.ru

THE IDEOLOGY OF "HATE GROUPS" IN THE UNITED STATES: HISTORY AND CURRENT TRENDS

V. Prilutsky

Summary. The article examines the features of the ideology of «hate groups», manifestations of racism and racial problems in American history. Studies have been conducted on «hate groups» and their role in the American political process, the analysis of relations between races, racist attitudes, the causes of racial riots. It is shown that the strongest contradictions were observed in the relations between white citizens, African Americans and Latin Americans, which led to mass riots and unrest. In recent years the Ku Klux Klan, neo-Confederates, anti-Muslims, anti-immigrants, «Christian Identity», neo-Nazis, white nationalists and the Patriotic movement (volunteer militia) have become more active. Among the African-American separatists the «Nation of Islam» remains at the forefront. Radical organizations have not been able to make a significant impact on real policies which based on liberal values, human rights doctrine and tolerance. However, the course towards the racial integration which is carried out by the authorities was insufficiently effective.

Keywords: the ideology of «hate groups» in the history of the United States, political extremism, racism in the United States, race riots, anti-government movement, the Nation of Islam, Ku Klux Klan.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности идеологии «групп ненависти», проявления расизма и расовые проблемы в американской истории. Проведены исследования «групп ненависти» и их роли в политическом процессе США, осуществлен анализ отношений между расами, расистских настроений, причин расовых бунтов. Показано, что наиболее сильные противоречия наблюдались во взаимоотношениях между белыми гражданами, афроамериканцами и латиноамериканцами, которые приводили к массовым беспорядкам и волнениям. В последние годы активизировались Ку-клукс-клан, неоконfederаты, анти-мусульмане, анти-иммигранты, «Христианская Идентичность», неонацисты, белые националисты и патриотическое движение (добровольческая милиция). Среди афроамериканских сепаратистов на лидирующих позициях остается «Нация Ислама». Радикальные организации не смогли достичь существенного влияния на реальную политику, которая опиралась на либеральные ценности, доктрину прав человека и толерантность. Однако курс на расовую интеграцию, осуществляемую властями, оказался недостаточно эффективным.

Ключевые слова: идеология «групп ненависти» в истории США, политический экстремизм, расизм в США, расовые беспорядки, антиправительственные движения, «Нация Ислама», Ку-клукс-клан.

Возникновение в США в XIX в. многочисленных «групп ненависти», объединяющих преимущественно белых расистов, националистов и супрематистов, и многочисленные конфликты на расовой почве свидетельствуют о серьезных трудностях, с которыми в своей истории сталкивалась страна. В современных Соединенных Штатах действуют более 900 «групп ненависти» и экстремистских организаций [1]. Наиболее сильными радикальными движениями являются: Ку-клукс-клан и неоконfederаты, «Христианская Идентичность», белые националисты, исламисты, черные и латиноамериканские сепаратисты и расисты. Большинство из указанных «групп ненависти» основывают свою идеологию на расизме, национализме и религиозной нетерпимости. Представления о превосходстве одной расы над другими имеют долгую историю. Зачатки

расизма (проторасизм, этноцентризм) можно увидеть уже в античности (утверждения Аристотеля об исконном рабстве варваров) и средневековье (испанская доктрина «чистоты крови» в период Реконквисты). Большим толчком к развитию идеологии и практики белого (европейского) расизма стала колонизация других стран и континентов в эпоху Великих географических открытий. В XIX — первой половине XX вв. в мире наблюдался расцвет национализма, который нередко смешивался с расизмом, а «нация» и «народ» часто отождествлялись с «расой». Видными теоретиками расизма в Европе являлись Ж.А. де Гобино, Ж.В. де Лапуж, Х. Чемберлен, Г. Гюнтер. Белый расизм нашел свое практическое воплощение в просуществовавшем почти столетие режиме расовой сегрегации в южных штатах США, в политике апартеида (апартхейда) в ЮАР и в практике

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МД-978.2018.6. Проект: «Социальный протест, протестные движения, религиозные, расовые и этнические конфликты в США: история и современные тенденции». Соглашение 075-02-2018-404 от 15.11.2018 г.

геноцида, осуществлявшейся нацистами во времена Третьего Рейха.

В Америке расизм получил идейное обоснование еще в середине XIX в. в трудах апологетов рабовладения, видевших в «цветных» низшую, интеллектуально неразвитую и зависимую от белых расу, а практическое воплощение — в террористической деятельности Ку-клукс-клана и подобных ему организаций и групп [2]. Расисты заявляли о своем желании защитить привилегированный статус белых американцев-протестантов, составлявших большинство населения страны, «взять под контроль» и подавить политическую активность освободившихся от рабства афроамериканцев [3]. Нападения на негров происходили в основном с 1865 г. по 1968 г. Впоследствии к списку врагов ку-клукс-клановцев были добавлены коммунисты, социалисты, либералы, нелегальные торговцы алкоголем, католики, евреи, гомосексуалисты, «новые иммигранты» из Южной Европы (прежде всего, из Италии). «Самобытный» американский расизм в XX в. испытал на себе влияние и зарубежных доктрин, в первую очередь, германского нацизма.

В Соединенных Штатах наиболее сильны были расизм белых, черных и латиноамериканцев. Расизм препятствовал интеграции граждан страны в единую нацию. Периодически в США происходило обострение расовых проблем на фоне постепенного ухудшения условий жизни для некоторых категорий населения. Из-за массовой иммиграции белые граждане боятся превратиться в меньшинство к середине XXI в. Дело в том, что не испаноязычные белые американцы насчитывают в настоящее время 61–65% населения, латиноамериканцы — до 17,6%, афроамериканцы — 12–13%, азиаты — около 5,6%, люди смешанного происхождения и коренные американцы — более 4% [4].

Белый национализм, супрематизм и расизм представлен множеством групп и организаций, отличающихся идеологическим разнообразием. Старейшей расистской организацией, совершившей наибольшее количество убийств и нападений, является Ку-клукс-клан, основанный в декабре 1865 г. Клан распадался и возрождался несколько раз, пережил серию расколов, был значительно ослаблен инфильтрацией правительственных агентов. Но до сих пор существуют несколько десятков групп кланистов, объединяющих от 5 до 8 тыс. чел. («Имперские Клановые Америки», «Белые Рыцари Ку-клукс-клана», «Рыцари Восточного побережья Истинной Невидимой Империи», «Церковь Национальных Рыцарей Ку-клукс-клана», «Христианские Американские Рыцари Ку-клукс-клана», «Рыцари Ку-клукс-клана Великих озер», «Конфедеративные Белые Рыцари Ку-клукс-клана» и т.п.) [5].

Близки по идеологии к ку-клукс-клановцам неоконфедераты, ориентированные на историческое наследие Конфедерации и «ценности» южных штатов. Для Америки Гражданская война 1861–1865 гг. стала крупнейшим вооруженным конфликтом по масштабу жертв за всю историю страны. На полях сражений погиб каждый пятый южанин. Они сражались не только за сохранение рабства, но и отстаивали право на создание своего государства, защищали родной штат, свою частную собственность. Южане умело воевали с северянами, в боях понесли меньше потерь. Мужество рядовых конфедератов и военный талант их полководцев пользовались уважением среди многих американцев. После войны в США существовал серьезный раскол между Севером и Югом, но спустя 30 лет были сделаны шаги к полному примирению. В стране стали устанавливаться памятники героям Конфедерации. Сохранившаяся историческая память о Гражданской войне иногда обращается в современную политику. В США консервативная часть общества по-прежнему чтит память предков-южан, хотя и понимает, что те сражались не совсем за правое дело (институт рабства современные американцы поддерживать не могут). Консерваторы защищают памятники генералам, офицерам и солдатам армии Юга. Их оппоненты из числа левых радикалов и леволиберального лагеря уже с 60–70-х гг. XX в. требуют снести эти мемориалы и запретить флаг рабовладельческой Конфедерации. Неоконфедераты исповедуют ультраконсерватизм, идеи о «превосходстве белых», говорят о возможной в будущем «расовой войне» и даже заявляют о сепаратистских устремлениях. Крупнейшей их современной группой является «Лига Юга», основанная в 1994 г.

Активно сотрудничали с Ку-клукс-кланом неонацисты, белые националисты, различные формирования добровольческих «ополчений» и «патрулей», противники иммиграции и ислама, активизировавшиеся после террористических актов 11 сентября 2001 г., а также немногочисленные группы «Христианской Идентичности», проповедующие расизм в религиозной форме. Организации белых экстремистов составляли 2/3 от общего количества «групп ненависти» в США. Наиболее известными из них являлись: «Национальный альянс», «Национальный авангард», «Движение за творчество» («Всемирная Церковь Создателя»), «Американская партия свободы», «Нацистское движение» (бывшая «Американская нацистская партия», основанная в 1959 г.), «Совет консервативных граждан», «Американский пограничный патруль», «Общество Джона Берча», «Конституционное ополчение Алабамы», «Гражданское ополчение Аляски», «Техасское ополчение», «Ополчение штата Аризона», «Конституционная партия», «Американская патриотическая партия», «Американские патриоты-трехпроцентники». Для большинства ультраправых группировок характерно стремление вооружаться,

проходить военную подготовку (несмотря на желание властей законодательно ограничить подобную деятельность). Ультраправые организации отличает крайне негативное и подозрительное отношение к федеральному правительству, которое якобы стремится ограничить права граждан и вступает в сговор с некими наднациональными, глобалистскими силами.

Не только белые расисты, но и некоторые правые республиканцы были обеспокоены происходившими процессами («Мы теряем страну, в которой выросли»). Радикальные сдвиги наблюдаются не только в расово-этнической сфере, но и в образе жизни, традициях, культуре и в области общественной морали. Известный палеоконсерватор и бывший крайне правый республиканец Патрик Бьюкенен (род. 1938) утверждал, что уже более полувека идет «культурная и социальная революция», изменившая облик Америки. По его мнению, «люди хотят от властей действий, но элита не предпринимает ровным счетом ничего». «Мы хвастаемся тем, что являемся «последней сверхдержавой», однако нам не хватает решимости защищать наши границы и требовать от иммигрантов обязательной ассимиляции в обществе. Возможно, общая любовь к доллару позволит преодолеть культурную пропасть, и в дальнейшем мы будем счастливо жить вместе — как граждане «первой универсальной нации» ... Но Дядя Сэм очень и очень рискует, принимая на своей территории диаспору из десятков миллионов человек, принадлежащих к иной, нежели белые американцы, расе. Если мы допустим роковую ошибку, исправить ее уже не удастся — и наши дети ощутят на себе все сомнительные «прелести» балканизации» [6].

Бьюкенену вторил Самюэль Хантингтон (1927–2008), предупреждавший о том, что США могут превратиться в страну, по которой будет проходить «линия разлома» между цивилизациями. Больше всего его беспокоили миграционные волны латиноамериканцев в юго-западные штаты, которые привели к их «испанизации», распространению испанского языка и испаноязычной культуры. «Мирное вторжение» миллионов мексиканцев через границу является «прямой угрозой» для безопасности, культурной целостности и национальных интересов Америки. Этот вызов «доминирующему англо-протестантскому ядру», исторически сложившейся американской идентичности может привести, если не к гражданской войне, то к усилению нелояльности. Так, в случае гипотетического вооруженного конфликта Соединенных Штатов с Китаем в регионе с «преобладающим испаноязычным населением» будет «особенно сильна оппозиция войне». «И жители, и правительства этих (населенных мексиканцами) штатов» заявят о том, что это «не наша война» и попытаются «устраниться по примеру Новой Англии в войне 1812 г.» [7].

Крайний «белый консерватор» и сторонник «расового реализма» Джаред Тэйлор (род. 1951) является де-факто один из идеологов современного белого национализма и расизма, принявшего наукообразную форму. Вслед за Бьюкененом он заявил о «полном провале» политики расовой интеграции и политкорректности в США, а также о стихийно начавшейся на местах новой сегрегации. В современной Америке, по его мнению, происходит борьба между четырьмя «расовыми самосознаниями»: черным, латиноамериканским, азиатским и белым. Выход из кризиса Тейлор видит в изменении иммиграционной политики вплоть до запрета иммиграции, поскольку «совершенно неразумно — добавлять еще больше разнородных элементов к населению, уже разделенному разнообразием». Но американские политики «слишком боятся обвинения в расизме, чтобы сделать такой очевидный вывод». «Мы не можем сохранить прежнюю Америку с новыми людьми, ее населяющими». «Демографические силы, которые мы привели в действие, создали крайне нестабильные и потенциально провоцирующие насилие условия. Все расовые группы, кроме белых американцев, растут в численности и имеют четкую самоидентификацию. Только белые лишены расовой принадлежности, постоянно находятся в обороне и даже отстают. У них есть выбор: вновь обрести чувство расовой идентичности и решимость для поддержания своей численности, своих традиций, своего образа жизни — или кануть в Лету» [8].

Несмотря на то, что в 1964 г. Конгрессом был принят Закон о гражданских правах, запретивший расовую дискриминацию, проблемы продолжали сохраняться. Напряженность в отношениях между представителями различных рас неизбежно приводила к столкновениям. В новейший период истории Соединенные Штаты пережили три волны расовых бунтов: 1) первая половина XX в. (1906–1943 гг.), 2) 60–70-е гг. XX в. (1962–1973 гг.), 3) конец XX — начало XXI вв. Крупнейшими расовыми беспорядками в последние десятилетия стал Лос-Анджелесский бунт 29 апреля — 4 мая 1992 г., в ходе которого волнения перекинулись на Сан-Франциско и еще несколько городов. В этих кровавых беспорядках и погромах участвовали черные и латиноамериканцы, затем к ним присоединились выходцы из Азии (корейцы) и белые. Погибли 53 чел., были сожжены тысячи зданий. В дальнейшем волнения американских негров имели место в Цинциннати в апреле 2001 г., в Новом Орлеане в августе 2005 г. во время разрушительного наводнения и в июле 2010 г. в Окленде (Калифорния).

Расовые волнения 2013–2017 гг. в США по некоторым параметрам были сравнимы с событиями 1960-х гг. Можно говорить даже о проявлениях перманентной расовой войны низкой интенсивности, переплетающейся с социально-политическим конфликтом, связанным с лично-

стями и политикой президентов Барака Обамы и Дональда Трампа. Как правило, беспорядки с участием черного меньшинства в американских городах начинались после убийства белыми полицейскими молодого афроамериканца. Протестующие полагали в таких случаях, что убийство происходило на расовой почве [9]. Но подобные события являлись не столько причиной, сколько поводом для возникновения острого конфликта. Истинные причины волнений лежали глубже — в социальных и экономических проблемах, в неудовлетворенности своим положением представителей афроамериканской общины, уступающим по статусу и уровню доходов не только белым, но и выходцам из Латинской Америки и Азии. Негритянское население так и не смогло за полтора столетия, прошедшие после Гражданской войны 1861–1865 гг., полностью интегрироваться в американское общество и получить равные с белыми возможности. Даже успешное движение за уравнение в гражданских правах под руководством Мартина Лютера Кинга в 50–60-е годы XX в. не смогло переломить ситуацию. Бедность, низкий уровень жизни, слабое образование, безработица, криминализация, распад семьи, наркомания, вовлеченность в наркоторговлю и уличный бандитизм являются более серьезными проблемами для черных, чем для других расовых групп страны.

Исторически черный расизм и идеи о «превосходстве черных» в США имеют религиозную окраску и, как правило, опираются на антисемитизм, представления о всемирном еврейском заговоре. Подобные взгляды характерны для «черных иудеев-израилитов» и «черных мусульман», с которыми оказались также связаны радикальные политические организации, основанные в 1990-е гг.: «Новая партия черных пантер» и «Черные всадники свободы». Движение «черных иудеев» возникло еще в XIX в., относительно широко распространилось в 1980–1990-е гг. и в настоящее время насчитывает до 200 тыс. приверженцев. «Черные иудеи» раздроблены на множество сект и групп, вероучение которых представляет собой смесь иудаизма, христианства и африканских верований. Христа они считают чернокожим пророком, а американских негров и индейцев — «истинными потомками» двенадцати древних израильских племен. Схожие представления об избранности черной расы и ее торжестве над «белыми голубоглазыми дьяволами» («эдомитами», «исавитами», «потомками Исава») присущи и группам исламистской направленности. Среди афроамериканского населения с 1913 г. получило распространение движение «черных мусульман», которое в настоящее время насчитывает до 1,7 млн. участников. Негры принимали ислам в знак протеста против белой христианской цивилизации, которая «угнетала и держала в рабстве черную расу в течение 400 лет», а также в качестве способа возвращения «к корням», к культуре предков, часть из которых были мусульманами. Ислам

начал распространяться среди бедных и маргинальных слоев, недовольных своим положением, а также в тюрьмах. Возникло множество афроамериканских групп, течений и сект, которые исповедовали нетрадиционный ислам, смешанный с христианством, оккультно-мистическими учениями «Нью Эйдж», верой в инопланетные цивилизации и расистскими представлениями о «превосходстве черных».

Наиболее известной и влиятельной из подобных организаций является «Нация Ислама», возникшая в 1930 г., насчитывающая от 20 до 60 тыс. чел. и в настоящее время возглавляемая Луисом Фарраханом (род. 1933) [10]. «Нация Ислама» организовала знаменитый протестный «Марш миллиона черных мужчин» на Вашингтон в 1995 г. Учение этой религиозно-политической организации основано на утверждении о том, что «Коран или Библию сотворил изначальный народ, который Аллах, Верховное Существо или Черный Человек Азии». Первочеловек Адам якобы был чернокожим и жил в Азии. Первой и избранной расой являлись черные, но злой гений-ученый Якуб или Яков создал «дьявольскую» белую расу [11]. По воле Бога в будущем «белая Америка будет беспощадно уничтожена» [12]. Американские негры должны «отделиться» от людей европейского происхождения. Черные сепаратисты выступают за создание в Северной Америке собственной автономии или же образование независимого афроамериканского государства на территории южных штатов и в анклавах на Севере и Среднем Западе, где преобладает негритянское население.

Латиноамериканский расизм менее заметен, чем проявления идеологии и практики «превосходства» или «идентичности» белых и черных, но он получил распространение в современных Соединенных Штатах. Члены латиноамериканской диаспоры плохо ассимилируются, пытаются сохранить родную культуру, традиции, религию и продолжают использовать испанский язык в повседневном общении. На бытовом уровне представители «латинской расы», «латинос», «испанцы» встречают неприязненное отношение к себе не только со стороны американцев европейского происхождения, но и негритянской общины [13]. По уровню доходов и социальному положению латиноамериканские иммигранты близки или совпадают с афроамериканцами, составляя вместе с ними основную часть нижнего класса. Латиноамериканцы находятся ниже азиатов, которые в отдельных сферах успешно конкурируют с белыми гражданами страны.

Мексиканцы и выходцы из других стран Латинской Америки в последние десятилетия заселяют юго-западные штаты, исторически входившие до 1848 г. в состав Мексики. Массовая иммиграция привела к своеобразной «Реконките» и потенциальной угрозе сецессии,

отделения этих территорий, образования на них «Республики Севера» или «Ацтлана» (легендарная древняя северная прародина ацтеков на «бронзовом континенте») с последующим объединением с Мексикой. Подобные идеи поддерживают латиноамериканские националисты, сепаратисты и ирредентисты из молодежной организации «MEChA» («Движение Ацтлан студентов чикано»), основанной в 1969 г. в Калифорнии. Ее главным девизом стал лозунг: «Мы — нация. Мы — союз свободных селений. Мы — Ацтлан. Por La Raza todo. Fuera de La Raza nada» (исп. «Все для расы. Для тех, кто вне расы, — ничего»). На умеренных позициях находится «Национальный совет La Raza» (исп. «Раса», «Люди», иначе «UnidosUS») и другие группы, защищающие права мексиканских легальных и нелегальных иммигрантов, пуэрториканцев и других испаноязычных [14].

Каким образом дальнейшая иммиграция и демографический фактор (высокая рождаемость этнических меньшинств) окажет влияние на будущее развитие страны? В отечественной и зарубежной политологии существует мнение, что эти процессы приведут к углублению раскола между расами, трансформации Америки в страну «третьего мира». Исследователи пишут даже о вероятном распаде США на несколько государственных образований [15]. Но на практике вероятность такого развития событий остается минимальной. В современной Америке расовые конфликты снова заявляют о себе, но американцы стараются учитывать в своей политической деятельности опыт прошлого. Представляется, что раскол со временем будет преодолен. Америка трансформируется в «микрокосмос мира», в котором сохранятся слабо ассимилированные этнические анклавы и большое влияние приобретут не англосаксонские

национальные группы [16]. Представляется, что в ближайшие десятилетия будет происходить эволюционный путь развития США на основе мультикультурализма, мультиэтничности и мультирелигиозности, без катастрофических социальных и политических потрясений. К середине XXI в. американское общество окончательно превратится в социум с большой, если не преобладающей, долей латиноамериканского, афроамериканского и азиатского компонентов.

«Группы ненависти» в истории Америки, как правило, являлись крайне правыми, националистическими или расистскими организациями и движениями. Феномен «групп ненависти» оказался связан с распространенными в обществе проявлениями расизма, американской индивидуалистической культурой и культом насилия в медиапространстве. Немаловажное значение имело и существенное изменение расово-этнического состава населения Соединенных Штатов. Радикальные движения поддерживали люди излишне подозрительные, верящие в теории заговоров, одержимые иррациональными страхами, склонные к социальным иллюзиям, крайне эгоистичные и конфликтные. Идеология экстремистских групп претерпела эволюцию от постулатов, основанных на крайних проявлениях ненависти, иррациональности, фанатизма, неприязни к инакомыслию, либеральным ценностям, откровенной пропаганде насилия и призывов к террору в XIX — первой половине XX вв., до более «мягких» и умеренных форм выражения враждебности к иным политическим взглядам и проявления нетолерантности в современной Америке. Но базовыми принципами «групп ненависти» всегда оставались ксенофобия, радикализм, нетерпимость, неприятие представителей определенной расы, этноса или религии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Active hate groups 2016. URL: <https://www.splcenter.org/fighting-hate/intelligence-report/2017/active-hate-groups-2016> (время доступа 15.10.2018).
2. Chalmers D. M. Hooded Americanism: The History of the Ku Klux Klan. Durham, N.C.: Duke Univ. Press, 2007. 477 p.
3. Elijah Muhammad. Message to the Blackman in America. Phoenix, AZ: Secretarius MEMPS Publications (1-st edition — 1965), 2009. 355 p.
4. García M. T. The Chicano Generation: Testimonios of the Movement. Oakland, California: Univ. of California Press, 2015. 352 p.
5. Gilje P. A. Rioting in America. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1999. 240 p.
6. Hidalgo J. M. Revelation in Aztlán: Scriptures, Utopias, and the Chicano Movement. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. 314 p.
7. Jackson K. T. 1992. The Ku Klux Klan in the City, 1915–1930. Chicago: I. R. Dee (1-st edition — 1967). 326 p.
8. Ku Klux Klan. Its Origin, Growth and Disbandment / Edited by J. C. Lester, D. L. Wilson, W. L. Fleming. N.Y. — Wash.: Neale Pub. Co., 1905. 195 p.
9. MacLean N. Behind the Mask of Chivalry: The Making of the Second Ku Klux Klan. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1905. 292 p.
10. Malcolm X. The End of White World Supremacy: Four Speeches. N.Y.: Arcade Publishing, 2011. 148 p.
11. McVeigh R. The Rise of the Ku Klux Klan: Right-Wing Movements and National Politics. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 2010. 244 p.
12. Muñoz C., Jr. The Chicano Movement. Mexican American History and the Struggle for Equality. N.Y.: Rosa Luxemburg Stiftung, 2013. 24 p.
13. Policing and race in America: economic, political, and social dynamics / Edited by J. D. Ward. 2018. Lanham: Lexington Books. 334 p.
14. Statistical Abstract of the United States, 2010. Wash.: U. S. Census Bureau, 2010. 985 p.
15. The divine destruction of America: Can she avert it? (1996). By the Honorable Minister Louis Farrakhan. 2017. — The Final Call. 12.09. URL: http://www.finalcall.com/artman/publish/Minister_Louis_Farrakhan_9/article_7595.shtml (время доступа 30.09.2018).
16. The Nation of Islam Official Website. URL: <https://www.noi.org> (время доступа 25.09.2018).

17. Wade W. C. The Fiery Cross: The Ku Klux Klan in America. N.Y.— Oxford: Oxford Univ. Press, 1998. 526 p.
18. Баталов Э. Я. Нужна ли Америка миру и американцам? // Ситуационные анализы. Вып. 4: Америка в фокусе российских исследователей: история и современность / Под ред. Т. А. Шаклеиной. М.: МГИМО(У), 2014. С. 185–210.
19. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М. — СПб: АСТ — Terra Fantastica, 2003. 444 с.
20. Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М.: Весь мир, 2015. 592 с.
21. Статистическая история США XVII–XXI вв. / Отв. ред. В. В. Согрин. М.: ИВИ РАН, 2012. 234 с.
22. Тэйлор Дж. Белое самосознание: Расовая идентичность в XXI веке. М.: Икс-Истори; Кучково поле, 2014. 496 с.
23. Уткин А. И. Подъем и падение Запада. М.: АСТ, 2008. 761 с.
24. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016. 640 с.
25. Чертина З. С. Иммиграционное законодательство 1965 года — новый вектор развития американской национальной идентичности // Вехи американской истории. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 205–220.

© Прилуцкий Виталий Викторович (bryanskgu@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Брянский государственный университета им. акад. И.Г. Петровского

ИНТЕГРИРОВАННОЕ ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ ТАНДЕМ-МЕТОДА

INTEGRATED FOREIGN LANGUAGE AND CONTENT TEACHING TO STUDENTS BASED ON TANDEM METHOD

O. Amerkhanova

Summary. One of the main goals of teaching foreign language to students of non-linguistic areas of training at a higher education institution is the development of foreign language professional communication competence. Its achievement is possible with the implementation of integrated subject-language learning of a foreign language. However, as shown by the analysis of curricula in a foreign language for the professional purposes of a number of higher educational institutions of the country, for objective reasons, a foreign language teacher is not always able to select the subject side of the curriculum, as well as control the professionally-oriented subject content of students' foreign language statements. The tandem method (teaching tandem) is one of the effective methods of teaching students to professional communication in a foreign language. In this paper, the author a) justifies the relevance of the implementation of an integrated subject-language learning of a foreign language; b) describes the linguodidactic potential of the tandem method in teaching a foreign language; c) describes the functions of a foreign language teacher and a teacher of specialized subjects in education.

Keywords: tandem-method, integrated subject-language learning, foreign language for special purposes, subject content of training

Амерханова Оксана Олеговна

Ст. преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва)
oo.amerkhanova@migsu.ru

Аннотация. Одной из основных целей обучения иностранному языку студентов нелингвистических направлений подготовки в вузе является формирование иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции. Ее достижение возможно при реализации интегрированного предметно-языкового обучения иностранному языку. Однако, как свидетельствует анализ учебных программ по иностранному языку для профессиональных целей ряда вузов страны, по объективным причинам преподаватель иностранного языка не всегда способен осуществить отбор предметной стороны содержания обучения, а также контроль профессионально-ориентированного предметного содержания иноязычных высказываний студентов. Тандем-метод (преподавательский тандем) выступает одним из эффективных методов обучения студентов профессиональному общению на иностранном языке. В работе автор а) обосновывает актуальность реализации интегрированного предметно-языкового обучения иностранному языку; б) описывает лингводидактический потенциал тандем-метода в обучении иностранному языку; в) описывает функции преподавателя иностранного языка и преподавателя профильных дисциплин в обучении.

Ключевые слова: тандем-метод, интегрированное предметно-языковое обучение, иностранный язык для специальных целей, предметное содержание обучения.

Согласно ФГОС ВО основной целью обучения иностранному языку студентов нелингвистических направлений подготовки является формирование профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции, позволяющей выпускникам основной профессиональной образовательной программы (ОПОП) использовать иностранный язык для профессионального общения. Как показывает исследование В.В. Завьялова [1], в настоящее время в российской высшей школе реализуются три подхода к обучению иностранному языку студентов профильных специальностей: а) иностранный язык для специальных целей, б) интегрированное предметно-языковое обучение иностранному языку, в) преподавание профильных дисциплин на иностранном языке. Каждый из подходов направлен на решение конкретных лингводидактических задач. В частности, иностранный язык для специальных целей [10] направлен на формирование лексической компетенции студентов в сфере их будущей деятельности для чтения профессио-

нальной литературы. «Интегрированное предметно-языковое обучение иностранному языку» направлен на одновременное формирование иноязычной коммуникативной компетенции, включая все составляющие субкомпоненты (лингвистическую, дискурсивную, социокультурную, социальную, социолингвистическую и компенсаторную), а также на формирование иноязычной профессиональной компетенции, позволяющей использовать изучаемый язык как средство общения для решения коммуникативных задач в профессиональной сфере общения [11, 12]. Преподавание профильных дисциплин на иностранном языке является третьим менее распространенным, но реализуемым в некоторых контекстах подходом к обучению профильным дисциплинам на иностранном языке [4, 8].

В России в последние годы широкую популярность приобретает интегрированное предметно-языковое обучение иностранному языку студентов нелингвистических направлений подготовки. Вызвано это тем, что при

современное мобильности населения, информатизации общества и международных контактах в различных сферах жизни, у специалистов в разных областях есть реальная потребность во владении иностранным языком для профессионального устного и письменного общения. «Иностранный язык для специальных целей», ориентированный на овладение обучающимися профессиональной лексикой, не в состоянии подготовить их к иноязычному профессиональному взаимодействию. К основным положениям интегрированного предметно-языкового обучения В. В. Завьялов [1] относит следующие:

1. иностранный язык выступает целью обучения. Одновременно с этим он также выступает и средством овладения предметной областью;
2. изучение предметного содержания происходит на иностранном языке;
3. большое внимание уделяется развитию видов речевой деятельности. Грамматическая корректность высказывания уходит на второй план;
4. возможность достижения результата в течение 5–7 лет» [1, с. 179].

Реализация интегрированного предметно-языкового обучения в высшей школе актуализировала достаточно значимую проблему отбора предметной стороны содержания обучения иностранному языку для профессионального общения. За последнее время появилось несколько методических работ, в которых авторы обращали внимание на необходимость пересмотра предметной стороны содержания обучения с тем, чтобы в полной мере ориентироваться на профессиональные интересы и потребности студентов. В частности, в своей работе П. В. Сысоев и В. В. Завьялов [9] отмечают, что в рамках направления подготовки «Юриспруденция» в большинстве вузов РФ выделяется несколько профилей обучения. Наиболее распространенными из них являются государственно-правовой, гражданско-правовой и уголовно-правовой. Каждый из профилей обучения направлен на подготовку студентов-юристов к профессиональной деятельности в конкретной сфере юриспруденции. Иностранный язык при этом выступает одной из дисциплин учебного плана, направленной на внутрипрофильную специализацию. Это означает, что предметная сторона содержания обучения иностранному языку студентов, выбравших конкретный профиль обучения, должна отражать специфику этого профиля, и ни в коем случае не быть инвариантной для обучения студентов всех профилей обучения. В качестве примера авторы описывают предметную сторону содержания обучения студентов направления подготовки «Юриспруденция», обучающихся на трех разных профилях [2, 9].

Следует заметить, что исследование П. В. Сысоева и В. В. Завьялова, в котором авторы акцентируют внимание на необходимости отбора предметной стороны содержания обучения иностранному языку студентов нелингвисти-

ческих направлений подготовки в соответствии не только с выбранным направлением подготовки, но, главное, с профилем обучения, не является единичным. А. Г. Соломатина [5] и К. В. Капраничкова [3] в своих работах рассматривают особенности отбора предметной стороны содержания обучения иностранному языку студентов аграрного вуза. А. Г. Соломатина — направления подготовки «Садоводство» и составляющих двух профилей обучения: «Декоративное садоводство и ландшафтный дизайн» и «Плодоовощеводство и виноградарство» [5], а К. В. Капраничкова — направления подготовки «Агрохимия и агропочвоведение» и составляющих двух профилей обучения: «Агрохимия и агропочвоведение» и «Агроэкология» [3].

Вместе с тем, все эти авторы утверждают, что одной из основных проблем в отборе предметной стороны содержания обучения иностранному языку для профессионального общения студентов нелингвистических направлений подготовки выступает некомпетентность преподавателя иностранного языка в профильной предметной области обучения студентов. По объективным причинам преподаватель иностранного языка, владеющий иностранным языком, профессионально-ориентированной лексикой и методикой обучения иностранному языку в вузе, не всегда в состоянии осуществить отбор предметного содержания обучения, а также не всегда может корректно оценить правильность содержательной стороны иноязычного общения студентов на профессиональные темы. Одним из выходов из сложившейся ситуации, по мнению П. В. Сысоева и О. О. Амерхановой [6, 7], может служить использование тандем-метода в обучении иностранному языку для профессиональных целей.

Тандем-метод выступает одним из действенных способов «овладения, обучения или преподавания, основанный на партнерстве участников образовательного процесса, которыми могут выступать обучающиеся (ученик–ученик), обучающийся и преподаватель (обучающийся–преподаватель) и преподаватели (преподаватель–преподаватель)» [6, с. 159]. В русле данного исследования целесообразно говорить о преподавательском тандеме, когда учебную дисциплину «Иностранный язык для профессионального общения» ведут одновременно два преподавателя: преподаватель иностранного языка и преподаватель профильных дисциплин. Как и положено в любом тандеме, происходит разделение функций двух преподавателей. Преподаватель иностранного языка отвечает за формирование иноязычной коммуникативной компетенции студентов, включая все субкомпетенции, овладение ими профессионально-ориентированной лексикой и за организацию письменного и устного иноязычного общения на профессиональные темы. Преподаватель профильных дисциплин, владеющий иностранным языком для профессионального общения, но не владеющий методикой обучения иностранному языку в вузе, отвечает за содержательную сто-

рону иноязычной речи студентов. Особую актуальность это имеет при написании профессиональных текстов (тезисов докладов и выступлений, статей, заявок на гранты) и организации дискуссий на профессиональные темы. Было бы неверное провести четкую однозначную грань между функциями каждого из преподавателей, работающих в тандеме. Особенность реализации тандем-метода заключается в том, что каждый из преподавателей проявляет достаточную долю гибкости при обучении студентов насколько позволит ему уровень компетентности в вопросах, связанных с методикой обучения иностранному языку и предметным содержанием обучения. Тем не менее, можно сформулировать несколько основных положений обучения иностранному языку для профессионального общения студентов нелингвистических направлений подготовки на основе тандем-метода.

Во-первых, основной целью обучения иностранному языку студентов нелингвистических направлений подготовки в вузе выступает формирование иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции, позволяющей взаимодействовать на иностранном языке с представителями разных стран и культур в социально-бытовой, социально-культурной и профессиональной сферах общения.

Во-вторых, для преподавания курса иностранного языка для профессионального общения привлекаются два

преподавателя: преподаватель иностранного языка, владеющий методикой обучения иностранному языку в вузе, а также владеющий профессиональной лексикой специальности, и преподаватель профильных дисциплин, владеющий иностранным языком, а, главное, способные осуществить отбор предметной стороны содержания обучения иностранному языку для профессионального общения, а также контроль содержания иноязычных письменных и устных высказываний студентов на профессиональные темы.

В-третьих, в основе разделения функций между двумя преподавателями, работающими в тандеме, лежит предметная сторона содержания обучения. Преподаватель иностранного языка отвечает за формирование иноязычной коммуникативной компетенции студентов и овладение ими профессиональной лексикой. Преподаватель же профильных дисциплин отвечает за содержание устного или письменного иноязычного высказывания студентов на профессиональные темы.

В-четвертых, разделение функций и обязанностей преподавателей, работающих в тандеме, не является статичным. Наоборот, для повышения эффективности и результативности учебного процесса по овладению студентами иностранным языком для профессионального общения каждый из преподавателей должен быть гибким и готовым быстро прийти на помощь для решения учебных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Завьялов В. В. Модели обучения иностранному языку для профессиональных целей студентов нелингвистических направлений подготовки // Державинский форум. 2018. № 6. С. 175–184.
2. Завьялов В. В. Особенности отбора предметной стороны содержания обучения английскому языку студентов направления подготовки «Юриспруденция» // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 177. С. 30–38.
3. Капраничкова К. В. Особенности отбора предметного содержания обучения иностранному языку в аграрном вузе // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 176. С. 46–55.
4. Сафонова В. В., Сысоев П. В. Элективный курс по культуроведению США в системе профильного обучения английскому языку // Иностранные языки в школе. 2005. № 2. С. 7–16.
5. Соломатина А. Г. Обучение иностранному языку для профессиональных целей на основе модели интегрированного предметно-языкового обучения в аграрном вузе // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2018. № 173. С. 49–57.
6. Сысоев П. В., Амерханова О. О. Обучение письменному научному дискурсу аспирантов на основе тандем-метода // Язык и культура. 2016. № 4(36). С. 149–169.
7. Сысоев П. В., Амерханова О. О. Влияние тандем-метода на овладение аспирантами иноязычным письменным научным дискурсом // Язык и культура. 2017. № 40. С. 276–288.
8. Сысоев П. В., Завьялов В. В. Элективный языковой курс «Introduction to Law» в системе профессионально ориентированного обучения иностранному языку в старших классах // Иностранные языки в школе. 2018. № 7. С. 10–18.
9. Сысоев П. В., Завьялов В. В. Обучение иноязычному письменному юридическому дискурсу студентов направления подготовки «Юриспруденция» // Язык и культура. 2018. № 41. С. 308–326.
10. Huntinson T., Waters A. English for Specific Purposes. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
11. Marsh D. Content and Language Integrated Learning: The European Dimension — Actions, Trends and Foresight Potential. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
12. Marsh D., Mehisto P., Wolff D., Frigols M. J. The European Framework for CLIL Teacher Education. Graz: European Centre for Modern Languages, 2010.

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-НЕЛИНГВИСТОВ МЕТОДОМ ДИКТОГЛОССА

DEVELOPING OF THE LANGUAGE COMPETENCE OF THE NON-LANGUAGE STUDENTS BY MEANS OF DICTOGLOSS

**S. Burikova
V. Pankova**

Summary. The article is devoted to the issue of creating relevant foreign language teaching method in a non-linguistic university. The authors highlight the relevance of the topic which is caused by requests and challenges of modern education. Modern students, living and performing in the digital world, are able to search and extract the required information. But, they often fail to think and reason creatively. Holistic critical thinking is being replaced by the extracting of passive separate pieces of information. Thus, the authors of the article are focusing on the teaching method — dictogloss, considering it as a very much effective way of teaching foreign language. Furthermore, the authors come to a conclusion, that this method develops creative thinking of students, as opposite to a superficial “clips thinking”. The authors in the article provide examples of application of this method in the classes with the 1 year students. The application of this method has shown good results, being an effective tool by developing language competence and taking into consideration the peculiarities of modern students, named earlier. The major advantage of this method is that, that the students are given the opportunity to study absolutely individually. Although, at the same time, they are involved into the process of collective creations. All this contributes to self-study and developing of critical thinking and language competence.

Keywords: Teaching, foreign language, method, dictogloss, creativity, self-study.

Бурикова Светлана Александровна

*К.филол.н., старший преподаватель, Российский университет дружбы народов, г. Москва
burickova.swetlana@yandex.ru*

Панкова Валентина Юрьевна

*Старший преподаватель, Российский университет дружбы народов, г. Москва
tayachka09@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена разработке проблемы актуальных методов обучения иностранному языку в нелингвистическом вузе. Авторы подчеркивают актуальность вопроса, обусловленную требованиями и вызовами современности. Осуществляя свою деятельность преимущественно в цифровом пространстве, современные студенты становятся специалистами по поиску информации в ущерб возможности креативно мыслить, связанное мышление замещается неактивным накоплением массы разрозненных фактов. В фокусе внимания авторов статьи находится учебно-методический прием диктоглосс, рассматриваемый как эффективный способ обучения языку, способствующий, одновременно с этим, развитию креативного мышления студентов — в противовес поверхностному, «клиповому мышлению». Авторы предлагают описание методического приема, который учитывает особенности современных студентов-первокурсников и способен повысить результативность процесса обучения иностранному языку. В статье приводятся примеры реализации диктоглосса на занятиях со студентами первого курса экономического факультета РУДН. Главным достоинством данного методического приема является то, что студенты получают возможность работать абсолютно самостоятельно, при этом в процессе коллективного творчества происходит самообучение и развитие креативного мышления.

Ключевые слова: Обучение, иностранный язык, методика обучения, диктоглосс, креативность, самообучение, языковая компетенция.

Введение

Цель данной работы — привлечь внимание преподавательского сообщества к такому учебно-методическому приему преподавания иностранного языка, как диктоглосс, — данный образовательный инструмент применяется во многих странах с 90-х гг. прошлого столетия — описать его специфику, т.е. отличия от традиционных видов диктанта, а также сделаем попытку поставить диктоглосс в общекультурный и педагогический контекст развития у современных подростков способности креативно мыслить, найти ключевые идеи в диктуемом тексте, ясно и точно формулировать их в процессе реконструкции исходного текста.

Выполняя работу, мы ставили перед собой следующие задачи: рассмотреть метод диктоглосса как способ реализации компетентностного подхода к организации совместного процесса обучения, в котором участвуют преподаватель и студенты; показать, что диктоглосс может применяться в группах студентов с различным уровнем лингвистической подготовки (*mixed abilities*) и в любом возрасте; описать применение диктоглосса на уроках английского языка на экономическом факультете РУДН.

Практическая значимость обучающего метода диктоглосса определяется тем, что он обеспечивает совершенствование навыков письма студентов, способствует развитию коммуникативных и лингвистических компетенций обучающихся, позволяет раскрыться их творче-

скому потенциалу. В процессе выполнения диктоглосса студенты фокусируют свое внимание на точном значении определенных лексических единиц и грамматических структур, анализируя определенные языковые явления и синтезируя информацию, необходимую для точной реконструкции смысла исходного текста. Таким образом, этот метод обучения способствует переводу лексического и грамматического материала, которым студенты владеют пассивно, в активно используемый фонд. Продуктивность (методологическая эффективность) диктанта как метода обучения обеспечивается тем, что при его выполнении у студента должно произойти узнавание и осознание лингвистических явлений изучаемого языка.

Приходится признать, что в современном «цифровом мире» растет поколение, страдающее «цифровой зависимостью». ВОЗ включила данное психологическое состояние в список заболеваний, сравнивая его с наркотической зависимостью. Люди оказываются в неструктурированном информационном потоке, делегируя принятие решений гаджетам. Под влиянием интернета мы становимся специалистами по поиску информации — за счет того, что жертвуем способностью креативно мыслить. Укажем на мнение специалиста по информационным технологиям, разработчика искусственного интеллекта, математика И.С. Ашманова (канал «Спас», выступление 01.11.2017) о том, что для современных подростков характерны «выносной мозг», «клиповое мышление» «гранулированный контент», т.е. связанное мышление подменяется пассивным восприятием массы разрозненных, изолированных фактов.

Нам представляется, что поверхностному, инерционному восприятию окружающего мира следует противопоставить принцип *consciousness-raising* — повышение уровня сознания, интеллектуально обоснованного восприятия реальности.

Методология исследования. Термин — *consciousness-raising* — встречаем в работе Ричарда Шмидта — президента Американской ассоциации прикладных лингвистов — «The Role of Consciousness in Second Language Learning («Роль сознания в изучении второго языка», 1990) [1], где указывается, что изучение грамматики может иметь своего рода «отложенный эффект». Р.Шмидт ссылается на свой опыт изучения португальского в Бразилии. В начале он посещал курсы португальского языка, на которых основное внимание уделялось изучению грамматики. После обучения на курсах он путешествовал по Бразилии, где его знание португальского быстро улучшалось, что лингвист объяснял тем, что он находился в языковой среде (ему приходилось постоянно пользоваться языком). Постепенно Р.Шмидт осознал, что при общении с носителями португальского он замечал (*noticed*) и узнавал (*recognized*) некоторые лингвистические явления — грам-

матические формы — и это были те единицы языка, которые он ранее изучал на курсах. Более того, после того, как лингвист замечал их, они прочно оседали в его памяти. Р.Шмидт сделал вывод, что узнавание (*recognition*) определенных лингвистических явлений иностранного языка, осознание того, что они знакомы изучающему язык, является предпосылкой обучения, роль которой невозможно переоценить. Знания по грамматике, которые он получил ранее, сами по себе не были достаточны для того, чтобы Р.Шмидт бегло говорил по-португальски, однако они помогли ему заметить те черты изучаемого языка, которые без приобретенных предварительно грамматических сведений он бы не заметил и не осознал. Таким образом, то, что Р.Шмидт предварительно изучал грамматику, опосредованно повлияло на изучение им португальского языка, сыграв структурирующую, организационную роль в процессе изучения им иностранного языка. Можно заключить, что узнавание (*recognition*) является концептуально важным понятием в предложенной американским лингвистом методике овладения иностранным языком — и мы в значительной степени разделяем данную точку зрения.

Обращаясь к современным размышлениям о методологии преподавания иностранного языка, сошлемся на мнение Т.М. Миловановой и В.А. Сырецкой о том, в настоящее время «главными приоритетами современного обучения иностранному языку в вузе для преподавателя становятся приобщение студентов к самообучению, развитие их познавательного интереса, внедрение новых технологий, которые объединяют преподавателя со студентами в один творческий коллектив и реально повышают значение самостоятельной работы студентов. При этом важную роль в обучении иностранному языку играет личность преподавателя» [2, 65]. Чтобы обеспечить совместный творческий познавательный процесс, преподавателю следует осуществлять компетентностный подход к обучению, базирующийся на категориях компетентность и компетенции.

Под компетентностью понимаются накопленные преподавательским сообществом теоретические и практические знания, позволяющие реализовать важнейшие, стратегические цели, формулируемые для конкретной активности в определенном социально значимом контексте.

Компетенции подразумевают определенные теоретические и практические знания и стратегии, к которым обращаются для решения конкретных задач, формулируемых непосредственно в процессе обучения. Лингвистическая (языковая) компетенция определяется как умение пользоваться знаниями о системе определенного языка, а также о том, как языковые единицы реализуются и функционируют в системе языка. В то же время, лингвистическая компетенция представляет собой компонент коммуникативной компетенции, т.е. вышеупомянутые знания

делают возможным воспринимать и, верно, истолковывать чужие мысли, как и формулировать и выражать собственное мнение — устно и письменно.

Лингвистическая компетенция предполагает владение знаниями о языке как системе во всех лингвистических аспектах: фонемном, морфемном, лексическом, синтаксическом, стилистическом. Лингвистическая компетенция базируется на способности практического применения совокупности правил, регулирующих языковую деятельность, при этом можно указать на следующие виды компетенции:

- ◆ синтаксическая компетенция, позволяющая грамматически правильно выстраивать устную и письменную речь;
- ◆ семантическая компетенция, под которой понимается способность пользоваться правилами интерпретации языковых выражений;
- ◆ прагматическая компетенция — это умение правильно применять языковые единицы в практике коммуникации.

Обучение студентов иностранному языку включает следующие этапы: овладение первичными, базовыми знаниями; затем происходит развитие умений, на этом этапе обучаемые приобретают способность применять знания; и высший этап — навыки как автоматизированное владение знаниями [3, с. 35], [4, с. 22]. Умения и навыки позволяют студентам усваивать и применять знания, а важнейшая характеристика компетенций и компетентности студентов состоит в применении ими знаний в языковой практике. Осуществляя компетентностный подход к обучению иностранному языку, необходимо отбирать программный материал, базируясь на компетенциях, отражающих реальные жизненные требования и применимых в реальных обстоятельствах [5, с. 112].

В качестве учебного материала, преподаватель может предложить студенту как альтернативу работе с печатным текстом диктогloss, или грамматический диктант.

Результаты исследования. В отличие от традиционно-го диктанта, когда текст диктуется слово за словом, фраза за фразой, техника диктогlossа предполагает, что студенты работают со всем текстом полностью. Выполняя диктогloss, или грамматический диктант, студент поставлен перед необходимостью замечать и осознавать языковые формы (единицы), которыми он владеет пассивно, они хранятся в его памяти, — и актуализировать их, переводя в разряд своего активного языкового инструментария. Студенты должны уловить смысл текста, хотя они могут и не отдавать себе отчет в том, какими языковыми средствами (грамматическими формами) передается данное значение. То есть студенты понимают, например, рассказ преподавателя о летнем отдыхе, однако не предполагают

ся, что они дословно воспринимают диктуемый текст (что именно было сказано диктующим). Таким образом, при реконструкции значения текста студенты используют уже знакомые им языковые формы (например, *we drove* вместо *we'd drive*). При сравнении своей версии текста с оригинальной, студенты обращают внимание на различие между тем, каким языковыми формами они пользовались для передачи значения и тем, как его выразил преподаватель. Вышеприведенные формы — *we drove* и *we'd drive* — это один из примеров различия между грамматическими формами, употребленными студентами и преподавателем, иными словами, преподаваемой грамматической формой, которую студентам следует усвоить. Для изучающего иностранный язык важно самостоятельно осознать различия между грамматическими формами, употребленными им и преподавателем, для того, чтобы внести необходимые исправления в свою грамматику.

Для диктанта следует отбирать краткий текст, и его сложность не должна превышать общий уровень лингвистической компетентности студентов — разумеется, кроме новых языковых форм, которые являются предметом изучения. По-видимому, для диктанта в этом случае могут быть рекомендованы подготовленные, а не аутентичные тексты. Однако преподавателю следует не зачитывать, а «рассказывать» диктант — это будет способствовать возникновению живого интереса к тексту со стороны студентов, они будут более непосредственно вовлечены в его восприятие.

Пример текста, предложенного студентам для диктогlossа:

“When I was a child we used to go camping every summer. We'd choose a different place each year, and we'd drive around until we found a beach we liked. Then we'd pitch our tent, as near as possible to the beach. We'd usually spend most of the time on the beach or exploring the country round about. We never went to the same beach twice” [6, с. 83]

На первом этапе преподаватель обозначает тему диктанта, в течение нескольких минут беседуя со студентами о летних каникулах. Затем он объясняет, что собирается рассказать о том, как ребенком он провел лето в ... Студентам предлагается после того, как они выслушают рассказ, записать все слова, словосочетания, фразы и предложения, которые они смогли запомнить. Может понадобиться пересказать текст во второй или в третий раз, при этом преподаватель внимательно наблюдает за студентами и определяет уровень понимания ими текста.

На второй стадии каждый студент самостоятельно записывает все, что смог запомнить из диктанта — отдельные слова или словосочетания. Студенты работают в группах, сравнивая друг с другом, что им удалось запомнить

и записать и совместно пытаются реконструировать текст диктанта. На этом этапе преподаватель отвечает на вопросы о словаре, например, *pitch a tent*, но не вмешивается в реконструкцию текста.

На третьем этапе один из студентов выбирается «писцом» и записывает на половине доски текст диктанта, реконструированный на основании версий, предлагаемыми всеми студентами. И на этом этапе участие преподавателя в уроке сводится к ответам на относительно мелкие вопросы студентов о вокабулярии и правописании слов.

На четвертой стадии диктанта преподаватель записывает на своей половине доски рядом с текстом, реконструированным студентами, оригинальный текст диктанта. Студенты устанавливают все различия между текстом преподавателя и своим вариантом диктанта. Они, вероятно, сразу заметят различия в порядке слов в предложениях двух вариантов, а также замену *used to* на *usually* в предпоследнем предложении. Не так очевидны для них, по-видимому, будут сокращенные формы с *would* (*we'd choose... we'd drive... и т.д.*). Преподаватель спрашивает студентов о значении этих форм и на предлагаемые объяснения, что это примеры *past perfect* или *second conditional* мягко возражает, что это на самом деле это *would* со значением «привычные действия в прошлом».

На стадии реконструкции оригинального текста (этап 2 и 3) студенты обсуждают правильность и уместность воссоздаваемых ими лингвистических форм — не оценивая возможность поднять уровень лингвистической компетентности студентов.

На четвертом этапе преподаватель может написать свою версию текста диктанта на половине доски либо раздать напечатанный текст. Важно, чтобы студенты ясно понимали, в чем именно состоит разница между их вариантом и языковыми формами, употребленными преподавателем. Таким образом, допустимы, например, такие различия, как *a beach which we liked* вместо *a beach we liked*, в то время как *we used to go to camping* вместо *we used to go campin*g — принято быть не может. Преподавателю следует поощрять среди студентов дискуссию о двух текстах с целью уточнения природы различий между двумя вариантами диктанта.

Суммируя вышеизложенное, укажем, что эффективность диктоглосса как инструмента обучения, представляющего собой комплексную, интегрированную активность, обусловлена применением студентами следующих навыков: аудирования, т.е. восприятия иностранной речи (*receptive skill of listening*), а также навыка говорения во время работы в группах и навыка письма (*generative skills of speaking and writing*). Не будет большим преувеличением сказать, что буквально любое явление языка —

лексическо-семантическое, грамматическое, синтаксическое — будучи предметом диктоглосса, оказывается в центре внимания студентов, хотя не все конструкции языка могут быть в равной степени успешно трансформированы в текст грамматического диктанта. При этом решающую роль играет способность студентов заметить разницу между их нынешним уровнем лингвистической компетенции и тем уровнем, к которому они стремятся, который им следует достичь. Отметим, что студенты на разных уровнях языковой компетенции замечают различные факты языка. Случается, что для некоторых студентов задача реконструкции текстов кажется непреодолимо сложной, особенно если они воспринимают диктант как экзамен. Таких студентов следует постепенно готовить к выполнению диктанта, начиная с очень коротких текстов, может быть, даже из одного предложения. Можно также предлагать для диктоглосса текст, который студенты предварительно имеют возможность увидеть. Преподаватель может позволить слушать диктант несколько раз.

Несомненным преимуществом диктоглосса как формы обучения иностранному языку является возможность применять его в группах студентов с различным уровнем лингвистической подготовленности (*mixed abilities classes*). Студентам предлагается проверять и редактировать ответы друг друга, при этом они постоянно меняют тех, с которыми работают, чтобы наиболее полно выявлялись сильные стороны каждого студента, а студенты с более скромными знаниями «не теряли лицо». Давая оценку ответам студентов в конце занятия (*feedback*), преподавателю следует отметить сильные стороны в ответах каждого студента. Например, те, у кого есть проблемы с грамматикой, могут иметь хорошее произношение, что можно поставить в пример остальным обучающимся. Это поднимет самооценку каждого студента, и сильные студенты будут готовы помогать слабым учащимся — ведь преподаватель подтверждает, что обучение приносит положительные результаты. Сам по себе факт обучения с сильными студентами способствует мотивации учащихся с более скромными знаниями.

Помимо этой формы, можно использовать следующие типы диктантов:

Авто-диктант (1). Подходит для повторения материала или для переписывания конспектов, состоит из нескольких этапов:

- ◆ Студент читает фразу из текста или слушает ее в записи;
- ◆ Не глядя на текст, студент мысленно повторяет фразу и определяет ее смысл;
- ◆ Студент записывает фразу по памяти;
- ◆ В заключение, студент может сверить свой диктант с оригинальным текстом.

Авто-диктант (2). Преподаватель диктует фразу из текста. Студент повторяет ее и записывает на диктофон. Затем студент транскрибирует фразу с собственного голоса и сравнивает с оригинальным текстом.

Диктант из ключевых слов. Преподаватель читает текст вслух. Студент записывает самые важные слова, затем реконструирует продиктованный текст по ключевым словам.

Диктант с пропусками. Преподаватель диктует текст, пропуская все примеры какой-либо языковой формы, например, все предлоги или все *past participles*. Студент пишет диктант, заполняя пропуски.

Диктант с исправлением ошибок. Преподаватель диктует известный текст, включая в него фактические ошибки. Студент исправляет их.

Пунктуационный диктант. Преподаватель диктует, не отмечая паузами знаки препинания в тексте.

Диктант с подбором соответствующих пар. К каждому продиктованному слову или фразе студент подбирает пару из предложенного списка, например, вопрос — ответ; комментарий — отклик; предложение — расчлененный вопрос (*the weather is fine — isn't it?*)

Диктант с заменой языковой формы, например: преподаватель диктует глаголы в 3 лице, а студент записывает глагол в 1 лице.

Выводы. Основное преимущество данной интегративной деятельности состоит в том, что студенты работают самостоятельно, и в процессе их коллективного творчества, без сомнения, происходит их самообучение. Удастся уйти от распространенной практики "Talk and Chalk" («Лек-

ция и Мел») — так иронично описывается в англоязычном преподавательском содружестве распространенная, к сожалению, практика урока с доминирующей ролью преподавателя, адресующего свои разъяснения студентам и подкрепляющего свои доводы записями на доске. Разумеется, речь не идет о том, что следует полностью отказаться от чтения лекций и пользования доской. Однако практические занятия иностранным языком требуют последовательного применения коммуникативной методики преподавания — и диктоглосс, вне всякого сомнения, является очень мощным методическим инструментом, позволяющим студентам пропускать изучаемый материал через призму своих знаний и навыков, а затем выстраивать параллельный текст, актуализируя свои лингвистические компетенции.

Диктоглосс применялся нами на занятиях со студентами первого курса экономического курса РУДН и зарекомендовал себя как метод, благодаря которому студенты получали возможность детальной проработки точного значения лексических и грамматических единиц языка. В процессе выполнения диктоглосса учащиеся совершенствовали навык анализа и синтеза информации, разговорный навык — при обсуждении материала в группах, а также навык письма. В результате применения диктоглосса студенты продемонстрировали повышение своей лингвистической и коммуникативной компетенции, выразившееся в развитии словарного запаса, как и совершенствовании знаний грамматики и синтаксиса.

В процессе выполнения диктоглосса компетентность преподавателя реализуется в единстве с компетентностью изучающих иностранный язык, что и составляет истинный смысл процесса обучения, другими словами, компетентность преподавателя существует в целях развития компетентности студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. R. W. Schmidt, "The Role of Consciousness in Second Language Learning («Роль сознания в изучении второго языка»), *International Journal of English and Education, Applied Linguistics*, 11 (2), стр. 129–158
2. Т. М. Милованова, В. А. Сырецкая «Компетентностная направленность обучения иностранным языкам в вузе», журнал «Интерэкспо Гео-Сибирь», 2014, том 6, выпуск 2, стр. 63–67
3. Десятова О. В. Особенности иноязычной профессиональной подготовки экономистов-международников // *Вопросы прикладной лингвистики*. 2016. Выпуск 2 (22). С. 30–41.
4. Малахова В. Л. О сложностях научного перевода с английского языка на русский (на примере текстов экономической тематики) / В. Л. Малахова // *Вопросы прикладной лингвистики*. 2017. № 26. С. 21–39.
5. Malyuga E. N. (2015). Modern concepts of intercultural business communication development in linguistics *Voprosy prikladnoj lingvistiki* [Issues of applied linguistics], N17, pp. 106–118.
6. Thornbury S. *How to teach grammar*. — Pearson Longman. — 1999. — 182 с.

© Бурикова Светлана Александровна (burickova.swetlana@yandex.ru), Панкова Валентина Юрьевна (mayachka09@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВАХ ТЕРМИНА «ЯЗЫК НАУКИ»

HISTORICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE TERM "THE LANGUAGE OF SCIENCE"

D. Bykova

Summary. this article deals with the problematization of the definition of scientific language as a means of expressing scientific knowledge. The structure, principles of existence and development of the language of science as components of science as a whole are displayed. A classification of the languages of science is done. And also describes the approaches to the study of the language of science by both domestic and foreign scientists.

Keywords: language of science, scientific knowledge, approach, definition, aspect, classification, content, meaning, reality, scientist, world picture.

Быкова Дарья Владимировна

*Старший преподаватель, ГБОУ ВО «Нижегородский государственный инженерно-экономический университет», Княгинино, Россия
bykova_dasha_1986@mail.ru*

Аннотация. В данной статье раскрывается тема проблематизация определения научного языка как средства выражения научного знания. Отображена структура, принципы существования и развития языка науки как компоненты науки в целом. Дана классификация языков науки. А также описаны подходы к изучению языка науки как отечественными, так и зарубежными учеными.

Ключевые слова: язык науки, научное знание, подход, определение, аспект, классификация, содержание, смысл, действительность, ученый, картина мира.

Постоянно растущее влияние науки на все сферы человеческой жизни обусловило особую актуальность исследований, которые ориентированы на изучение познавательных структур, формирующихся в результате научного познания и особенностей их языковой выраженности. Речь идет о возможности существования единой глобальной научной картины мира, возможности выдвижения любой наукой своей собственной картины мира, проблеме определения ею единого термина.

Впервые тему научного языка проблематизировал Ф. Бэкон, указавший, что словесные обозначения понятий могут приносить в знание ложные и неточные смыслы. С того времени зародился идеал «чистого языка», элементы которого должны играть роль репрезентантов (заместителей, представителей) реальных объектов, регистрировать реальное положение дел.

По мере расширяющейся дифференциации науки возникла ещё одна связанная с языком проблема — проблема взаимопонимания представителей различных дисциплин. Основания этой проблемы лежат в сфере мировоззрения. Дело в том, что заявленный О. Контом тезис об окончании интеллектуального господства метафизики и начале господства науки отражал настроение не только группы сциентистски-ориентированных интеллектуалов. Вызревало недовольство классической философией, занятой построением бездоказательных универсальных схем мира. Но без философии представления человека о мире становились фрагментарными.

Представители позитивизма осознавали, что создание целостного *научного* мировоззрения возможно лишь путем налаживания взаимопонимания между представителями различных наук. Из этой проблемы выросла идея редукции (сведения) научных языков к языку физики.

В рамках неопозитивизма проблему адекватности научного языка объекту пытались решить различными способами. Предлагалась стратегия ужесточения контроля над научным языком путем констатации эмпирических фактов в так называемых «протокольных(сухих) предложениях» и сведения теоретических высказываний к этим базовым констатациям. Предпринимались попытки «очистить» научный язык, формализовав его, т.е. создав искусственный язык, лишенный недостатков естественных языков.

Все отмеченные эксперименты с научным языком, их неосуществимость продемонстрировали, что язык науки обладает собственной структурой, логикой, принципами существования и развития.

Логическая структура языка науки представлена сложноорганизованной системой видов, форм и функций. Формы языка науки определяются предметом и существующими парадигмами познания.

Онтологическая классификация выражена в его предметной классификации на языке химии, физики, биологии, математики, истории и других наук.

«Язык является живой, сверхсложной, развивающейся системой, в которой происходит как организованное, так и спонтанное рождение новых значений и смыслов, его можно назвать самоорганизующейся системой» [3, 66]

Т.Г. Лешкевич классифицирует языки научной теории на основе ее внутренней структуры:

1. «Ассерторический — язык утверждения. С его помощью формулируются основные утверждения данной теории. Ассерторические языки делятся на формализованные и неформализованные. Примерами первых служат любые формальные логические языки. Примерами вторых — фрагменты естественных языков, содержащих утвердительные предположения, дополненные научными терминами;
2. Модельный язык, который служит для построения моделей и других элементов модельно-репрезентативной подсистемы. Эти языки имеют развитые средства описания и также подразделяются на формализованные и неформализованные. Формализованные основываются на использовании средств математической символики;
3. Процедурный язык, занимающий подчиненный ранг классификации и служащий для описания измерительных, экспериментальных процедур, а также правил преобразования языковых выражений, процессов постановки и решения задач. Особенностью процедурных языков является однозначность предписаний;
4. Аксеологический язык, создающий возможность описания различных оценок элементов теории, располагает средствами сравнения процессов и процедур в структуре самой научной теории;
5. Эротетический язык, который ответственен за формулировку вопросов, проблем, задач или заданий;
6. Эвристический язык, осуществляющий описание эвристической части теории, т.е. исследовательского поиска в условиях неопределенности. Именно с помощью эвристических языков производится столь важная процедура, как постановка проблемы» [4, 294–295]

Идея проведения различия между функциями языка принимается в большинстве теорий языка; реализуется она, однако, по-разному.

Широкую известность получило введенное в 20-е годы этого века Ч. Огденом и А. Ричардсом противопоставление референциального (обозначающего) употребления языка его эмотивному (выражающему) употреблению.

Распространено также выделение следующих двух языковых функций: формулирования мыслей в процессе познания и коммуникации этих мыслей, а также связанных с ними переживаний.

К. Бюллер, рассматривая знаки языка в их отношении к говорящему, слушающему и предмету высказывания, выделяет три функции языкового высказывания: информативную, экспрессивную и эвокативную [1, 30]. В первом случае язык используется для формулировки разного рода утверждений; во втором — для выражения состояний сознания говорящего; в третьем — для оказания влияния на слушающего.

Современная наука выделяет следующие функции языка:

1. Коммуникативная функция, главное в которой — это общение людей.
2. Мыслительная или когнитивная функция.
3. Познательная функция. Язык позволяет создавать новые слова и понятия, а также выступает средством хранения и передачи информации.
4. Другие функции (фатическая, эмотивная, апеллятивная, эстетическая и пр.).

Интеграционные процессы во взаимодействии науки и индустрии, процесс превращения науки в культуруобразующую сторону общества, расширение сферы влияния науки, вмешательство ее во все стороны жизни не только усиливают интерес к науке, но и прямо выдвигают перед обществом задачу всестороннего изучения науки.

Наука как само знание и как деятельность по производству знания осуществляется обществом и является его продуктом. Поэтому знание и сам процесс получения этого знания должны существовать в такой форме, которая доступна исследовательскому коллективу, любому его члену и обществу в целом. Иначе говоря, знание должно быть заключено в материальную, чувственно воспринимаемую оболочку и иметь унифицированную знаковую форму.

Сегодня анализ языковых средств науки приобретает и специфическое значение. Это обусловлено многократно возрастающим объемом научно-технической информации и связанными с этим трудностями ее абстрактно-логической обработки. Практическая значимость анализа языковых средств науки определяется потребностями способствующих переработке этой информации языков, причем таких языков, которые позволили бы не только с высокой степенью адекватности представлять осваиваемую действительность, но и однозначно, точно осведомлять о познаваемом. Субъект языковой практики в ответ на потребности «уплотнения» научной информации для приведения ее в опреде-

ленный логический порядок находит удовлетворяющие его языковые средства. В качестве языка науки все чаще избирается математика.

В последние два десятилетия активно велась позитивная разработка философских вопросов языка науки. Большая работа проделана в этом плане С. А. Васильевым, В. Н. Карповичем, М. С. Козловой, А. М. Коршуновым, П. В. Копниным, В. В. Мантатовым, Э. А. Мариничевым, И. С. Нарским, В. В. Петровым, Ю. А. Петровым, М. В. Поповичем, А. И. Ракитовым, В. С. Степиным, С. М. Шалютиним, В. С. Швыревым, Ю. А. Шрейдером, В. А. Штоффом, И. А. Хабаровым и др.

Существуют различные подходы к изучению языка науки. Прежде всего, выделяется лингвистический аспект, который рассматривает язык науки как разновидность литературного языка. В языке науки всегда имеется тенденция к рационализации, строгой систематизации и регламентации средств. Соответственно, такой подход объясняется задачей языкознания — описать формальное устройство естественного языка с учетом его контента. Однако, среди недостатков такого подхода можно выделить отсутствие возможности описания символической системы как неизбежного компонента науки.

Согласно методологическому подходу язык науки рассматривается как «инструмент» фиксации, хранения и передачи научной информации. Здесь язык науки определяется как «совокупность средств, с помощью которых могут быть построены и выражены мысли».

В синтаксическом аспекте язык науки подразумевает последовательность из знаков. При данном подходе, язык науки есть некая структура, регулируемая определенными правилами. «Под языком, — замечает Р. Карнап, — мы понимаем в общем любое исчисление, так сказать систему правил образования и преобразования, касающуюся того, что называется выражениями, то есть конечную упорядоченную серию элементов любого

вида, именно того, что называют символами». Однако, принимая во внимание лишь синтаксис, мы лишаем языка смысла, его содержательную сторону, отрываем значение от языкового знака. Тем самым, можно сказать, что такой подход может быть применим лишь в конкретном исследовании.

В семантическом аспекте язык науки позиционирует себя как «понятийный аппарат научной теории и принимаемые ею средства доказательства». В этом аспекте абстрагируются от особенностей знаковых форм языка науки, и поэтому вопрос о знаковой природе языка науки остается в тени.

Все рассмотренные подходы к определению языка науки можно считать логичными и имеющими право быть и использоваться при исследовании того или иного аспекта данной языковой действительности и состояния языка науки. Эти же подходы являются обязательными и свидетельствуют о сложности и тех факторов и наличии разнонаправленных процессов, которые формируют и развивают язык науки. Суть языка науки можно понять лишь при системном подходе, при одновременном учете научных и социокультурных особенностей. И нельзя не принимать во внимание исторический аспект, указывающий на язык науки как развивающееся явление. В процессе формирования языка науки вычлениаются такие относительно самостоятельные этапы, как введение терминов, установление правил языка и образование терминосистем.

В заключении следует отметить, что первостепенная и основополагающая функция языка науки сейчас и тогда было адекватное обозначение результатов научного познания и научно-познавательной деятельности в целом. Создание любого языка начинается с выражения впечатлений о событиях внешнего мира с помощью символов и знаков. При этом мы определяем смысл и значение этих символов и знаков, а также их связь с объектами и событиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюллер К. Теория языка. Репрезентативные функции языка. — М., 2001. С. 30
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. — М., 1996.
3. Гураль С.К., монография, С. 66
4. Лешкевич Т. Г. Философия науки: традиции и новации. — М.: ПРИОР, 2001. — 428стр. С. 294–295
5. Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра. — М.: Гнозис. — 1994. — 216с.
6. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. — М., 2000.
7. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М., 1997; 2000.

© Быкова Дарья Владимировна (bykova_dasha_1986@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ МАГИСТРАТУРЫ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

NEW EDUCATIONAL STANDARDS AND INTERDISCIPLINARY APPROACH TO FOREIGN LANGUAGE TEACHING OF NON-LINGUISTIC MAJOR STUDENTS

I. Kazieva

Summary. The article considers some special aspects of interdisciplinary approach within the framework of new educational standards to foreign language teaching of non-linguistic major students. The authors share their techniques of applying interdisciplinary approach worked out and successfully implemented by foreign languages department professors. They also focus on the pertinence of interdisciplinary approach as well as on scholarly importance of professional interaction between language and non-language departments.

Keywords: interdisciplinary approach, new educational standards, major students, non-linguistic faculty, foreign languages, educational and cognitive competence.

Казиева Индиана Ивановна

*Старший преподаватель, Российский университет
дружбы народов
Diana-21@list.ru*

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности применения междисциплинарного подхода в условиях новых образовательных стандартов при обучении иностранным языкам студентов магистратуры неязыковых вузов. В статье даются примеры использования методик междисциплинарного подхода, применяемых преподавателями кафедры. Авторы раскрывают значимость и актуальность междисциплинарного подхода для студентов неязыковых специальностей. Авторы также приводят примеры практических заданий, успешно применяемых на занятиях. Дан анализ роли взаимодействия между кафедрами иностранных языков с кафедрами неязыковых специальностей.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, новые образовательные стандарты, магистратура, неязыковой вуз, иностранные языки, учебно-педагогическая компетентность.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года предусматривает модернизацию системы образования, которую можно рассматривать как основу планомерного и динамического роста экономики и социального развития общества наряду с улучшением благосостояния граждан страны и ее безопасности. Формирование и развитие инновационной экономики при этом становится первоочередной задачей и должна стать целью модернизации системы образования.

В настоящее время практически все учебные заведения и системы образования существуют в условиях глобальной конкуренции, неотъемлемой частью которой новые технологии, ускоренное и своевременное внедрение различных инноваций, ускоренной адаптации к возникающим требованиям быстро меняющегося мира.

Развитие интегрированных инновационных программ, решение кадровых и исследовательских задач развития инновационной экономики на основе интеграции образовательной, научной и производственной де-

ятельности с одновременным переходом на многоуровневые программы подготовки специалистов на основе кредитно-модульных принципов построения образовательных программ, внедрение возможностей получения европейского приложения к диплому о высшем образовании — все это целевые ориентиры системы образования, установленных Министерством образования и науки.

Повышение конкурентоспособности образования будет доказательством его высокого качества, что в свою очередь приведет к позиционированию нашей страны как одного из лидеров среди стран-экспортеров образовательных услуг. [1]

Исходя из вышесказанного, Министерство образования и науки ставит своей первоочередной задачей интеграцию в мировое образовательное пространство и повышение конкурентоспособности российского образования на международном уровне.

Для успешного решения этих задач разработке и внедрению многоуровневых образовательных программ

в нашей стране уделяется самое пристальное внимание. При этом чрезвычайно важно учитывать современные условия, предъявляющих повышенные требования к профессиональным качествам человека, а именно формирование личности с творческим подходом к выполняемой работе, проявление инициативы и независимости в принятии решений. Такого рода требования стимулируют поиск новых методов и подходов в обучении, где процесс обучения строится на стимулировании творческой деятельности и развитие критического мышления в отличие от все еще распространенной передачи готовых знаний.

В нашей стране, как и в Российском университете дружбы народов, сформировалась и продолжает формироваться система и принципы подготовки по всем направлениям магистратуры, учитывающая профессиональные интересы учащихся, которая основывается на получение фундаментальных знаний и способствующая творчеству и карьерному росту в соответствии с новыми Образовательными стандартами.

Выпускник-магистр предполагает наличие у него умений и навыков, которые должны быть у научного работника — обширную эрудицию, научное творчество, владение современными информационными технологиями и методами работы с научной информацией, в частности умение получать, обрабатывать и фиксировать научную информацию. И здесь немаловажную роль играют навыки иноязычного межкультурного общения, лежащего в основе информационного обмена и сотрудничества в международном научном сообществе. В этой связи можно говорить о высокой значимости языковой подготовки студентов-магистрантов, конечная цель которой является умение функционировать в качестве субъектов международного образовательного пространства, осуществляя активную межкультурную коммуникацию в рамках своей профессиональной и научной деятельности.[2]

Российский университет дружбы народов с момента его основания всегда вел активную международную деятельность, но только за последние два десятилетия стало возможным говорить о программах академической мобильности. Наш вуз обменивается студентами и работает по программам академической мобильности с такими вузами, как например, Институт политических исследований Сьянс По Бордо, Франция, Мадридский университет Комплутенсе, Испания, Университет Болонии, Италия и др.

Успех участия в программах академической мобильности во многом связан с разработкой и внедрением современных технологий процесса обучения иностранному языку. Здесь можно говорить о многоуровневом

и междисциплинарном подходе на основе развития профессиональных языковых компетенций, столь необходимых для эффективного общения в различных областях профессиональной и научной деятельности.

Целью обучения иностранным языкам магистрантов неязыковых специальностей РУДН состоит формированием у них устойчивой мотивации к изучению иностранных языков наряду с развитием и формированием у этих студентов учебно-познавательной компетентности.

Важно отметить, что формирование компетенции делового и устного общения на иностранном языке является одной из существенных частей обучения иностранным языкам в магистратуре и именно наличие этих навыков существенно повышают профессиональную подготовку будущих специалистов и, соответственно, востребованность среди работодателей.

Компетенция деловой коммуникации — это умение эффективно и адекватно общаться на иностранном языке в деловой обстановке. Данная компетенция является многогранным явлением, в структуру которого входят определенные компетенции, которые развиваются и оформляются в процессе обучения иностранному языку в магистратуре [3]

Письменное деловое общение, как и устное, хотя в меньшей степени, предполагает довольно строгую регламентированность, соблюдение определенных правил, чаще всего основанных на культурных и иных традициях, а также этнических принципах [4]

Исходя из этого можно сделать вывод, деловое общение на иностранном языке не предполагает применения правил делового общения, принятого в родном языке.

Приступая к изучению письменной и устной деловой речи часть студентов испытывают ряд сложностей, а именно — студенты не осознают важности стиля делового языка и сфер его применения, не владеют внутренней структурой различных видов делового письма (письмо-жалоба, электронное письмо, письмо коллеге, письмо руководителю, протокол собрания и т.д.). Данные речевые умения развиваются по мере прохождения различных тем и ситуаций, где требуется продемонстрировать эти речевые навыки.

На нашем кафедре мы используем свой алгоритм работы над развитием навыков делового письма:

А именно:

Тема урока: Looking for a job. Application letter.

1. Вводные вопросы по теме урока (When do we look for a job? Do you know any rules that we should

follow when applying for a job? Do you think they differ from the rules in your country? How?)

2. Работа с текстом, связанного с темой урока, с одновременным выполнением различных упражнений (Complete the statements with the information from the text, find topic-related words and expressions from the text matching the definitions, etc.)
3. Записать слова и выражения и дополнить список на свой выбор.
4. Составить мини-диалоги с использованием новых слов по теме урока.
5. Прослушать аудиозапись и выполнить задания (What is the topic? Say which piece of advice you agree with, and which you disagree with.

Listen and complete the notes)

6. При повторном прослушивании найти\ услышать и записать эквиваленты слов (сотрудник отдела кадров — hr officer, рекомендации — references и.т.д.)
7. Сделать краткое сообщение (1–2 мин.)на основе изученного материала и использовать новые слов и выражения.
8. Прочитать письмо-заявление и выбрать между подходящее для данного документа слова (выбор между словами официального стиля и неофициального — curriculum vitae and b CV, attended gone on, to come to an interview and to be available for an interview, etc)
9. Проанализировать слова и заполнить таблицу
Informal Formal Language

Informal Formal

CV curriculum vitae

come to an interview be available for an interview

I'm I am

a lot extensively

10. Выделить отличительные черты официального (делового) языка — отсутствие сокращений, более длинные слова, минимальное использование фразовых глаголов, отсутствие сокращений итд.
11. Проанализировать содержание каждого параграфа (the reason for writing the letter, a summary of relevant work experience, details of academic background etc.)
12. Написать собственное письмо-заявление в компанию, в которой бы вам хотелось работать, используя изученный материал [3]

Многие студенты, испытывающие наибольшие сложности, стараются изначально использовать родной язык и далее переводят на иностранный. Такой подход ведет к стилистическим ошибкам, а в иных случаях и к смысловым [5] и не способствует формирова-

нию системного подхода к структуре написания деловых писем.

Мы уделяем большое внимание предварительной текстовой работе, предварительному аудированию, обращая внимание студентов на проблему, чаще всего из деловой сферы, способы ее решения и предлагаем обсудить другие возможные решения. И здесь важно сделать акцент на тех решениях, которые приняты в профессиональном деловом общении, а не то как принято в своей культуре или исходя из личных побуждений. На этом же этапе предлагаем записать полезные слова и выражения. То есть фокус внимания концентрируется на лексических средствах делового дискурса: многозначные слова, грамматические структуры, собственные деловой речи, интернационализмы, фразеологизмы, метафоры и идиомы.

Примером работы над грамматическими структурами могут служить следующие задания в процессе прохождения темы «Company Management» и повторения темы «Modal Verbs»:

1. *Make suggestions referring to your own company. Use the expressions below.*

I think we should... We ought to... How about.... I don't think... Why don't we.... Let's

- Suggest a way of improving morale among workforce

I think we should increase overtime rates.

- Suggest a way of reducing staff turnover

Why don't we set up a company crèche?

- Suggest a way cutting costs

Let's give everyone incentives to reduce the cost of air travel?

2. Read through the sentences about things that have gone wrong. Make criticisms using should/should't have done

- Mary lost all her savings when the company she had invested all her money in went bankrupt.

She shouldn't have put all her money into a single company

- Our main competitor's product was a total failure.

They should have spent much more time making sure it was reliable.

- Our profits were down sharply last year.

We shouldn't have invested all that money in risky Central America companies. [6]

В процессе работы на письменной деловой речи мы придаем большое значение различным стилям, формам обращения, формам вежливости и различным клише.

Компетенции и знания, полученные на уроках иностранного языка в процессе обучения в магистратуре

позволяет будущему специалисту претендовать на должности в международных компаниях, профессионально и эффективно работать с иностранными коллегами, заказчиками и пр. Владение бизнес-лексикой открывает широкие возможности для полноценного участия в международных мероприятиях, поддерживать деловые связи. Деловой иностранный язык — ключ к успешному построению карьеры. Междисциплинарный подход в значительной степени помогает студентам состояться в профессиональной сфере. И одновременно требует равных усилий как от студента, так и от преподавателя. Преподавателю в данном случае необходимо владеть не только професси-

ональными компетенциями, но и во многих других, чаще всего не смежных, научно-профессиональных направлениях. Помимо всего прочего, сотрудничество преподавателей различных кафедр в целях разработки актуальных учебных и рабочих программ становится насущной необходимостью. Таким образом, можно сделать вывод о том, что междисциплинарный подход вкупе с новыми образовательными стандартами должен использоваться при обучении иностранным языкам как подход развивающий культурные и профессиональные навыки и компетенции, стимулирующий анализ и поиск информации, необходимой будущему специалисту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция долгосрочного социального-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] URL: <http://ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf>
2. Попова Н. В., Степанова М. М. Междисциплинарный подход к преподаванию иностранного языка в непрофильной магистратуре // Материалы второй международной конференции «Актуальные проблемы науки и образования». Ставрополь: СевКавГТУ, 2010. — С. 76–81.
3. Guy Brook-Hart // Business Benchmark — Student's Upper-Intermediate-Cambridge University Press, 2006, С. 21
4. Доможирова М. А. Деловая игра в обучении профессионально-ориентированному общению на иностранном языке студентов неязыковых вузов. — СПб., 2002. — С. 17
5. Степанова М. М. Формирование культуры иноязычного делового общения в магистратуре неязыкового вуза // Материалы LX международной филологической конференции. Секция делового иностранного языка. — Вып.5. — СПб.: КультИнформПресс, 2011. — С. 90–93
6. Michael Duckworth // Business Grammar and Practice — New Edition — Oxford University Press, 2008 С. 98

© Казиева Индиана Ивановна (Diana-21@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В НЕЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ВУЗЕ

THE USE OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN TEACHING ENGLISH IN NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

V. Kopytko

Summary. In this article, three types of phraseological units proposed by academician V.V. Vinogradov from the point of view of their semantic unity, and the fourth type put forward by professor N.M. Shansky based on reproducible idioms, were analyzed and illustrated on the material of the English-Russian phraseological dictionary by A.V. Kunin. The role of phraseological units in speech, the importance of their study for understanding the English mentality and culture were noted, as they represent a significant layer of the English language and are very common, as well as the relevance of their use in the practical classes of a foreign language in high school was noted. The author selected a set of exercises aimed at mastering phraseological units.

Keywords: phraseology, phraseological units, phraseological fusions, phraseological unities, phraseological combinations, phraseological expressions, language competence.

Копытко Виктория Николаевна

К.филол.н., Московский Государственный Областной
Университет
kopytkovv@mail.ru

Аннотация. В данной статье были проанализированы и проиллюстрированы на материале англо-русского фразеологического словаря А. В. Кунина три типа фразеологических единиц, предложенных академиком В. В. Виноградовым с точки зрения их семантической слитности, и четвёртый тип, выдвинутый профессором Н. М. Шанским на основе воспроизводимости фразеологизмов. Была отмечена роль фразеологизмов в речи, важность их изучения для понимания английского менталитета и культуры, так как фразеологизмы представляют собой значительный слой лексики английского языка и весьма употребительны, а также актуальность использования их на практических занятиях иностранного языка в вузе. Автором был подобран комплекс упражнений, направленных на усвоение фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеология, фразеологические единицы, фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания, фразеологические выражения, языковая компетенция.

Объектом изучения фразеологии, лингвистической науки, рассматривающей историческое развитие и современное состояние фразеологического состава языка, является фразеологический оборот, устойчивое словосочетание, отличающееся целостностью и образностью значения и воспринимаемое в речи в готовом виде. Фразеология тесно связана с литературой, культурой и другими общественными науками, следовательно, фразеологические единицы несут в себе определённую социокультурную информацию, и их важно изучать для понимания культуры того или иного народа. Фразеологизмы живые свидетели прошлого, знание их обогащает наш ум, даёт возможность более сознательно пользоваться языком. Фразеологические единицы отражают образ мыслей и характер народа, его быт, культуру, отношение к окружающему миру. Изучение фразеологизмов на практических занятиях английского языка в нелингвистическом вузе помогает воспитать активную языковую личность, способствует формированию компетенции в области английского национального менталитета и культуры. Фразеологические единицы отражают образ мыслей и характер народа, его быт, культуру, отношение к окружающему миру. Благодаря использованию фразеологизмов речь учащихся обогащается образцами народной и авторской

речетворческой деятельности, что облегчает построение предложений и имеет огромное образовательное, развивающее и воспитательное значение.

Поиск адекватного перевода незнакомых словосочетаний, особенно фразеологизмов, является одной из важнейших проблем лингвистики. Фразеологизмы — устойчивые сочетания слов с осложнённой семантикой — придают речи эмоциональную окраску, делают её богаче, ярче и встречаются в различных жанрах литературы, поэтому без грамотного перевода невозможно оценить выразительность речи, понять игру слов, а иногда даже проникнуть в смысл целого предложения [2].

Фразеологизмы классифицируются по самым разнообразным признакам: — с точки зрения их грамматической структуры (субстантивные (all the world and his wife — все без исключения; a bit (или a piece) of one's mind — откровенное мнение), глагольные (blow hot and cold — колебаться, постоянно менять своё мнение; hate somebody (или something) like poison — смертельно, люто ненавидеть кого-либо (или что-либо)), адъективные (quick on the trigger — быстро реагирующий, стрелителный; more dead than alive — полумёртвый, смер-

тельно усталый), адвербиальные фразеологические обороты (lock, stock and barrel — полностью, целиком (по названию трёх основных частей охотничьего ружья: замок, ложа и ствол); by leaps and bounds — очень быстро, стремительно) и т.д.) [3];

- ◆ по происхождению (исконно английские фразеологизмы (a baker's (или a devil's) dozen (также a great или long dozen) — чёртова дюжина, тринадцать (по старинному английскому обычаю торговцы хлебом получали от булочников, опасавшихся наказания за недовес, тринадцать хлебов вместо двенадцати, причём тринадцатый шёл в счёт дохода торговцев); high tea — ранний ужин с чаем), заимствования из других языков (an ass between two bundles (или bottles) of hay (также Buridan's ass) — буриданов осёл (о человеке, не решающемся сделать выбор [французскому философу XIV века Буридану приписывается рассказ об осле, умершем от голода, так как он не решался сделать выбор между двумя одинаковыми охапками сена; return to one's muttons — вернуться к теме разговора (выражение пришло из французского средневекового фарса «Пьер Патлен», в котором судья вынужден неоднократно прерывать истца-суконщика, требуя вернуться к предмету настоящего судебного разбирательства — к краже баранов) [3];
- ◆ по тематике (фразеологизмы относящиеся к различным видам человеческой деятельности (look through (или see far into) a millstone — обладать необыкновенной проницательностью; to cut a pie — вмешиваться во что-либо);
- ◆ по стилистической окрашенности. С точки зрения функций, выполняемых фразеологизмами, различают три типа: экспрессивные (лишённые эмоциональной окраски, как правило, книжные фразеологизмы) (beyond (within) the veil — на том свете; go the way of all flesh — «отправиться в путь всего земного», умереть), экспрессивно-эмоциональные (эмоционально-окрашенные, обычно разговорные (I'll be blown if... — провалиться мне на этом самом месте, если..., knee-high to a grasshopper — «кузнечнику по колено», крошечный, малюсенький [3]) и стилистически нейтральные фразеологизмы (лишенные экспрессивности и эмоциональности) [4] (have something at one's fingers' ends (finger-ends, finger tips, finger-tips) — знать что-либо как свои пять пальцев [3, с. 275]; come back to one's memory — прийти на память, вспомниться).

Система классификации Виноградова стала первой системой, построенной на степени семантической связи между компонентами фразеологизмов. Согласно его теории, чем дальше значение всего фразеологизма от зна-

чений отдельных его компонентов, тем выше степень семантической связи. Таким образом, были выделены фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания [1]. Постараемся подробно охарактеризовать их в нашей статье.

1. Фразеологическое сращение — это совершенно неразложимый устойчивый оборот, целостное значение которого не зависит от отдельных значений составляющих его компонентов. В сращении связь между прямым и переносным значениями отсутствует, переносное значение является главенствующим, и по этой причине возникают сложности при переводе данных словосочетаний на другие языки. [5] например:

- ◆ Turn the tables — поменяться ролями с кем-либо, чтобы получить преимущество.— 'Essex had to act quickly and drastically,' Asquith said. 'Don't get mad with him. He had to turn the tables on you to save himself.' (J. Aldridge, 'The diplomat', ch. 43).— («Эссекс был вынужден действовать быстро и решительно, — сказал Асквит. — Не злитесь на него. Чтобы спасти себя, ему пришлось бить вас нашим же оружием») [3, с. 742].
- ◆ Beat it — уходить, убираться; сматывать удочки.— 'Come on,' he said to the convict. 'Put her aboard and beat it.' ('The Wild Palms,' 'The old man!') — («Давай, — сказал человек с ружьём бывшему заключённому. — Сажай эту женщину в лодку, а сам можешь убираться») [3, с. 72].

Фразеологические сращения имеют следующие характерные признаки:

1. В составе данных фразеологических оборотов могут быть некротизмы (слова, совершенно неизвестные в настоящее время носителям языка) [7], например: of yore — во время оно, по преданию.— Here haunted of yore the fabulous Dragon of Wantley... (W. Scott, 'Ivanhoe', ch. 1.) — (По преданию, здесь некогда отдыхал сказочный унтейский дракон...) [3, с. 844];
2. в состав фразеологических сращений могут входить архаизмы — устаревшие слова, которых в процессе развития языка вытеснили более современные синонимы [7], например: above board — честный (игроки демонстрировали свои честные намерения, держа руки поверх крышки стола, board — устаревшее слово, означает стол, особенно обеденный.) — Foreign observers are welcome guests for all public organizations interested in elections to be held above board.— (Иностранные обозреватели являются желанными гостями для всех общественных организаций, заинтересованных в проведении честных выборов.) (пример автора статьи.— В. К.);
3. они являются синтаксически неразложимыми;

4. как правило, во фразеологических сращениях недопустима перестановка компонентов;
5. в их состав невозможно включить дополнительные слова.

2. Фразеологические единства — это мотивированные речевые обороты, единое целостное значение которых возникает из слияния отдельных значений их лексических компонентов. В оборотах данного типа часто можно встретить различные стилистические приёмы, такие, как метафорические эпитеты, сравнения, метафоры, эвфемизмы [4], например: *stick to somebody like wax* — быть надоедливым; пристать к кому-либо как банный лист. — *Bella and John Rokesmith followed; Gruff and Glum stucked to them like wax.* (Ch. Dickens, 'Our mutual friend', book IV, ch. IV.) — (Белла с Джоном Роксмитом пошли за ним, Сердитый и Хмурый не отставали) [3, с. 722].

Характерными признаками фразеологических единств являются:

1. возможность совпадения с параллельно существующими словосочетаниями, например: выражение *to carry the guns* (также *to carry too many guns*) означает иметь превосходство над кем-либо. — '...it was impossible to lie to her,' said Georgie... 'As I told you she carries too many guns.' (I. Murdoch, 'A severed head', ch. 12.) — («Я не могла солгать Гонории, — сказала Джоржи... — Я тебе говорила, она слишком умна») [3, с. 339]; *In defiance of widespread misbelief British constables do carry guns.* — (Вопреки распространённому заблуждению, британские полицейские всё-таки носят оружие.) (пример автора статьи. — В. К.);
2. сохранение смыслового значения отдельных компонентов, например: *to turn over a new leaf* — порвать с прошлым. — *It is extremely difficult, practically impossible, for ex-convicts to turn over a new leaf and go straight.* (E. Flynn, 'The Alderson Story', ch. XV.) — (Человеку, вышедшему из тюрьмы, крайне трудно, вернее невозможно, начать новую страницу жизни и добиться успеха.) [3, с. 442];
3. невозможность замены одних компонентов другими;
4. эмоционально — экспрессивная окраска слов, например: *still in swaddling clothes* — ещё молоко на губах не обсохло. — *It's no use to consult him, his mind is still in swaddling clothes.* (Henderson B. L. K. A Dictionary of English Idioms. London, 1954–1964. P. 1–2.) — (С ним консультироваться бесполезно, у него очень незрелый ум.) [3, с. 154];
5. способность образовывать синонимические пары с другими словами или фразеологизмами (*join the majority = to die*), например: 'You think I'm going to join the majority?' (J. Galsworthy, 'Caravan',

'A Stoic') — («Думаете, что я скоро отправлюсь к праотцам?») [3, с. 476].

3. К следующему классу фразеологизмов относятся фразеологические сочетания — мотивированные образования, в составе которых могут быть слова как со свободным, так и несвободным значением (т.е. употребляющиеся в одном или ограниченном числе словосочетаний). Нередко среди фразеологизмов данного рода встречаются термины [2]. С точки зрения грамматической структуры можно отметить следующие типы фразеологических оборотов:

- ◆ словосочетания глаголов с существительными, например: *to take a (или smb's) side* (также *take sides (with somebody)* — стать на чью-либо сторону; присоединиться, примкнуть к какой-либо стороне. — *Edith... You always used to take sides against me.*
- ◆ *Edward. And yet we all liked one another really.* (N. Coward, 'Cavalcade', part II, sc. V.) — (Эдит... Когда мы были детьми, ты всегда был против меня, на стороне других. Эдвард. Но, право же, это не мешало нам всем дружить) [3, с. 688];
- ◆ глаголы с предлогом и именами существительными, например: *go with the current (tide или times)* — плыть по течению. — *He had a habit, as every listener knew, of opposing the majority... to show his independence. But tonight he was not risking it. He went with the tide, though in his own fashion.* (J. B. Priestley, 'Festival', part II, ch. 2.) — (Каждому слушателю была известна его манера проявлять свою независимость, выступая против большинства... Но на этот раз он не стал рисковать. Сегодня вечером он решил плыть по течению, хотя и на собственный лад) [3, с. 321];
- ◆ предложные словосочетания с именами существительными, например: *(on) this side of the grave* — на этом свете, при жизни. — *That's all we may expect of man, this side of the grave.* (R. Browning, 'The Ring and the Book', ch. IV.) — (От человека большего ожидать нельзя в этом мире) [3, с. 688].

Для фразеологических сочетаний характерны следующие признаки:

1. варьирование одного из компонентов сочетания, например: *(as) bold (или brave) as a lion* — храбрый как лев. — 'Let's get to this damned shelter. I'm scared stiff.' 'I don't believe a word of it. You're as brave as a lion.' (W. S. Maugham, 'The Hour before the Down', XV.) —
— Пошли скорее в это проклятое убежище. Я боюсь до смерти.
— Не верю ни одному твоему слову. Ты ведь такая храбрая.) [3, с. 463];

2. синонимическая замена стержневого слова, например: dirty (или soil) one's hands — замазать руки (чем-либо).— Smith kept up a constant demand for emigrants not afraid of soiling their hands... (Ch. Beard and M. Beard, 'The Rise of American Civilization', ch. I.) — (...Смиту все время были нужны эмигранты, которые не боялись замазать руки физической работой...) [3, с. 348];
3. включение определений, например: like lightning, like greased lightning — с быстротой молнии, молниеносно; стремительно; со всех ног, сломя голову.— As soon as he finished his work he was out of the room like greased lightning.— (Едва закончив работу, он вылетел из комнаты с быстротой молнии.) (пример автора статьи.— В. К.);
4. перестановка компонентов;
5. независимое употребление в речи одного из компонентов и связанное употребление другого, например: bathtub gin — дрянной джин.— I don't worry about breaking the law in selling booze. It's just that bathtub gin and fine food and good service don't mix. (S. Lewis, 'Work of Art', ch. 30.) — (Меня не волнует, что я нарушу сухой закон. Меня волнует другое: дрянной джин не вяжется с отличной едой и хорошим обслуживанием.) [3, с. 313];

4. Воспроизводимость фразеологизмов, то есть возможность употреблять их в речевой ситуации как готовые «блоки» для построения образной и выразительной речи, позволила профессору Н.М. Шанскому выделить ещё один вид фразеологизмов — фразеологические выражения [4]. Фразеологические выражения — это устойчивые, семантически членимые с точки зрения состава и употребления фразеологические обороты, состоящие из слов свободного значения. Примерами фразеологических выражений являются пословицы, поговорки, крылатые фразы обязательно с буквальным значением компонентов [6], например: live and let live — сам живи и другим жить не мешай.— I took the room and that night I moved in after bidding goodbye to the cook. 'Good luck to ya, anyway,' she said. 'I got nothing against ya. "Live and let live", that's my motto [= motto]!' (A. Marshall, 'In Mine Own Heart', ch. V.) — (Я снял комнату и в тот же вечер переехал, простившись с кухаркой.— Желаю тебе удачи,— сказала она.— Я ничего против тебя не имею. Сам живи и другим жить не мешай — вот мое правило.) [3, с. 466.]

Фразеологизмы разнообразны и в функционально-стилевом отношении. Среди них встречаются разговорные, просторечные, книжные и даже вульгарные. Фразеологические обороты оживляют и разнообразят речь. На фразеологическом материале учащиеся оценивают выразительность, богатство и многообразие языковых средств, обостряется их эстетическое восприятие,

появляются определённые культурные ассоциации, поэтому его весьма полезно вплетать в канву занятий.

Приведём несколько примеров подобных упражнений.

- ◆ Match the useful phrases (a – e) with their meanings (1–5).

- a) Keep your fingers crossed for me. 1. It was expensive.
- b) It cost an arm and a leg. 2. He doesn't get on well with him.
- c) I'm pulling your leg. 3. Wish me luck.
- d) Can you give me your hand? 4. I'm joking.
- e) He doesn't see eye to eye. 5. Can you help me? [9, p. 82].

- ◆ See if you can match these eye idioms (a – f) to their meanings (1–6) without using the dictionary:

- a) to see eye to eye 1. watch over
- b) to catch the eye 2. to ignore something bad or wrong
- c) to turn a blind eye to 3. to agree with
- d) to keep an eye on 4. to hide the truth from someone
- e) not to bat an eyelid 5. to attract attention
- f) to pull the wool over 6. to show no sign of stress or someone's eyes emotion [10, p. 15].

- ◆ Underline the correct alternative to complete these useful phrases.

a) A: Is he tired?
B: No, he's full of **beans / spinach / mushrooms** .

A: Oh no — he won't want to go to bed.

b) A: Have you met Pete's sister?

B: No, I haven't. Is she like Pete?

A: No, not at all. They are like **chalk and chicken / cheese / cherries**.

c) A: Hey, what do you think of the guy over there with the blue shirt on?

B: Um — he's OK, but he's not my cup of **soup / tea / hot chocolate**.

A: Good — he's mine.

d) A: No, I can't. It's too difficult.

B: No, it isn't. It's a piece of **toast / pizza / cake**. Come on.

A: No, no. Help! I'm going to fall over.

e) A: What was it like?

B: Awful — it was so crowded. We were packed in like **grapes / sardines / garlic**.

A: Oh dear. You won't go there again then, will you? [9, p. 94].

- ◆ Replace the underlined phrases (1–8) in the conversations (1–3) with the time expressions below (a – h).

a) We're running out of time e) one at a time

b) We're making god time f) in time for

- c) have time to spare g) time flies
d) time and time again h) kill time

1. A: (1) We're ahead of schedule.

B: Yes, hopefully we'll be there (2) before dinner.

A: Oh, yes, I should think so. In fact, we may even (3) be early.

B: Well, that's OK. If we have some time before dinner, we can go to the gym.

A: The gym? I'd rather (4) find something to do in the mall!

2. The Global Earth Party will put the environment at the top of the agenda. We've asked the same question (5) repeatedly: when will the government do something about global warming? (6) We haven't got much time left — we need to act now. Vote for the Global Earth Party today.

3. Teacher: Come along children. Stop running. OK, (7) one by one. Ruben, stop pushing. Come on children, let's go back to class.

Child: But we didn't have time to finish our game, Miss.

Teacher: Yes, I know, (8) time goes very quickly when you are having fun. But we have work to do [8, p. 54].

Подобные упражнения развивают умение идентифицировать фразеологизмы, анализировать их функции и отличительные свойства, позволяют избегать речевых ошибок, связанных с их употреблением, что способствует формированию языковой компетентности учащихся в условиях растущей глобализации. Усвоение фразеологизмов — постепенный, длительный процесс, поэтому насыщение ими речи учащихся, определение их значений и особенностей употребления требует целенаправленной, определённым образом организованной работы, а специальные задания и упражнения по фразеологии, представленные в разных учебных пособиях, к слову сказать, не столь обширно, позволяют некоторым образом решить данную проблему.

Таким образом, учитывая всё растущую глобализацию, учащиеся должны овладевать живой английской речью, уметь общаться на английском языке и в учебной, а в будущем, и в профессиональной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов. — Лексикология и лексикография: Избр. Тр. — М.: Наука, 1977. — 312 с.
2. Ергазина А. А., Маратова М. М. Особенности фразеологизмов английского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://revolution.allbest.ru/languages/00877283_0.html. (дата обращения: 07.08.2018).
3. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. — С.: Русский язык, 1984. — 945 с.
4. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. — М.: Высшая школа, 1996. — 200 с.
5. Чиненова Л. А. Английская фразеология в языке и речи. — М.: Московский Государственный Университет, 1986. — 101 с.
6. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. — М.: Высшая школа, 1985. — 160 с.
7. Шидловская И. А. Некротизмы как явление уникализации в языке. [Электронный ресурс]. URL: <http://artlib.osu.ru/konf07/33.pdf>. (дата обращения: 03.08.2018).
8. Kay S., Johns V. New Inside Out. Intermediate Student's Book. — Oxford: Macmillan education, 2013. — 160 p.
9. Kay S., Johns V. New Inside Out. Pre-Intermediate Student's Book. — Oxford: Macmillan education, 2013. — 162 p.
10. Ronder D., Thompson P. Past Simple: Learning English through History. — London: Garnet education, 2012. — 144 p.

© Копытко Виктория Николаевна (kopytkovv@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

PEDAGOGICS PROSPECTS IN THE INTERDISCIPLINARY FIELD OF THE MODERN SCIENCE

V. Pisarenko

Summary. This article examines the pedagogics problems in a context of interdisciplinary research that are the basic feature of the present stage of development of general scientific knowledge. Pedagogics possibilities in a new general scientific direction — NBICS technologies are analyzed. The basic calls of modern pedagogics defining problems and directions of pedagogical research, contradictions of pedagogics which are necessary to be solved are formulated.

Keywords: a modern scientific picture of the world, pedagogical technologies, cognitology, nano culture, nanotechnologies.

Писаренко Вероника Игоревна

Д.п.н., профессор, Южный федеральный университет

(г. Таганрог)

vero19671993@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблематика педагогики в контексте междисциплинарных исследований, которые являются основной особенностью современного этапа развития общенаучного знания. Анализируются возможности педагогики в новом общенаучном направлении — технологиях НБИКС. Сформулированы основные вызовы современной педагогики, определяющие проблематику и направления педагогических исследований, противоречия, которые педагогике необходимо разрешить.

Ключевые слова: современная научная картина мира, педагогические технологии, когнитология, нанокультура, нанотехнологии.

Современная педагогика представляет собой динамично развивающуюся отдельную отрасль знания. Учитывая тенденции современной науки и стремление к выработке универсальных законов развития природы и общества, отметим, что научное знание в любой области стремится к универсализации, если хочет стать полноценной частью общенаучной картины мира. Педагогика не является исключением.

По нашему мнению, педагогика — одна из тех наук, которые достаточно замкнуты в своем проблемном поле, консервативна и достаточно напряженно относятся к использованию методологии других наук для решения своих проблем. Только при условии преодоления этого консерватизма педагогика сможет стать полноценной частью общего научного знания [1].

Вызовами современной педагогики, определяющими сегодня ее проблемное поле, можно считать: *комплементарность; визуализацию; конфликт личностно ориентированного и компетентностного подходов; парадигмальные парадоксы; междисциплинарный подход; использование математических и структурных моделей.*

Сущность **комплементарности** состоит в переходе от единства и борьбы противоположностей к их взаимодействию и взаимодополнению.

Визуализация в образовательном процессе представляет собой процесс передачи учебной информа-

ции посредством визуальных образов. Фактически это возвращение к самому старому принципу педагогики — принципу наглядности, раскрытию сущности которого посвящено огромное количество исследований. Безусловно, новый термин — в какой-то степени дань моде. Что же изменилось в давно известном и широко используемом принципе наглядности? Самые глубокие изменения затронули, на наш взгляд, формы и средства представления информации, что естественно при таком глобальном и быстром развитии информационных технологий. Изменилось и само содержание учебной информации, что также сыграло свою роль.

Конфликт личностно ориентированного и компетентностного подходов выражается в том, что, с одной стороны, образование ориентируют на интересы и особенности каждой личности, с другой стороны, вырабатывают общие требования в виде унифицированных компетенции, которые должны быть сформированы у каждой личности. Это, на наш взгляд, концептуальное противоречие современного образовательного пространства.

Парадигмальные парадоксы современного образовательного пространства обусловлены появлением множества парадигм, каждая из которых имеет право на существование.

Сущность **междисциплинарного подхода** состоит в использовании в педагогике инструментария, данных, подходов и методов других наук. Если наука замыкается

в собственном проблемном поле, она не может развиваться, для развития научного знания необходимо постоянное взаимодействие с другими областями знания, даже с теми, которые лежат совершенно в иной плоскости. Тезис об универсальности науки делает научное знание единым, подчиняющимся общим законам, следовательно, входящие в него компоненты связаны между собой [2]. Отсюда логически следует вывод о возможности и необходимости использования методов различных наук, в частности, использования моделирования в педагогике.

Моделирование в педагогике набирает обороты, однако качественная и содержательная сторона моделей, предлагаемых сегодня в педагогических исследованиях, оставляет желать лучшего. Сегодня только ленивый не моделирует. Мы постоянно слышим «модель будущего», «модель жизни», «модель развития». По сути мы постоянно моделируем, просыпаемся утром — моделируем будущий день, отпуск, карьеру, затраты. Обратите внимание на тот факт, что все модели так или иначе связаны с будущим. В этом их привлекательность, они позволяют прогнозировать будущее.

Использование математических и структурных моделей в современной педагогической науке довольно популярно. Однако, на наш взгляд, в погоне за популярными методами происходит некоторое их искажение и неверная интерпретация. Безусловно, необходимо учитывать своеобразие педагогики, ее гуманитарный характер, нечеткость представлений, которая характерна для данного вида наук. Но, на наш взгляд, существуют классические понятия, которые во все времена во всех науках имели и имеют одну и ту же интерпретацию, независимо от того, в какой науке они используются и для каких целей. Речь идет о *моделировании* и *модели* как ключевом понятии данного процесса. Моделирование сегодня осуществляется практически в каждом диссертационном исследовании, о моделировании идет речь в статьях, монографиях и других видах научной продукции. Это говорит о том, что педагогика становится полноправной отдельной отраслью научного знания, имеющей свой аппарат, методы и подходы, но подчиняющейся общим законам развития научного знания [3].

Однако, при всей популярности педагогического моделирования возникают вопросы о содержании и структуре предлагаемых педагогических моделей. Претендуя на роль полноправной и сформировавшейся отрасли всеобщего научного знания, педагогика должна строго соблюдать некоторые научные каноны, существующие в отношении определенных общенаучных устоявшихся понятий, к которым относится модель.

Обозначив вышеуказанные вызовы, остановимся на двух последних позициях, которые мы считаем наи-

более критическими для дальнейшего развития педагогики как науки.

Междисциплинарность это основа поступательного развития любой науки. Как известно, самые серьезные и прорывные открытия делаются всегда на стыке наук. Одним из направлений прорыва в общее научное знание, на наш взгляд, может стать разработка *педагогических технологий*, которые очень органично вписываются в новый мировой тренд научного развития — единую новую науку и новую **технологии НБИКС**, которая уже в течение ряда лет разрабатывается в мировой науке. В соответствии с данным трендом, основа всего научного знания — социогуманитарные науки.

На приведенном рисунке 1 (*Карта пересечения важнейших технологий*) показано взаимопроникновение NBICS-технологий. В результате конвергенции уже возникли новые направления: наномедицина, нанолечения, нанобиология, нанообщество. Как эта конвергенция будет выглядеть на практике? Объединение глобальных направлений сегодняшней науки и технологий:

Н — это нано, новый подход к конструированию материалов «под заказ» путем атомно-молекулярного конструирования,

Б — это био, что позволит вводить в конструирование неорганических материалов биологическую часть и таким образом получать гибридные материалы,

И — информационные технологии, которые дадут возможность в такой гибридный материал или систему «подсадить» интегральную схему и в итоге получить принципиально новую интеллектуальную систему,

К — это когнитивные технологии, основанные на изучении сознания, познания, мыслительного процесса, поведения живых существ, и человека в первую очередь, как с нейрофизиологической и молекулярно-биологической точек зрения, так и с помощью гуманитарных подходов. Присоединение когнитивных технологий даст возможность, основываясь на изучении функций мозга, механизмах сознания, поведения живых существ, разрабатывать алгоритмы, которые фактически и будут «одушевлять» создаваемые нами системы, наделяя их неким подобием мыслительных функций. *Когнитивная наука (или когнитология)*, как известно, объединяет в себе достижения когнитивной психологии, педагогики, исследований в сфере искусственного интеллекта, нейробиологии, нейропсихологии, нейрофизиологии, лингвистики, математической логики, неврологии, философии, и других наук. *Когнитология* сейчас конвергирует во многие другие науки. Ученые говорят

Рис. 1. Карта пересечения важнейших технологий

о «когнитивном взрыве», или когнитивной революции, свидетелями которых мы являемся.

С — социо, социальные технологии, определяющие алгоритмы существования личности в социуме.

Новая технологическая *нанокультура* состоит в том, что создаются новые материалы, необходимые практически для всех отраслей промышленности, и, следовательно, речь идет о формировании рынка принципиально новой продукции в рамках существующего экономического уклада.

Такие новые материалы с качественно новыми, улучшенными характеристиками востребованы во всех сферах — от медицины до строительства, от информатики до легкой промышленности и т.д. Естественным результатом этого станет эволюционное изменение технологического и, как следствие, социально-экономического уклада общества.

Такому обществу будет необходим *новый тип образования — междисциплинарный*, реализуемый на абсолютно *новых педагогических основаниях*. Это основная проблема для педагогической науки, решение которой обеспечит полноправное существование педагогики как части современной научной картины мира.

Изменения в целеполагании педагогики влечет за собой смену методологии, поиск новых подходов, методов средств обучения и воспитания и поиск этот будет теперь осуществляться в междисциплинарном поле.

Парадигма развития науки в конце XX века изменилась *от изучения того, как устроен мир, к тому, чтобы целенаправленно и оптимальным путем самим создавать какие-то его элементы*. Этот путь развития четко определен — наука достигла определенного уровня, и новейшие достижения нанотехнологий должны плавно и естественно перетекать в сферу производства, создавать новые продукты, формировать новые рынки и улучшать старые. Это процесс линейный, и на сегодняшний день можно сказать, что в России впервые после долгого перерыва создана для этого и необходимая инфраструктура, а главное — возникла идеология развития научного проекта [4].

Сегодня мы подошли к технологическим решениям, в основе которых лежат *базовые принципы живой природы*, — начинается новый этап развития, когда от технического, модельного копирования «устройства человека» на основе относительно простых неорганических материалов мы готовы перейти к воспроизведению *систем живой природы на основе нанобиотехнологий*.

Бесспорно, что самое сложное создание, уникальное во всех смыслах, — это человек: самосогласованная и единая система, в которой нет по отдельности ни физики, ни химии, ни биологии, ни математики.

В нас есть все эти компоненты, которые составляют замкнутую самоорганизованную систему, и, чтобы понять, мы должны оценивать ее целиком. Стремление человечества в развитии научно-технического прогресса — достичь в технологических приборах того совершенства, которое заложено в каждом из нас.

Для осуществления этих прорывных проектов необходимо использование основных фундаментальных знаний XXI века, к которым относят: общие законы развития эволюции и, в частности, эволюции науки; принцип комплементарности Н. Бора; нелинейное синергетическое мировоззрение, включающее фундаментальные понятия целостности мира, нелинейности, системной триадности, фрактальности как фундаментального свойства материи; понятие актуальной и потенциальной бесконечности, способность к мягкому математическому моделированию [5].

Все эти перечисленные фундаментальные знания XXI века уже нашли свое отражение в педагогической науке. Так, современный ракурс рассмотрения личности в педагогике обозначен как *историко-эволюционный подход* к пониманию личности.

В соответствии с *принципом дополнительности*, предложенным Н. Бором, для полного описания явлений необходимо применять два взаимоисключающих («дополнительных») набора классических понятий, совокупность которых даёт исчерпывающую информацию об этих явлениях как о целостных. Применение принципа дополнительности, привело к созданию концепции *дополнительности*, охватывающей не только физику, но и биологию, психологию, культурологию, гуманитарное знание в целом. Впервые понятие «дополнительности» было использовано американским психологом У. Джеймсом, который обозначал им *отношение взаимоисключения*.

Педагогическая синергетика уже заявляет о себе как полноправное направление педагогической науки. Системы образования, личность и другие педагогические категории рассматриваются как самоорганизующиеся, развивающиеся нелинейно, достигающие определенной точки развития — точки бифуркации, в которой происходит качественное изменение системы под действием определенного аттрактора. В качестве аттракторов выступают личностные смыслы. *Моделирование*, как мы уже говорили выше, один из самых популярных путей исследования в педагогике.

Таким образом, по мнению ученых, все указанные признаки фундаментального знания в педагогике налицо, что позволяет говорить о том, что педагогика меняется.

Эти изменения позволяют педагогике продвинуться в разрешении следующих противоречий:

- ◆ декларирование на государственном уровне нормативных документов, регламентирующих оптимальное функционирование образовательного пространства (государственный стандарт) и отсутствие конкретных реальных инструментов для их реализации на должном уровне;
- ◆ обеспечение высокой эрудированности личности в результате получения образования и высокий уровень узкопрофессиональной подготовки личности к дальнейшей деятельности;
- ◆ творческий подход к реализации образовательного процесса и необходимость формализации знаний о его организации с целью обеспечения возможности его дальнейшего воспроизведения другими педагогами;
- ◆ особенности личности педагога, личность которого сформировалась в обществе с другими системами измерений и точками отсчета, идущими в разрез с новыми требованиями времени, с иным мировоззрением, характерными для обучающегося; неготовность педагога к пересмотру собственных установок;
- ◆ выработка единых стандартов образования, необходимых для обеспечения эффективной работы учебных заведений, и действительная реализация индивидуализации обучения.

Обобщая вышесказанное, обозначим актуальные проблемы педагогики на современном этапе:

- ◆ непрерывность и протяженность во времени влияния, которое оказывает образование на человека;
- ◆ уровневость образования, зависящая от возрастных периодов развития человека, каждый из которых требует определенного педагогического сопровождения;
- ◆ полинаправленность педагогики (спортивная, музейная, театральная педагогика) в контексте ее участия в разработке НБИКС технологий;
- ◆ разработка парадигмальных типов и моделей обучения и воспитания, их динамика в зависимости от этапа развития социума;
- ◆ отбор оптимальных в конкретных условиях средств обучения и воспитания; разработка эффективных методик обучения и воспитания;
- ◆ обоснование ценностно-смысловых ориентаций педагогической деятельности и их зависимости от социально-экономических и политических условий жизнедеятельности социума;

- ◆ поиск путей интеграции с различными областями знаний в междисциплинарных исследованиях; поиск общенаучных методов, обладающих потенциалом в решении педагогических проблем;
- ◆ поиск оптимальных возможностей для педагогического сопровождения процесса взаимодействия личности и современного информационного поля.

По словам замечательного российского психолога и публициста А.Г. Асмолова: «Общенаучной системной

стратегии изучения человека в разных науках — социологии, истории, семиотике, этнографии, биологии развития и психологии — присуща тенденция перехода от моносистемного видения действительности к полисистемному знанию». Для формирования полисистемного знания необходимо вариативное образование с новыми методологическими ориентирами. Через вариативное образование проходит дорога от тоталитарной культуры полезности к культуре достоинства, поддерживающей индивидуальность человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степин В. С. Теоретическое знание. — М.: «Прогресс-Традиция», 2000. — 744 с.
2. Моисеев Н. Н. Человек во Вселенной и на Земле // Вопросы философии, 1990, № 6.
3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. / Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986.
4. Арсалиев, Ш.М–Х., Писаренко, В. И. Моделирование этнопедагогических технологий в контексте современной научной картины мира / Ш.М–Х. Арсалиев, В. И. Писаренко // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2015. № 1(85). С. 79–84.
5. Арсалиев, Ш.М–Х. Использование синергетических принципов в этнопедагогике / Ш.М–Х. Арсалиев / В сборнике: Вопросы педагогики и психологии: теория и практика. Сб. мат-лов межд. научной конференции. Киров, 2014. С. 8–15.
6. Арсалиев, Ш.М–Х., Писаренко, В. И. Эволюционный и генетический подходы в теории этнопедагогике / Ш.М–Х. Арсалиев, В. И. Писаренко // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2013. № 3 (20). С. 85–92.

© Писаренко Вероника Игоревна (vero19671993@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ ШКОЛ СЕВЕРА, ФОРМИРУЮЩИЕ ГРАЖДАНСКУЮ, РЕГИОНАЛЬНУЮ И ЭТНИЧЕСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТИ

TEACHING AIDS FOR SCHOOLS IN THE NORTH, FORMING CIVIL, REGIONAL AND ETHNIC IDENTITIES

G. Fedorov

Summary. The article aims at solving methodological problems associated with the development and implementation of the content components of the main educational program in the format of textbooks on the subject "The World" in primary school directed at the complex formation of civil, regional and ethnic identities among children of the North and the Arctic.

To implement the developed educational tasks in practice, the author applied the methods of scientific and practical research: a review of scientific sources on the problem of research, approbation of textbooks.

The study proved that the content and methodology of the developed textbooks on the subject "The World" for the elementary schools of the North and the Arctic promotes the development of certain practical results of activities on the formation of civil, regional and ethnic identity for the sustainable development of the region.

Keywords: Textbooks, the world around us, elementary school children, a school of the North and the Arctic, civil, regional and ethnic identity.

Федоров Гавриил Михайлович

К.п.н., в.н.с., ФГБНУ "Научно-исследовательский институт национальных школ Республики Саха (Якутия)"
gav.fedorov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена решению методических проблем, связанных с разработкой и реализацией компонентов содержания основной образовательной программы в формате учебных пособий по предмету "Окружающий мир" в начальной школе, направленных на комплексное формирование гражданской, региональной и этнической идентичностей у детей Севера и Арктики.

Для реализации на практике разработанных учебных задач, автором применены методы научного и практического исследования: обзор научных источников по проблеме исследование, апробация учебных пособий.

В исследовании доказано, что содержание и методология разработанных учебных пособий по предмету "Окружающий мир" для начальных школ Севера и Арктики содействует развитию определенных практических результатов деятельности по формированию гражданской, региональной и этнической идентичности в целях устойчивого развития региона.

Ключевые слова: Учебные пособия, окружающий мир, младший школьник, школа Севера и Арктики, гражданская, региональная и этническая идентичность.

В условиях реализации федерального государственного образовательного стандарта, ориентированной на открытие возможностей духовно-нравственных поступков, действий, формирование гражданской, региональной и этнической идентичности, познания окружающего мира обучающимися, социальной востребованности, добровольного или активного включения обучающихся в решение проблем более взрослого сообщества, обращение к личности приобретает особое звучание и значимость.

Особенно актуальны эти проблемы в начальной школе, когда у детей младшего школьного возраста закладываются основы духовного и нравственного воспитания и формирования культуры межнациональных отношений.

В Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования формирование гражданской, региональной и этнической идентичности выделены в качестве приоритетного

направления воспитания, обучения и определены в Примерной основной образовательной программе образовательного учреждения [10] и Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [2].

Осуществление данного процесса в практической деятельности требует *обращения к основным категориям исследования:* идентичность, гражданская, региональная и этническая идентичность, учебная деятельность, обучающиеся в нашем случае, младший школьник, предмет окружающий мир и образование на Севере.

Идентичность в разных аспектах деятельности как философская и психологическая категория, как категория социального и междисциплинарного знания определяются по-разному.

В ряду различных научных подходов к определению понятия "идентичность" особого внимания заслуживают таковые определения:

1. (французский социолог А. Турен) идентичность — это осознанное самоопределение социального субъекта [15];
2. (В.А. Тишков) идентичность — это ощущение принадлежности, связи человека с общностью, с народом, страной, коллективом, национальностью или культурой, традицией и идеологией [12]. В контексте данного исследования это определение представляется более приемлемым, поскольку в определении идентичности рассматриваются осознанное самоопределение личности и взаимодействие гражданской, региональной и этнической идентичности, дополняющие и обогащающие друг друга новым содержанием и могут реализоваться на практике разработкой учебно-методических пособий для обучающихся школ Севера и Арктики.

В научных работах Моисеева Н.Е. [9, С. 38–43], Фофановой М.И., Симоновой Г.И. [13, С. 215–217], Самсоновой Е.К. [11, С. 171–173], Карахановой Г.А., Оруджалиевой Е.Е., Панаховой А.А. [5, С. 54–57] исследованы различные аспекты деятельности, направленной на формирование гражданской идентичности младших школьников.

Характерные особенности по формированию гражданской идентичности при изучении блока «Человек и общество» в курсе «Окружающий мир» в работе Белянковой Н.М. [1], позволяют наметить некоторые пути развития начального образования в контексте нашего исследования.

Несомненный интерес представляют научные работы Лайпановой И.Б. [8], Кужугета А.Х. [7] в аспектах исследования этнической идентичности младшего школьника в процессе обучения; а также диссертационное исследование Кипкеевой З.С. [6.] по формированию этнической идентичности у младших школьников в условиях мультикультурной образовательной среды.

Несомненно, важное место в воспитании, обучении и социализации детей, в особенности младшего школьного возраста, является региональная идентичность, «учитывая административно-территориальное деление Российской Федерации по принципу территорий и регионов, складывающееся из учёта местной специфики, требующей умения строить отношения в условиях поликультурного пространства и соответствующих социально-экономических условий» [3].

Таким образом, комплексное изучение и анализ научных источников стали основой исследования, разработки учебных пособий, направленных на комплексное формирование гражданской, региональной и этнической идентичности. Это позволило усовершенствовать

содержание обучения и отказаться от понимания образования как получения готового знания; и включить ребенка в самостоятельный, поисково-исследовательский и практический способ познания окружающего мира. А это влечет за собой и пересмотр всех компонентов методической системы обучения, воспитания и развития младших школьников: целей, мотивов, методов, средств и действий учебной деятельности. Этот процесс обусловлен настоятельной необходимостью решения таких задач как регионализация школьного обучения, формирующих первоначальные фундаменты гражданской, региональной и этнической идентичности.

Целью исследования явилось проектирование компонентов содержания основной образовательной программы в формате учебных пособий, направленных на комплексное формирование гражданской, региональной и этнической идентичности по предмету «Окружающий мир» для 1–4 классов школ Севера и Арктики.

Для этой цели разработаны учебные пособия по предмету «Окружающий мир», формирующие гражданские, региональные и этнические идентичности для школ Севера и Арктики. Разработанные учебные пособие отличаются тем, что «в силу своей самобытности вбирает в себя ценности, утрачиваемые со временем, но так необходимые современному человеку, а именно: бережное отношение к природе, умение выживать в экстремальных северных и арктических условиях, сохранение традиционного образа жизни, народных традиций» [4. С. 319–321].

Содержание учебного пособия отражает реальную картину Севера и Арктики: уникальность климата, ландшафта, почвы (вечной мерзлоты), природы (флоры и фауны), уклада жизни, традиционной хозяйственной деятельности с целью формирование у обучающихся младшего класса гражданской (гражданственность, толерантность, патриотизм), региональной (малая родина, территория), этнической (ценности, история, традиции, обычаи, фольклор и родной язык) идентичности.

Автором статьи были применены *методы* научного и практического исследования: изучение научной литературы по проблемам разработки учебных пособий, формирующие гражданскую, региональную и этническую идентичности. Были разработаны и апробированы учебные пособия, формирующие гражданскую, региональную и этническую идентичность, с учетом своеобразие и самобытности социо-природной среды родного края и целостного взгляда на ближайший окружающий мир и место в этом мире себя.

На основании цели исследования разработаны учебные пособия, «Я и мой окружающий мир Севера и Ар-

тики" для 1 класса, "Обитатели Арктики" для 2 класса, "Животные и птицы тундры" 3 класса и "Растения тундры" для 4 класса формирующие гражданскую, региональную и этническую идентичность для начальных школ Севера и Арктики.

Методика обучения направлена на деятельность младшего школьника на его самостоятельную поисково-исследовательскую, практическую деятельность, на добывание новых знаний и умений в процессе использования учебного пособия.

Представленные учебные пособия сконструированы на научно-теоретических положениях теории развивающего обучения (Выготского Л.С., Леонтьева А.Н., Элькина Д.Б., Давыдова В.В., Гальперина П.Я.), Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ его третьего этапа (2016–2025 гг.), концептуальных подходах диссертационного исследования автора статьи, учитывающие особенности региональной идентичности. Кроме того, базируются на научно-методологических подходах региональных учебно-методических комплектов по предмету "Окружающий мир" для национальных школ саха и кочевых общеобразовательных школ, разработанные автором и изданные Министерством образования Республики Саха (Якутия).

Содержание учебных пособий наполнены региональными социальными и природными особенностями разумного отношения природы, общества и человека.

Учебные пособия для начальных школ Севера и Арктики применяются на уроках при изучении предмета "Окружающий мир" в выборе разных образовательных систем учителем. Они созданы с целью расширения и углубления основных тем и разделов базового содержания предмета "Окружающий мир", единства и гармонии "природы — человека — общества" приводящей к формированию гражданской, региональной и этнической идентичности, направленной становлению личности, небезразличной к судьбе своей малой родины и страны в целом.

Опытно-экспериментальная работа проводилось в три этапа в 1–4 классах.

В 2014–2015 учебном году проведен первый этап и в соответствии с темой исследования изучались соответствующие литературы.

В 2015–2016 учебном году осуществлялся констатирующий этап исследования. Целью этапа было выявление уровня сформированности формировать гражданские, региональные и этнические идентичности

у младших школьников. На этом этапе исследование, проверялась доступность рекомендуемой методики для учителей и учащихся школ Севера и Арктики: проведены семинары, консультации, индивидуальные беседы учителями по подготовки и осуществления третьего формирующего и контрольного этапа педагогического исследования.

В 2016–2017 учебном году проведен формирующий и контрольный этап исследования. Целью этапа исследования определение эффективности использования учебных пособий, направленных на комплексное формирование гражданской, региональной и этнической идентичности.

В ходе опытно-экспериментальной работы проверялись корректность содержание и реализации принципов конструирования новых учебных пособий по предмету "Окружающий мир" для школ Севера и Арктики.

На контрольном этапе проверялась сформированность гражданской, региональной и этнической идентичности у младших школьников.

Оценивалась достоверность полученных результатов по освоению учебных пособий по предмету "Окружающий мир" с целью формирование гражданственности, толерантности, патриотизма, ценности к истории, традициям и обычаям своего народа и других народов, к родной земле, растениям и животным своего края, малой родины, страны, Родины. Были также обобщены и систематизированы результаты исследования.

Опытно-экспериментальное исследование проводилось в три этапа в 1–4 классах. На констатирующем, формирующем (обучающем) и контрольном этапах были охвачены 147 учащихся.

На первом этапе констатирующего эксперимента мы посетили более 97 уроков образовательного компонента "Окружающий мир" несколько раз в 7 северных и арктических отдаленных от центра школах республики. Нашей целью при посещении уроков было целенаправленное педагогическое наблюдение за тем, как осуществляется работа по формированию у младших школьников гражданской, региональной, этнической идентичности в процессе изучения предмета "Окружающий мир".

Посещение уроков позволило выяснить, что большая часть учителей используют материалы, формирующие гражданские, региональные и этнические идентичности в процессе изучения предмета "Окружающий мир"; но, к сожалению, эта работа идет бессистемно, у педагогов нет четкой программы работы по реализации данной цели.

Таблица 1. Результаты анализа констатирующего этапа (начальный срез) уровень сформированности гражданской, региональной и этнической идентичности у младших школьников

Класс	Общее колич. учащихся	Уровни					
		Низкий	Колич. учащихся	Средний	Колич. учащихся	Высокий	Количество учащихся
II	48	14,5	7	64,5	31	20	10
III	49	10,2	5	57,1	28	32,7	16
IV	50	-	-	38	19	62	31
Итого	147	8,2	12	53	78,6	38,8	57

На констатирующем этапе были использованы учебные пособия, направленные на комплексное формирование гражданской, региональной и этнической идентичности.

На основе проведенного констатирующего эксперимента можно сделать следующие *выводы*:

- ◆ большинство учащихся имеют низкий уровень сформированности гражданской, региональной и этнической идентичности, т.к. не знают, что означает понятия гражданственность, толерантность, патриотизм, малая родина, территория, история, традиции, обычаи, фольклор;
- ◆ формирование гражданской, региональной и этнической идентичности в учебной деятельности в начальной школе со стороны учителей осуществляется фрагментарно и бессистемно.

Следовательно, для того чтобы у младших школьников формировались первоначальные основы гражданской, региональной и этнической идентичности, необходим новый инструментарий. Для этого автором статьи проведен начальный срез уровня сформированности гражданской, региональной и этнической идентичности у младших школьников с использованием учебных пособий “Я и мой окружающий мир Север и Арктика” для 1 класса, “Обитатели Арктики” для 2 класса, “Животные и птицы тундры” 3 класса и “Растения тундры” для 4 класса начальных школ Севера и Арктики (Таблица 1).

На констатирующем и формирующем этапе нашего исследования в качестве средства проверки уровня сформированности гражданской, региональной и этнической идентичности у младших школьников определены следующие критерии:

1. не знают, что означают гражданственность, толерантность, патриотизм, малая родина, территория, история, традиции, обычаи, фольклор;
2. изучают что означают гражданственность, толерантность, патриотизм, малая родина, территория, история, традиции, обычаи, фольклор под направляющей деятельностью учителя;

3. познают что означают гражданственность, толерантность, патриотизм, малая родина, территория, история, традиции, обычаи, фольклор в процессе самостоятельной деятельности.

Выделение критериев позволяет оценить достигнутый уровень сформированности умений по решению учебных задач, формирующих гражданскую, региональную и этническую идентичность у младших школьников:

I уровень характеризуется умением обучающихся изучать что такое понятия гражданственность, толерантность, патриотизм, малая родина, территория, история, традиции, обычаи, фольклор с использованием учебных пособий под направляющей деятельностью учителя.

II уровню соответствуют обучающиеся умеющие познавать что такое гражданственность, толерантность, патриотизм, малая родина, территория, история, традиции, обычаи, фольклор с использованием учебных пособий под координирующей деятельностью учителя. Они проводят исследовательскую, практическую и проектную работы и познают новое.

На III уровне обучающиеся самостоятельно познают, что такое гражданственность, толерантность, патриотизм, малая родина, территория, история, традиции, обычаи, фольклор с использованием учебных пособий. Обучающиеся в условиях исследовательской, практической и проектной работы открывают новое и неизвестное.

Результаты диагностирующего среза показали, что формирование гражданской, региональной и этнической идентичности в процессе изучения предмета “Окружающий мир” на констатирующем этапе большинство учащихся имеют низкий уровень. Большинство обучающихся не знают, что означает понятия гражданственность, толерантность, патриотизм, малая родина, территория, история, традиции, обычаи, фольклор. Некоторая часть обучающихся имеет средний уровень, с использованием учебных пособий под направляющей деятельностью учителя изучили что означают понятия

гражданственность, толерантность, патриотизм, малая родина, территория, история, традиции, обычаи, фольклор.

Таким образом, на основе проведенного диагностирующего эксперимента можно сделать следующий вывод: большинство учащихся имели низкий уровень сформированности гражданской, региональной и этнической идентичности у младших школьников. Следовательно, для организации полноценной самостоятельной деятельности нужна дополнительная работа по формированию гражданской, региональной и этнической идентичности.

Анализ научной литературы и данные проведенного констатирующего этапа позволили разработать содержание и методику формирующего этапа.

На обучающем этапе были использованы учебные пособия «Я и мой окружающий мир Север и Арктика» для 1 класса, «Обитатели Арктики» для 2 класса, «Животные и птицы тундры» 3 класса и «Растения тундры» для 4 класса начальных школ Севера и Арктики, направленные на комплексное формирование гражданской, региональной и этнической идентичности.

Целью формирующего (обучающего) этапа явилась подготовка условий к внедрению учебных пособий по предмету «Окружающий мир» для начальных школ Севера и Арктики.

На обучающем этапе важно научить младших школьников любить Родину, малую родину, природу родного края, его обитателей, труд своих родителей, сородичей, истории, традиции, обычаи своего народа.

Особое место на этом этапе занимает формирование гражданской, региональной и этнической идентичности посредством выполнения исследовательской, проектной и практической работы. При этом объекты изучения — живая и неживая природа, явления и процессы в окружающей среде, труд людей изучаются при комплексном исследовании ближайшего социального и природного окружения. В этом деле главным является работа в сотрудничестве — учителя и учащихся — использование на уроках учебных заданий, направленных на комплексное формирование гражданской, региональной и этнической идентичности.

На формирующем этапе в первом и во втором классе под координирующей деятельностью учителя, обучающиеся изучали что такое гражданственность, толерантность, патриотизм, малая родина, история, традиции, обычаи и фольклор. В 3–4 классе обучающиеся самостоятельно познают, что такое гражданственность, то-

лерантность, патриотизм, малая родина, территория, история, традиции, обычаи, фольклор с использованием учебных пособий. Обучающиеся в условиях исследовательской, практической и проектной работы открывают новое и неизвестное.

На обучающем этапе раскрыта методика использования учебных пособий, реализующих формирование гражданской, региональной и этнической идентичности в образовательный процесс.

Одним из важных инструментов как для учащихся, так и для учителя являются учебные пособия, формирующие гражданскую, региональную и этнические идентичности и обеспечивающие организацию процесса познания окружающей среды младшими школьниками. Структура учебных пособий направлена на деятельность обучающихся, так и на деятельность учителя. Поэтому по каждой теме урока представлены этапы урока в виде вопросов: Что знаю? — создание мотивации, Чего не знаю? — постановка учебной задачи, Как могу узнать? — поиск и нахождение способов действий для решения поставленной учебной задачи, т.е. открытие нового и неизвестного, Что узнал нового? — усвоение новых знаний и умений, Что делал? Как делал? коррекция собственной деятельности [14].

Формирующий этап подтверждает, что усиление содержательной линии в сторону формирования гражданской, региональной и этнической идентичности в процессе использования учебных задач на уроках позволило обучающимся добывать нужные сведения, факты из текста учебника, определять причины происходящих явлений и процессов ближайшего окружения, делать выводы на основе сравнение, сопоставление, анализа и обобщения.

В связи с этим, чтобы выявить эффективность использованной методики, нами был проведен контрольный этап. На контрольном этапе проверялась сформированность гражданской, региональной и этнической идентичности. Для этого с обучающимися 2–4 классов были проведены итоговые срезы с применением учебных заданий формирующих гражданские, региональные и этнические идентичности. Оценивалась достоверность и эффективность полученных результатов на констатирующем и формирующем этапах исследования, обобщались и систематизировались их результаты.

Как показывает результаты апробации, использование учебных заданий формирующие гражданские, региональные и этнические идентичности создают условия для развития у младших школьников способности креативно мыслить, самостоятельно действовать и никогда не загонять обучающихся в рамки.

Таблица 2. Результаты анализа контрольного этапа уровня сформированности гражданской, региональной и этнической идентичности у младших школьников

Класс	Общее колич. учащихся	Уровни					
		Низкий	Колич. учащихся	Средний	Колич. учащихся	Высокий	Колич. учащихся
II	483	6,41	31	16,97	82	76,62	370
III	491	3,27	16	16,49	81	80,24	394
IV	503	-	-	19,28	97	80,71	406
Итого	1477	3,18	47	17,60	260	79,21	1170

Итог контрольного этапа исследования, проводимого автором, показывает, что самостоятельная деятельность позволяет формировать у младших школьников новые умения: любить свою родной край, бережно и ответственно относиться к природе, правильно действовать по защите родной земли, добывать нужные информации из учебного пособия, различать, сравнить, сопоставить, выявить причины процессов и явлений, происходящих в ближайшем окружении. Это позволило формированию первоначальных основ гражданской региональной и этнической идентичности (Таблица 2).

Контрольный этап подтвердил, что использование на уроках учебных пособий, формирующий гражданские, региональные и этнические идентичности повышает уровень развития самореализации обучающихся.

В исследовании экспериментально проверены учебные пособия, направленные формирующие гражданскую, региональную и этническую идентичности, отражающие уникальность социальной и природной среды Севера и Арктики.

Как подтвердили результаты констатирующего эксперимента, для организации самостоятельной деятельности обучающихся необходимо применять учебные

пособия, направленные на формирование гражданской, региональной и этнической идентичности.

Контрольный этап доказал, что применение данных учебных пособий на уроках способствовало помощи обучающимся значительно обогатить свою деятельность и овладеть метапредметными результатами, такими как: умение высказать собственные мнения, добывать нужную информацию из текста учебного пособия и другие.

Результаты формирующего и контрольного этапов доказывают, что младшие школьники наравне с учителем принимают участие в познании окружающей среды посредством использования учебных пособий, формирующих гражданскую, региональную и этническую идентичность. Тем самым это приводит учителя к нужному результату — строить обучение на более качественном и успешном уровне.

Разработка и реализация учебных пособий по предмету “Окружающий мир” для школ Севера и Арктики, формирующих гражданскую, региональную и этническую идентичность, позволяет сделать вывод о его позитивных результатах, его реализации в области окружающей среды,— и рассматривать ее как один из ведущих вариантов в условиях многонационального пространства Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянкова Н. М. Проблемное изучение блока «Человек и общество» в курсе «Окружающий мир»: формирование гражданской идентичности у младших школьников / Н. М. Белянкова // Начальная школа. — 2013. — № 9. — С. 56–61. — ISSN0027–7371.
2. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2010. 23 с.
3. Зеленецкая Т. И. Формирование региональной идентичности в образовательном пространстве (Социологический анализ): Дис. канд. социол. наук: 22.00.06, Екатеринбург, 2005. 170 с. РГБ ОД, 61:06–22/118
4. Иващенко А. П., Шаповал Г. Н. Проблема этнической идентичности в свете гуманизации педпроцесса в медицинском вузе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XLI–XLII междунар. науч.-практ. конф. — № 9–10 (40). — Новосибирск: СибАК, 2014. — С. 319–321
5. Караханова Г. А., Оруджалиева Е. Е., Панахова А. А. Аксиологический подход в формировании основ гражданской идентичности у младших школьников // Известия Дагестанского государственного педагогического университета, Психолого-педагогические науки. — 2012. — № 3 (20). — С. 54–57.

6. Кипкеева З. С. Формирование этнической идентичности у младших школьников в мультикультурной образовательной среде: автореферат дис. кандидата педагогических наук: 13.00.01 / З. С. Кипкеева. — Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова, 2012. — 22 с.
7. Кужугет А. Х. Исследование этнической идентичности младших школьников // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. XLVI междунар. студ. науч.-практ. конф. — Новосибирск: СибАК, 2016. — № 9(46). — С. 54–59. ISSN2310–2764. URL: [https://sibac.info/archive/guman/9\(46\).pdf](https://sibac.info/archive/guman/9(46).pdf) (дата обращения: 19.06.2018)
8. Лайпанова И. Б. Становление этнической идентичности младшего школьника в процессе обучения: Дис. канд. пед. наук: 13.00.01: Карачаевск, 2002~<188 с. РГБ ОД, 61:03–13/732–4
9. Моисеев Н. Е. Гражданская идентичность младших школьников // Материалы Регионального научно-практического семинара «Психологические основы формирования универсальных учебных действий». — Комсомольск-на-Амуре: АмГПГУ, 2016. — С. 38–43. Дата публикации сборника на сайте: 26.01.2017
10. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Начальная школа. / сост. Е. С. Савинов. — М.: Просвещение, 2011. — 204 с. — (стандарты второго поколения). — ISBN978–5–09–024002–4
11. Самсонова Е. К. Формирование гражданской идентичности младших школьников в условиях реализации стандартов нового поколения // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. — 2013. — № 4. — С. 171–173.
12. Тишков В. В. Старые и новые идентичности [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://valerytishkov.ru>
13. Фофанова М. И., Симонова Г. И. Формирование гражданской идентичности младших школьников // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — Т. 28. — С. 215–217. [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/56521.htm>.
14. Федоров Г. М. Модульные курсы в школах Севера в интересах устойчивого развития / Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 5. DOI 10.17513/spno.128–23010
15. Touraine A. Production de la societe. / Pour la sociologie. // Année. — 1974. — № 33–34. — PP. 250–251. Editions du Seuil, 1973. 360 p.

© Федоров Гавриил Михайлович (gav.fedorov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Республика Саха, Якутия

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕТОДОЛОГИИ НЕПРЕРЫВНОГО АЭРОНАВИГАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

THE THEORETICAL BASIS OF THE METHODOLOGY OF CONTINUOUS NAVIGATION FORMATION

A. Shavlov
A. Bulanov
V. Rozgon
S. Khokhotva
A. Altukhov

Summary. The article deals with the sequence of obtaining knowledge and continuity of education in the field of air traffic control and development of disciplines of air navigation. In addition, the article discusses the pedagogical categories and stages of training, the elements of the learning procedure. The analysis of students' knowledge on the basis of integrative links is carried out and the methodology of propaedeutics development in the system of continuous air navigation education is investigated. The sublevels and levels of propaedeutics, their basic principles, goals and content are given. Considered structural components and pagestructure methodical analysis of propedeutics of aeronautical education. Continuity of learning is a process that means action and involves change. The acquired experience constantly changes us as it is a kind of feedback loop that makes students more experienced and perfect.

Keywords: Propaedeutics, continuity of education, levels of propaedeutics, aeronautical education, media space, transit determinant

Шавлов Алексей Валерьевич

К.т.н., профессор, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Челябинске, г. Челябинск, Россия
shavlov69@mail.ru

Буланов Александр Валерьевич

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Челябинске, г. Челябинск, Россия
alexandr260578@mail.ru

Розгон Владимир Александрович

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Челябинске, г. Челябинск, Россия
zabar_1985@list.ru

Хохотва Сергей Васильевич

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Челябинске, г. Челябинск, Россия
hoha444@mail.ru

Алтухов Александр Сергеевич

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Челябинске, г. Челябинск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается последовательность получения знаний и непрерывности образования в области управления воздушным движением и освоения дисциплин воздушной навигации. Кроме того, в статье рассматриваются педагогические категории и ступени обучения, элементы процедуры обучения. Проведен анализ знаний обучающихся на основе интегративных связей и исследована методология развития пропедевтики в системе непрерывного аэронавигационного образования. Приведены подуровни и уровни пропедевтики, их основные принципы, цели и содержание. Рассмотрены структурные и подструктурные компоненты методического анализа пропедевтики аэронавигационного образования. Непрерывность обучения — это процесс, который означает действие и предполагает изменение. Приобретенный опыт постоянно меняет нас так как это является своеобразной петлей обратной связи, которая делает обучающихся опытнее и совершенней.

Ключевые слова: Непрерывность образования, уровни пропедевтики, аэронавигационное образование, медийное пространство, транзитная детерминанта.

Сущность процесса непрерывного обучения заключается в непрерывной, систематической подготовке специалистов для успешного выполнения профессиональных задач управления воздушным движением. Поэтому овладение мастерством в профессии, требует непрерывности совершенствования знаний, навыков и умений, которые предусматривают осуществление преемственных связей между отдельными ступенями непрерывной образовательной системы.

Исследуя процесс обучения специалистов управления воздушным движением станет понятно, что для решения проблем целостного образования необходимо выявлять его закономерности и принципы, обосновывать условия успешного использования различных форм, методов, приемов и средств подготовки специалиста аэронавигации. Несомненно, изучение состояния непрерывности аэронавигационного образования позволяет судить что отдельные ступени, осуществляемые в учреждениях общеобразовательного и профессионального слабо связаны между собой. Специалистом в аэронавигационной области является тот, кто успешно справляется с решением задач, которые в этой области ставит жизнь. Конечно, чтобы успешно справляться с решением выдвигаемых жизненных практических задач, специалист должен обладать солидными знаниями. Знания — необходимое условие этого. Необходимое, но не достаточное условие. Знания должны реализовываться на практике, чтобы становиться частицей опыта. А для этого необходимо всю свою практическую сторону аэронавигационной деятельности непрерывно повышать уровень знаний и реализовывать их на практике. Вместе с тем в исследованиях Еприкяна Д. О. подчеркивается, что для успешного выполнения педагогических функций педагогу самому необходимо владеть комплексом психолого-педагогических, отраслевых знаний и умений для организации учебной деятельности [1]. Исследователи Калеева З.Н., Краева Н.А., Чернов В.А. отмечают, что обучающиеся рассматриваются в учебном процессе как личность и как субъект деятельности который может продвигаться к вершине своего развития в том случае если он обладает склонностью к труду, которая создает прочную основу для сохранения положительно направленной тенденции в обучении и активности личности [3].

Непрерывность образования аэронавигационного образования специалиста управляющего воздушным движением, содержит конкретную связующую нить подобной педагогической категории обучения, как «непрерывность обучения. Непрерывность образования под воздействием всевозможных причин можно объединять по разным основаниям: транзитному, медийному-информационному, последовательному, гуманитарному, методологическому, интегративному, процессуальному. В исследованиях Максимовой Е.В. ключевым моментом

является степень выражения теоретико-прикладной подготовленности к деятельности на уровне функциональной грамотности посредством использования у человека знаний и опыта [4].

Рассмотрим транзитную детерминанту которая обусловлена зависимостью внутреннего единства ступени обучения (курс географии — курс физики и математики основной школы, астрономии, алгебры, геометрии и географии профильной общеобразовательной школы; — курс теоретической физики и высшей математики вуза; курс топографии; курс картографии — курс теоретических специальных дисциплин аэронавигации; — курс теории и методики управления авиацией дополнительного профессионального образования; — курс магистратуры военной -воздушной академии подготовки по направлению аэронавигации и управления воздушным движением; — курс адъюнктуры по направлению научной специальности навигация и управление воздушным движением). Медийный — информационный момент взаимообусловлен структурированием программы учебного материала, согласованностью системных элементов осмысления: событий, концепций, законов, учений, физической, естественнонаучной общенаучной картины мира, которые позволяют понять идею предмета воздушной навигации и других дисциплин связанных с изучением основ изучения навигации воздушных судов и аэронавигационного обеспечения в целом.

Каузальность последовательного основания определяет «причинно-следственные, индуктивные, дедуктивные, аналитические и синтетические связи. Методологическая оценка непрерывности аэронавигационного образования показывает связи между способами учебного и научного познания, мировоззрением и методами психологического исследования. Системный аспект ограничен внутри предметными и междисциплинарными связями. Процессуальный детерминант определяет соотношение элементов процедуры обучения (методов, форм, средств). Зависимость гуманитарного аспекта пропедевтики определяется важным характером прогресса естественно — научного знания, сменой моделей образования, теоретической природой учебного познания, единством методов исследования». Каждая просветительская ступень имеет свой временной промежуток, поэтому пропедевтика как сопряженная составляющая имеет временную характеристику. Временная характеристика является кульминационным этапом и определяет уровневую конструкцию. Каждому уровню соответствуют некоторые миссии и дидактические задачи обучения. Рассматривая первый уровень пропедевтики необходимо отметить. Что он является подготовительным. Этот уровень осуществляется в школе. Для этого в курс необходимо включить опережающий курс физики, математики и географии целью которого должна являться подго-

товка базовых знаний. Кроме, того для связи основной и старшей профильной школы целесообразно включить избирательный курс, отвечающий требованиям подготовки будущего специалиста аэронавигации в задачу которого, входит подготовка учащихся к выбору профиля обучения в старшей школе. Несомненно, на данном этапе должна вестись дополнительно профессиональная ориентация учащихся выбора ими будущей профессии.

Первый уровень непрерывного образования является подготовительным в этот период изучаются общие теории, естественно-научных дисциплин, связывает определенные ступени обучения. Второй уровень непрерывного образования объединяет основную и специализированную профильную школу. Подготовку данного уровня осуществляют в настоящее время профильные кадетские школы с первоначальной летной подготовкой. Необходимо отметить, что в основной школе дидактической единицей обучения служат понятия (явления), а в старшей специализированной профильной школе — фундаментальные теории. При переходе в специализированную профильную школу изменяются элементы процесса обучения. Целью непрерывного образования второго уровня является формирование у обучающихся новой, более высокой степени учебного познания, относящаяся к более сложным нестандартным типам и видам деятельности, а также приемам и методам образования в системе избирательных курсов предпрофильной подготовки.

Третий уровень непрерывного образования — методологический («школа — вуз», «вуз — вуз») — активизирует познавательную деятельность, представляет собой диалектический процесс, состоящий из осознания познавательной задачи, восприятия учебного материала, его осмысления, запоминания и применения знаний в учебных и практических целях, организует их обобщение, устойчивость и взаимоинтеграцию.

Данный уровень непрерывного образования охватывает небольшое количество подуровней. На первом подуровне планируется проведение интеграции связей между дисциплинами специального цикла (топография, авиационная картография, воздушная навигация), и дисциплинами естественного цикла.

Этот подуровень реализуется с помощью учебных занятий и самостоятельного изучения дисциплин обучающимися. Миссией непрерывного образования на данной стадии обучения является фундаментальный, ценностный и системный анализ не только всех разделов курса естественно — научных дисциплин, но и творческого подхода в изучении и овладения специальностью. Второй подуровень непрерывного образования учитывает связь определенных разделов курса физики, математики,

геометрии и общего курса географии с дисциплинами, изучаемыми вопросы навигации и топогеодезического обеспечения [7]. Таких вводных курсов может быть несколько: например «Введение в топографию и авиационную картографию», «Введение в воздушную навигацию», «Введение в теорию управления воздушным транспортом». Эти курсы являются вводными и с них начинается изучение разделов курса аэронавигации. В задачу выше-названных курсов входит группирование и обобщение знаний обучающихся на основе интегративных связей, методологический анализ структуры и содержания физической картины мира, фундаментальных теорий естественно — научного цикла. Вводный курс «Введение в аэронавигацию» связывает два этапа непрерывного образования — «специализированная школа — вуз».

Третий подуровень предполагает установление связей между дисциплинами естественно — научного, естественно — технического цикла. Этот вводный курс «Аэронавигационного образования» связывает две ступени непрерывного образования «вуз — вуз». В задачу этого курса входит осуществление интегративных связей между курсами естественно — научных дисциплин закладываемыми фундаментальные основы знаний и дисциплинами высшей школы вуза.

Четвертый уровень непрерывного образования — профессиональный («высшая школа-вуз»), направляющий познавательную деятельность обучающихся и позволяющий осмысливать учебный материал, мысленно раскладывая его на составные части, выделять в нем главное. Устанавливать причинно-следственные связи и отношения, затем соединять воедино и включать в систему уже имеющихся знаний. Цели этого уровня непрерывного образования можно реализовать с помощью вводного курса «Введение в профессию». Данный уровень включает в себя несколько подуровней интегрируя их в ходе подготовки обучающихся в вузе. Он реализуется через объединительный спецкурс «Теории и методики управления авиацией». Ряд теорий физической, естественнонаучной, общенаучной картины мира, являющихся интегративными, широко используется для объяснения сути различных явлений и процессов. В связи с этим эрудированность и способность научного познания является в высшей степени важным для понимания главного в происходящих процессах окружающего нас мира. Научное исследование такой дидактической категории, как «непрерывность аэронавигационного образования», позволило выделить его структурные элементы. Первый структурный элемент исследует процесс обучения специалистов аэронавигации в котором дидактика выявляет его закономерности и принципы, обосновывает условия успешного использования различных форм, методов, приемов и средств в подготовке высококвалифицированных специалистов.

Второй структурный компонент дидактической категории «аэронавигационного образования» составляют принципы и логика, объясняющие его сущность. Перечислим первоочередные принципы, при выполнении которых можно объяснить суть понятия «пропедевтика аэронавигационного образования»: 1) устойчивость и интеграция; 2) системность 3) преемственность; 4) индивидуализация; 5) персонализация. Такого рода противоречивая категория, как «интубация аэронавигационного образования», может быть раскрыта через структуру логических связей: причинно-следственных, функционально-развивающихся, управленческих, прямых и обратных, жестких и статических, вероятностных и корреляционных.

Исследуя суть понятия непрерывности аэронавигационного образования следует обратить внимание на высказывание Чернова В. А. что главной задачей аэронавигационного обучения является коррекция хода обучения и познавательной деятельности обучающихся [6].

Вместе с тем, необходимо учитывать интересный опыт исследований, проводимый группой педагогов Корнеевой Н. Ю., Корнеевым Д. Н., Лоскутовым А. А., Увариной Н. В. которые отмечают, что при самоопределении и самореализации в ходе обучения целесообразно учитывать особенности субъекта образования и с учетом этого определять пропедевтический план индивидуального образовательного маршрута [2].

Таким образом три понятия — «непрерывность», «преемственность» и «пропедевтика» — связаны между собой отношениями существующего и должного. Непрерывность образования — это единая формирующаяся система, состоящая из логически объединенных единым образовательным замыслом, состоящим из ступеней последовательного развития. Идея этого заключается в сохранении некоторых элементов целого как системы.

Непрерывность, преемственность и персонализация составляют основу проектирования модели многоуровневой подготовки специалиста, включающей информационный научный, профессиональный и целостный уровни. Непрерывности образования классифицируют по разным основаниям: транзитному, медийному-информационному, последовательному, гуманитарному, методологическому, интегративному, процессуальному

признаку. В структуре пропедевтики выделяют уровни: подготовительный, методологический, профессиональный. Каждый уровень включает систему подуровней. Методологический анализ непрерывности аэронавигационного образования позволил выделить структурные (основание, ядро, следствие) и подструктурные компоненты (объект, понятийный аппарат, принципы, закономерности, вводный курс, технологию реализации, средства диагностики, источники информации) этого сложного понятия.

Современная эпоха, характеризующаяся переходом к информационному обществу, объективно потребовала принципиально новых методов с установкой на формирование творческой, непрерывно развивающейся личности. Если в прошлые эпохи профессиональная необходимость в творчески мыслящих и действующих личностях удовлетворялась за счет небольшой части людей, то теперь массовое воспитание таких людей все более превращается в категорический императив производственного и социального прогресса.

Исследования Рединова А. А. показали, что метапредметные умения и навыки целенаправленно не развиваются. Для их развития необходимо создавать не адаптированные модели, которые должны воспроизводить некоторые свойства реальных устройств, например самолет состоит из корпуса, двигателя, крыльев, управляющей системы. Эти модели принято называть натурными моделями, и форма их зависит от информации [5]. Отметим, что от способности общества адекватно отвечать на требование формирование творческой, непрерывно развивающейся личности в решающей степени зависит его научно-техническое, социально-культурное и духовное благосостояние.

В заключении следует подчеркнуть, что, непрерывность аэронавигационного образования — это парадигма о содержании, принципах, формах, методах, приемах обучения и воспитания специалистов по управлению воздушным движением. Решение комплекса перечисленных задач позволяет обучать и воспитывать специалистов воздушного управления на научной основе, определяя тем самым путь совершенствования в технике управления пилотажными группами, эксплуатации авиационной техники без летных происшествий и предпосылок к ним.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еприкян Д. О. Проблемы подготовки педагогов профессионального образования / Современная высшая школа: Инновационный аспект. Том 9, № 4 (40). Челябинск. 2017. DOI 10.7442/2071-9620-2018-10-2 с. 28.
2. Корнева Н. Ю., Корнев Д. Н., Лоскутов А. А., Уварина Н. В., Технологии модульного обучения как инструмент созидания индивидуальной образовательной траектории обучающихся / Вестник Челябинского государственного университета. № 7. Челябинск. 2016. с. 51

3. Калеева З. Н., Краевая Н. А., Чернов В. А. Повышение общетехнической компетентности курсантов авиационного вуза при изучении дисциплин «Прикладная геометрия и инженерная графика» и «механика» / Современная высшая школа: Инновационный аспект. Том 10, № 2 (40). Челябинск. МИДИС. 2018. DOI 10.7442/2071-9620-2018-10-2 с. 95.
4. Максимова Е. В. «Формирование ценностно-смысловых компетенций у курсантов военных вузов с позиций компетентного подхода. // Современная высшая школа: Инновационный аспект. Том 10, № 2 (40). Челябинск. МИДИС. 2018. DOI 10.7442/2071-9620-2017-9-4 с. 153.
5. Рединов А. А. Формирование метапредметных умений и навыков: типология задач / Преподаватель 21 век. № 2 М. МГПУ 2018. с. 191
6. Чернов. В. А. Создание авиационных тренажеров нового поколения на основе современных информационных технология / Современная высшая школа: Инновационный аспект. Том 8, № 4 (34). Челябинск. МИДИС. 2016. DOI 10.7442/2071-9620-2016-8-4-108-113. с. 111.
7. Шавлов А. В. Управление качеством образования обучающихся военных авиационных вузов формированием физических понятий при изучении профессиональных дисциплин. / Проблемы современного физического образования. Сборник материалов IV Всероссийской научно — методической конференции. — Москва ИСРО РАО. 2018. 267 с.

© Шавлов Алексей Валерьевич (shavlov69@mail.ru), Буланов Александр Валерьевич (alexandr260578@mail.ru), Розгон Владимир Александрович (zabar_1985@list.ru), Хохотва Сергей Васильевич (hoha444@mail.ru), Алтухов Александр Сергеевич .
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина

РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПРИРОДЫ В «ЧЕРКЕССКИХ ПРЕДАНИЯХ» С. ХАН-ГИРЕЯ

VARIOUS ASPECTS OF ARTISTIC UNDERSTANDING OF NATURE IN THE "CIRCASSIAN LEGENDS" BY S. KHAN-GIREY

S. Agerzhanokova

Summary. The article analyzes the place and role of the artistic landscape in S. Khan-Girey's story "Circassian legends". One of the aspects of his artistic system is investigated — an interest in nature, strengthening the landscape beginning in prose. It is noted that the landscape of the author is not only pictorial, but also psychological, philosophical, symbolic. With it, the writer depicts the main points of the action, emphasizes the emotions of the characters.

Keywords: landscape paintings, positive character, national trait, morals, customs, S. Khan-Giray.

Агержаноква Сумхан Рамазановна

К. филол. н., Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева (г. Майкоп)

Аннотация. В статье анализируется место и роль художественного пейзажа в повести С. Хан-Гирея «Черкесские предания». Исследуется один из аспектов его художественной системы — интерес к природе, усиление пейзажного начала в прозе. Отмечается, что пейзаж у автора не только изобразителен, но и психологичен, философичен, символичен. С его помощью писатель изображает основные моменты действия, подчёркивает эмоции персонажей.

Ключевые слова: пейзажные картины, позитивный характер, национальная черта, нравы, обычаи, С. Хан-Гирей.

Многоплановое научное, публицистическое, литературно-художественное наследие классика адыгской (черкесской) литературы, основоположника национального просветительства Султана Хан-Гирея (1808–1842) вызывает большой интерес исследователей. М. Губжиков подчёркивает широту и многообразие личности С. Хан-Гирея: «Выдающийся представитель черкесской интеллектуальной элиты..., историк, этнограф, религиовед, лингвист, писатель-беллетрист, дипломат, автор ряда значимых политических трактатов» [2]. С. Хан-Гирей внес неоценимый вклад в развитие адыгской культуры и в формирование диалога культур, включив духовное наследие адыгов в мировой литературный процесс.

Деятельность С. Хан-Гирея была разнообразной, его привлекали фольклористика, искусствоведение и целый ряд других научных направлений. В частности, главный научный труд С. Хан-Гирея, скромно названный им «Записки о Черкесии», на самом деле является, несомненно, трудом энциклопедического типа, поскольку предметно, концептуально и скрупулезно представляет весь объем существовавших к моменту создания данного труда знаний о Черкесии. Характерно, что данное историко-этнографическое сочинение было создано молодым флигель-адъютантом еще до написания им художественных произведений и демонстрирует процесс становления автора как писателя.

Из наследия просветителя С. Хан-Гирея три художественных произведения большинство ученых относят

к жанру повести («Черкесские предания», «Князь Канбулат», «Наезд Кунчука»), а остальные тексты — к очеркам разных видов. Документально-публицистическая форма очерка предполагает опору на конкретные источники информации, то есть можно сказать, что очерки С. Хан-Гирея являются определенным продолжением его научной деятельности в «Записках о Черкесии» и представляют собой переходные формы к его собственно-художественной прозе, беллетристике. Вышесказанное создает основания для того, чтобы все творческое — научное, документально-публицистическое, художественное — наследие писателя рассматривать как единый текст.

Цель статьи — проанализировать роль пейзажа в энциклопедическом сочинении С. Хан-Гирея «Записки о Черкесии» и в одной из его повестей «Черкесские предания» и выявить разнообразные функции описаний природы у писателя.

Созданные в последние десятилетия диссертационные исследования многогранной деятельности С. Хан-Гирея рассматривают его наследие в различных ракурсах, в контексте различных отраслей гуманитарного знания, в частности, в этносоциологическом [1], этноментальном [3], в контексте становления адыгской историографии [5], с точки зрения проявления национального своеобразия и художественной индивидуальности в его литературном творчестве [7] и т.д. Однако за пределами внимания исследователей остаются пока

еще многие направления научной работы и аспекты художественной системы С. Хан-Гирея. В частности, одним из аспектов, присутствующих одновременно как в его научной, так и в литературной работе, является свойственный ему интерес к природе, что свидетельствует и о естественно-научной направленности его деятельности, и об усилении пейзажного начала в прозе.

В самом составе «Записок о Черкесии», большого и серьезного труда С. Хан-Гирея, отражены практически все основные научные подходы к анализу различных сфер природы Черкесии. Одновременно автор и здесь остается писателем, обладающим яркой творческой индивидуальностью, создающим и в этом научно-документальном тексте определенный художественный мир.

Первый раздел книги характеризует географическое положение, границы и «*наружный вид страны*», то есть описывает прежде всего чрезвычайное богатство и многообразие ландшафта и рельефа Черкесии. Здесь автор описывает климат, воды (реки, озера и море), источники (минеральные, соленые и нефтяные), полезные ископаемые (селитра и сера, металлы), астрономию и метеорологию, растительный и животный мир — птиц, рыб, насекомых. И везде автор при всей научности книги остается мастером слова, искусно использующим художественно-образный арсенал языка.

Второй раздел «Записок о Черкесии», посвященный исконной традиционной хозяйственной деятельности народа, включает в себя такие главы, как «Земледелие», «Скотоводство», «Пчеловодство», «Звероловство», «Рыбная ловля», «Рукоделия и мастерство» и т.д. Нетрудно понять, что все эти виды традиционной деятельности С. Хан-Гирей рассматривает как напрямую связанные с природой. При этом природа выступает не только как чисто утилитарная сфера приложения народных знаний, но и как элемент «поэтических воззрений» адыгов на природу.

В таких разнородных и разноплановых разделах книги, как «Народонаселение», «История», «Язык», «Религия», «Физические свойства», «Грамота и просвещение» и др. С. Хан-Гирей постоянно останавливает свое внимание на неразрывной слитности, синкретизме природного комплекса со всеми сферами как материальной, так и духовной деятельности адыгов. В разделе «Религия» автор характеризует особенности существующего в современных ему черкесских землях двоеверия, сочетающего суннитское направление Ислама со множественными признаками языческого политеизма, пантеизма, всецело построенного на обожествлении природы.

В разделах этнографического характера «Нравы и обычаи», «Образ жизни», останавливаясь на таких базисных онтологических сторонах жизни соотечественников, как рождение, выбор имени, воспитание, празднества, игры, пляски, телесные упражнения, женитьба и свадебные обряды, супружеские отношения, знаки вежливости, гостеприимство, покровительство, погребение и поминки, автор подробно останавливается, с одной стороны, на принципах природосообразности, которые присутствуют во всех сторонах жизни черкесов, с другой — на глубинных моментах мифологизма и мифопоэтизма, освещающих множество жизненных явлений древнейшей природной символиккой.

Как отмечает Т. М. Степанова, в данном произведении наблюдается сложное соотношение «художественного и публицистического начал» [4, с. 150], то есть оно одновременно является публицистическим (очерком) и художественным (повестью). Кроме того, дуалистичность на уровне жанра сочетается с дуалистичностью мировосприятия автора, который принадлежал двум культурам — исконной для него «культуре его предков» и «российской и европейской культуре» [Там же].

Собственно художественное постижение мира пейзажа, обогащение литературного текста всем выше-названным комплексом образных средств, связанных с миром природы, происходит уже в художественных произведениях С. Хан-Гирея. То есть система художественного природовосприятия, природоосмысления и природоосвещения в литературно-беллетристическом творчестве С. Хан-Гирея имеет свои истоки в его научном труде «Записки о Черкесии».

Для исследователей являющегося первым образцом интеллектуальной прозы Северного Кавказа наследия С. Хан-Гирея несомненно чрезвычайно высокий уровень интеллектуального развития писателя, о чём свидетельствуют «глубина и аналитичность мысли, меткость и наблюдательность, склонность к иронии и парадоксам, широта познаний и несомненный выдающийся талант писателя» [4, с. 151]. Анализ различных ипостасей взаимосвязей *человек-природа, человек-общество* в литературной прозе писателя поможет по-новому взглянуть на богатейшее наследие автора.

В каждом из произведений С. Хан-Гирея изображение природы, пейзаж не является главным, но в то же время играет большую роль. Так, повесть «Черкесские предания» начинается с краткой пейзажной зарисовки, казалось бы, просто определяющей время действия первой сцены, но в то же время создающей удивительно зримый поэтический настрой: «... *Утренний туман дымился еще на долинах, и лучи солнца не озарили вершин окрестных холмов, когда князь-старшина*

жанинского поколения вошел в комнату своей дочери» [6, с. 22].

Затем автор пересказывает *«жизнеописательную песню, сложенную ко дню тризны»*, посвященную памяти сына князя-старшины, в которой певец превозносит подвиги воспетого им наездника. Писатель, излагая содержание песни, прибегает к фольклорным средствам художественной выразительности, построенным на использовании образов природы, жизнь уподобляется *«светлой заре»* и *«молнии, исчезнувшей во мраке кровавых туч»*, щедрость героя сравнивается с *«майским дождём, поглощающим нивы»* и т.п. [6, с. 25]. Перед читателем встаёт образ этнического текста, наполненного национально специфичным содержанием и построенного в соответствии с ним. Вся первая глава повести «Черкесские предания» посвящена чрезвычайно яркому, насыщенному бытовыми и психологическими деталями, этнографически полному и стилистически эмоциональному воспроизведению целой системы ритуалов большого дня тризны по утраченному князю, дня, имеющего свой строгий распорядок — начиная от собственно поминального пиршества и заканчивая традиционными черкесскими поминальными игрищами и состязаниями памяти погибшего князя.

Характерно, что эмоциональный настрой этой главы весьма позитивен, не пессимистичен, так же, как, собственно говоря, и уходящие в древность обряды, в основе которых (независимо от принадлежности) лежит сформулированный, к примеру, в одном из постулатов христианства, а, по сути, общечеловеческий, тезис о том, что «уныние — это смертный грех».

Отметим, что многообразная символика и семантика обильной и разнообразной поминальной пищи также напрямую связана своими истоками с природой, породившей все эти дары плодородной матери-земли. То же самое можно сказать и об игрищах, являющихся демонстрацией силы и ловкости человека и его ближайшего вечного спутника — коня.

Необычайная живописность первой главы не является статичной и чисто описательной — на ее протяжении завязываются основные сюжетные линии и конфликты повести, точными краткими деталями обрисовываются типы и характеры персонажей. Завершается же эта глава, как и начиналась, картиной природы, только гораздо более подробной и несущей значительно большую смысловую нагрузку. Во-первых, этот пейзажный финал главы фиксирует этапы хронотопа: утро — это начало дня (и одновременно, главы), а вечер — завершение долгого дня (и одновременно, главы): *«Тихий вечер прекрасного дня обещал хоро-*

шую погоду и на завтра; осенний ветер не шевелил ветвей дерев...» [6, с. 43].

Яркая и живописная картина создаётся с помощью эпитетов, метафор, олицетворений. Но одновременно картины природы в прозе С. Хан-Гирея служат основой и материалом для психологического прямого и отрицательного параллелизма. Изменения в состоянии природы ассоциируются с ощущениями героя: *«Картина великолепная скоро переменилась: черные тучи заволокли небо, и яркие звезды погасли под их вдовьями чадрами»* [6, с. 43]. Герой существует в контексте природного мира, выступает как его часть.

Здесь наблюдается и отчетливый параллелизм между временем суток, состоянием природы и всем земным (и неземным) путем человека в целом, о чем свидетельствует и метафора *«черные тучи заволокли небо и яркие звезды погасли под их вдовьями чадрами»*.

Следующий абзац м помощью сравнения непосредственно подводит читателя к характеристике замыслов, действий и поступков отрицательного персонажа повести князя Канлы: *«Молния иногда рассекала мрак, проводила алмазные струи и мгновенно исчезала, как обманчивый луч надежды рассеивает мертвящие мысли угнетенного несчастливца и исчезает»* [6, с. 43]. Душа Тембулата сравнивается с *«лазурью божьего неба»*, что подчёркивает неопытность и чистоту данного героя. Сопоставления в данном случае несут и этнический оттенок, и индивидуально авторский, демонстрируя умение писателя сочетать в своём художественном стиле две данные ипостаси и уже названный выше дуализм его художественного метода.

Следующая сцена соответствует резкому повороту сюжета, и действие переносится в новое художественное пространство: *«Ночь. Шумный Бахчисарай уснул»*. Дальнейшая пейзажная картина поначалу по своему характеру не имеет отличий от предыдущих пейзажей в повести «Черкесские предания», за исключением лишь упоминания башен и минаретов, атрибутов городского пейзажа, поскольку речь идет о зимнем ночном небе: *«Зимнее небо прекрасно иллюминировано таинственными лучами звезд, и как они блистали великолепно!»* [6, с. 60].

Пейзаж, как и всегда в прозе С. Хан-Гирея, динамичен, жизнь небесного пространства показана автором в движении, развитии. Но дальнейшие картины городского пространства Бахчисарая выглядят контрастно по отношению к картинам вольных просторов Предкавказья: *«Одни вековые башни дворца не спали; в них изредка перекликалась стража ханского покоя. Облака снова редели, тучи раздвинулись — луна*

брызнула палевым дождем...» [6, с. 60]. Здесь мы наблюдаем уже антропогенный пейзаж с архитектурными элементами крепостных сооружений.

Пейзаж города постепенно переходит в тюремный интерьер: «Двери с тяжелым скрипом отворились; незнакомец вступил в четырехугольное, тесное жилище страдания и смерти...» [6, с. 61]. Семантика деталей этого помещения: «дикий камень, почерневший от времени и сырости»; «двери, обитые железом, покрытым ржавчиной» создает мрачный негативный психологический колорит. Тем важнее оказывается такая деталь: «...В одном углу было пробито маленькое окно с толстой железной решеткой, сквозь которую проходил холодный воздух и пробивался бледный луч луны, бросая фантастические тени» [6, с. 61]. Струя свежего воздуха и бледный луч луны — эти проявления природы и свободы оказываются единственными положительными признаками в существовании узника.

В дальнейшем монологе Пленника, обращенном к пришельцам, звучит его чувство любви к родине и свободе: «Если я свободен, то увижу родину, не правда ли?. Сколько раз под мрачным сводом моей темницы кровавый крик на свободе парящего орла пробуждал мой слух... Я подышу еще ее воздухом, нагляжусь на небо родное!» [6, с. 63]. Упоминание хищных птиц — пернатых детей свободы — также является важным символическим элементом природы. Для героя важно не просто освободиться, но и попасть в контекст родной природы, снова почувствовать себя её частью.

Можно отметить заметное нарастание и усиление разных форм пейзажного компонента во второй части, по мере развития сюжета повести «Черкесские предания». К примеру, девятая глава начинается с активного риторического обращения автора к читателю с целью привлечь его внимание к изображаемому пейзажу: «Взгляните на прекрасные долины, где начал я мой рассказ. Какая прелестная картина представляется там взору! Светлый купол неба раскинут, как пурпуровый шатер, а под ним шумно цветет роскошная земля...» [6, с. 73]. Чем дальше движется повествование, тем большую роль начинают играть в его организации описания природы.

В этой идиллической пейзажной картине ощущается отчасти влияние литературы европейского просвещения, создававшей некие утопические иллюзии страны мира и гармонии. С. Хан-Гирей подтверждает это самыми словами текста: «Не земля — рай! Здесь все дышит жизнью и радостью... Вешний день — торжество природы» [Там же]. Однако тут же становится

ясно, что писатель создает столь благостную идеализированную пейзажную картину с целью противопоставить ей дисгармонию в мире людей: «А для человека? Для человека радость без теней печали редка...» [Там же]. Однако вся девятая глава отличается позитивным характером, автор подчеркивает, что для племени жанинцев весна, последовавшая за горестной зимой, была вполне радостной: «...Мир принес с собой покой и изобилие, давно уже неизвестное жанинцам, которые любили войну и любили совершенно безрассудно» [6, с. 74]. Писатель с горечью констатирует то, что представители его родного племени не ценят в полной мере красоты и благ мирной жизни, а предаются междоусобным сражениям.

С. Хан-Гирей подробно, с пояснением этноментальных особенностей описывает «последний период свадьбы» героев, освещая детали свадебного ритуала, в том числе и историю черкесского корсета. Характерно, что практически все этапы завершающего периода свадьбы накладываются на пейзажный фон: «День был прекрасный, как я уже сказал; светлое небо юга не омрачилось ни одной тучей темных облаков; небо, казалось, разделяло радость жанинцев...» [6, с. 77].

Все содержание девятой главы, таким образом, сводится к воспроизведению всех этапов многосложного процесса свадебного веселья во всех подробностях и в лицах и завершается довольно неожиданной для читателя, представляющего другой этнос, информацией о том, что молодого супруга на свадьбе не было, он «был уже далеко в набеге, хотел славою отваги ознаменовать свою женитьбу» [6, с. 81].

Завершающая, десятая и наиболее драматичная и даже трагичная глава повести С. Хан-Гирея «Черкесские предания» начинается с описания лесного массива, в который прибывают Джембулат и Тембулат. Лесная среда является естественной средой обитания для этих людей, привыкших совершать многие дела под покровом лесной сени: «Два наездника въехали в дремучий лес, покрывавший дикие, извилистые берега нагорной речки, бурно катившей по каменистому дну светлые свои волны...» [6, с. 81]. Очевидно, что эти двое прекрасно ориентируются в природной лесной среде, умеют устраиваться в ней наилучшим образом: «Лошадям накосили кинжалом травы; для себя вынули походную пищу. Младший почерпнул кожаным стаканом из чистых струй нагорного источника и подал товарищу» [6, с. 81].

Именно в этом месте и в этот час наступает момент истины. Автор неспроста именно здесь, когда герои наедине с природой, открывает тайну, отравляющую душу Тембулата. Именно здесь автор сообщает, что прежде

Тембулат любил княжну, *«но когда обстоятельства открыли ему сердечные узы, соединяющие Джембулата и княжну»* [6, с. 82], он отказался от своего чувства, хотя и не смог полностью от него избавиться. Именно здесь, в глухом лесу, где герои остались один на один друг с другом, Тембулат испытывает душевное смятение, и его терпению и благородству приходит конец. С. Хан-Гирей психологически глубоко и точно изображает контраст между полным доверием Джембулата к своему другу и вышедшей на поверхность тайной страстью Тембулата.

Мы видим здесь образ-символ растения *«тетеркон (перекати-поле)»*, которое становится единственным свидетелем преступления: Тембулат убивает Джембулата. Этот образ оказывается очень сильным художественным приемом, отсылающим нас к образу другого хрестоматийного растения — татарника в повести Л.Н. Толстого *«Хаджи-Мурат»*. Вполне возможно, что это одно и то же растение, этимология названия которого восходит к этнониму *«татарин, татарский»*.

Описанный далее автором пейзаж полностью соответствует эмоциональной окраске произошедшего события, достоверно изображая картину тревоги природы: *«Ночь была темна, как совесть преступника; дождь шел проливной; молния изредка страшно блестела; унылый вой ветра и перекаты грома довершали мрачную картину тревоги природы...»* [6, с. 84]. Тревога, пронизывающая природу, передаётся герою, и, наоборот, его тревога отражается в мире природы, в её состоянии. Герой и природа едины в эмоциональном восприятии мира.

Автор рисует потрясение, пережитое Тембулатом, который совершил убийство из ревности, но в то же время не потерял представления о человеческих и духовных ценностях, используя яркие образы природы: *«Земля вокруг меня покрылась удушливым туманом, небо помрачилось, гром загрохотал, молния заиграла, ветер заревел»* [7, с. 86]. Герой, чутко воспринимающий состояние природы, не может трактоваться автором как полностью отрицательный.

Финальная сцена повести С. Хан-Гирея *«Черкесские предания»* отличается напряженностью, остротой, резкой и быстрой сменой эпизодов, причём краткие пейзажные зарисовки играют важную эмоционально-психологическую роль: *«Вечернее солнце тихо догорало на закате; слабые лучи его розовой тенью разливались по снежным тучам облаков, медленно носившихся над горами...»* [6, с. 87].

В предпринятых далее Тембулатом действиях (долго скитался, объявил всем о смерти Джембулата от рук

врагов) преобладают, по нашему мнению, в большей степени не фальшь и вероломство по отношению к памяти убитого им друга, а чувство вины и покаяния, на что неоднократно указывает автор, упоминая о присутствующих герою муках совести. Одновременно С. Хан-Гирей психологически достоверно передает весь противоречивый комплекс переживаний двух персонажей — убийцы и несчастной вдовы: *«Вместе проливали они слезы, и обоюдная горесть сближала несчастную вдову и нечестивого убийцу»* [6, с. 88].

Спустя четыре года Тембулат и вдова Джембулата поженились: *«...Убийца делил ее горесть и тем успел привязать ее к себе, по крайней мере, признательностью»* [6, с. 88]. Но однажды трогательная ласка княгини к сыну, сопровождаемая традиционными слезами, вызвала немотивированную ярость и бешенство Тембулата, подкрепленные и усугубленные важным знаком природы — роковым для него растением — тетерконом (перекати-поле): *«Вдруг поднялся сильный вихрь и быстро прикатил к ногам убийцы роковое для него растение — перекати-поле»*. Впечатлённый этим знаком, Тембулат признаётся в убийстве. Именно растение, которое в свое время Джембулат назвал вестником своей смерти, определяет этот час истины.

Очень важно, что божьим вестником для С. Хан-Гирея оказывается языческий символ колючего и неприкаянного растения. Финал произведения также разворачивается на фоне природы: *«Прошла ужасная ночь; наступившее утро было бурно; под небом волновались тучи, словно море в бурную погоду; взошло солнце, и кровавое море разлилось на восточном небе»* [6, с. 89].

Итак, повесть Султана Хан-Гирея *«Черкесские предания»* заложила основы не только адыгской профессиональной литературы, литературы нового типа в целом, но и всех ее художественных компонентов, включая психологический портрет, внутренний монолог, пейзажную живопись. Все последующие тексты С. Хан-Гирея развивают намеченные традиции, разрабатывая технику реалистического и романтического письма. В каждом из них находится место изображению природы. Пейзаж является важной составной частью информационно-эстетического пространства творчества С. Хан-Гирея, а его многогранное мастерство как бытописателя и пейзажиста не сводится только лишь к образительно-выразительным возможностям данного художественного приема. Функции пейзажа в произведениях С. Хан-Гирея гораздо более многообразны — он служит целям создания хронотопа и психологической характеристики персонажей, многочисленным и многообразным символическим обобщениям, осмыслению проблемы взаимодействия человека и природы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брантова И. К. Черкесия в свете этносоциологических исследований Султана Хан-Гирея: автореф. дис. . . . канд. социол. наук: 22.00.06. — Майкоп, 2001. — 20 с.
2. Губжиков М. Презентация сборника трудов Султана Хан-Гирея в Майкопе [Электронный ресурс]. — URL: http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2687 (дата обращения: 16.11.2018).
3. Меремукова М. Г. Этноментальные основы творчества адыгских писателей-просветителей XIX века: К проблеме художественного этнографизма: автореф. дис. . . . канд. филол. наук: 10.01.02. — Карачаевск, 2002. — 21 с.
4. Степанова Т. М. Межкультурный диалог и выражение авторской позиции в «Записках о Черкессии» С. Хан-Гирея // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: Сб. ст. — Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2010. — С. 149–152.
5. Цикушева С. Я. Становление адыгской историографии: Ш. Ногмов и Хан-Гирей: первая половина XIX в.: автореф. дис. . . . канд. истор. наук: 07.00.09. — Майкоп, 2006. — 25 с.
6. Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX века. — Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1986. — 398 с.
7. Шекичаева А. Х. Творчество адыгского писателя-просветителя Хан-Гирея: национальное своеобразие и художественная индивидуальность: автореф. дис. . . . канд. филол. наук: 10.01.02. — Нальчик, 2007. — 22 с.

© Агержанокова Симхан Рамазановна (hoHa444@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАУЧНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС КАК ТИП ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

SCIENTIFIC MEDICAL DISCOURSE AS INSTITUTIONAL COMMUNICATION PARADIGM

**E. Akayeva
T. Vinokurova**

Summary. Modern linguistics deals with different aspects of professional communication due to its great importance. The article is aimed at studying the problems of healthcare practioners interaction within scientific community. Different characteristics of medical scientific discourse such as goals, terminology, communicative strategies reveal communication participants scientific image of the world. Communicative strategies serve the achievement of communicative goals and are analyzed by means of discourse analysis and interpretative analysis. Having analyzed speech patterns of the healthcare practioners the authors identify such communicative strategies as "Persuasion", informative-interpretative, and rhetorical.

Keywords: medical discourse, scientific interaction, communicative strategies, scientific image of the world, communicative goals.

Акаева Элеонора Вячеславовна

*К.филол.н., доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
noga@mail.ru*

Винокурова Татьяна Николаевна

К.филол.н., доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Аннотация. Лингвистическая наука на современном этапе своего развития активно изучает различные аспекты профессионального общения в силу его значимости. Настоящая статья посвящена исследованию проблем взаимодействия практикующих врачей внутри профессионального сообщества. Разнообразные характеристики медицинского дискурса, в частности, цели, терминология, коммуникативные стратегии раскрывают особенности научной картины мира участников общения. Коммуникативные стратегии служат для достижения поставленных коммуникативных целей и исследуются посредством дискурс-анализа и интерпретативного анализа. Проанализировав речевые особенности практикующих врачей, авторы выявили частотное использование коммуникативных стратегий — «убеждение», информационно-интерпретационной и риторической.

Ключевые слова: медицинский дискурс, научное общение, коммуникативные стратегии, научная картина мира, коммуникативные цели.

Введение

Эффективная коммуникация чрезвычайно важна в современной медицине, так как решение многих задач строится на непосредственном общении специалистов-медиков в различных коммуникативных ситуациях. Антропоцентрическая парадигма современного языкознания открывает новые методологические возможности для целостного анализа речемыслительной деятельности и описания научной медицинской коммуникации в дискурсивном аспекте.

Литературный обзор

Будучи разновидностью институционального общения, научный медицинский дискурс привлекает к себе пристальное внимание лингвистов. Научная коммуникация предполагает обращение адресанта сообщения к системе знания, сформированной в рамках определенной науки. Целью коммуникативного взаимодействия в медицинской среде является изменение картины мира врачей-практиков. В большинстве случаев представляется возможным выделение двух форматов общения в диаде «специалист-специалист»: теоретический, основанный на рационально-логическом мышлении и практический, который опирается на чув-

ственно-перцептивное восприятие мира и связан с особенностями интуитивно-образного мышления. Научный медицинский дискурс, как и любой институциональный дискурс, содержит: цели общения, профессиональный язык, систему базовых ценностей, нормативную модель статусно-ролевой коммуникации, основные стратегии институционального дискурса, типичные формулы дискурса.

Целью научного общения в медицинской среде является процесс выведения нового знания о проблемах, связанных со здоровьем. [1., С.81.]

Важной характеристикой научного медицинского институционального дискурса является наличие *особого языка*. Ведущая роль исследователей как непосредственных участников научного дискурса определяется владением профессиональным языком. В процессе коммуникации члены медицинского сообщества оперируют терминами для выражения идей, доступных интерпретации только в данном научном сообществе. [3. С.429]

В этой области ведутся исследования по созданию перорального аналога паратгормона — агониста чувствительных к кальцию рецепторов.

Изучаются новые пути влияния на остеокласт и остеобласт.

Используемые ранее средства оказывали только незначительное влияние на основные патогенетические звенья акромегалии и не могли гарантировать достижения стойкой нормализации соматотропной функции, а также профилактики осложнений.

Участниками научного медицинского дискурса являются представители научной медицинской общности, а в ряде случаев, и практикующие врачи. Характерной особенностью данного дискурса является принципиальное равенство участников научного общения. Стремление к поиску истины и расширению когнитивной базы заставляет всех участников коммуникативного взаимодействия критически относиться как к результатам своих, так и чужих исследований.

Основные коммуникативные стратегии научного медицинского дискурса определяются характером, направлением деятельности и частными целями медицины как социального института. В аспекте коммуникативных стратегий в научном медицинском дискурсе целесообразно выделить коммуникативную стратегию «Убеждение», информационно-интерпретационную и риторическую коммуникативные стратегии.

Профессиональные цели врачей-ученых, связанные с трансляцией новых медицинских знаний другим представителям профессионального медицинского сообщества реализуются, главным образом, посредством когнитивных коммуникативных стратегий. Рассмотрим наиболее частотные из них.

Аргументативная (стратегия «Убеждение»)

В силу простоты назначения (одна инъекция в сутки, минимальный риск гипогликемий, положительное влияние на сердечно-сосудистые факторы риска и отсутствие необходимости в дополнительном мониторинге гликемии для пожилых пациентов препарат Виктоза представляется наиболее удобным и безопасным вариантом терапии.

Польза применения гиполлипидемических препаратов с целью развития и прогрессирования макро-и микрососудистых осложнений у больных СД 2 типа подтверждена многими международными клиническими исследованиями.

Представляется клинически важным найти препарат-«лидер», поскольку пациенту с сочетанием

АГ и ожирения необходима не только нормализация АД, но максимально возможная коррекция всех других модифицируемых «традиционных» и «новых» методов лечения.

Информационно-интерпретационная стратегия

В поисках оптимального метода лечения СД 2-типа научные исследования были направлены на изучение принципиально нового механизма регуляции гомеостаза глюкозы посредством гормонов желудочно-кишечного тракта, называемых инкретинами.

Основными лечебными пособиями при акромегалии длительное время оставались транскраниальная аденэктомия.

Примечательно, что данная работа продемонстрировала очень низкий уровень гипогликемии на фоне лечения вилдаглиптином, что может быть следствием обусловленного этим препаратом повышенной чувствительности альфа и бета клеток поджелудочной железы к глюкозе.

Сахароснижающий эффект вилдаглиптина в сочетании с низким риском гипогликемии, вероятнее всего, связан с восстановлением нарушенной секреции инсулина и глюкагона.

Использование анхиостонима — общеизвестного в научном сообществе имени ученого способствует увеличению иллюкативной силы речевого воздействия.

Вы все знаете моего научного руководителя А. С. Аметова.

Представляется, что исследования, написанные в сфере точных наук, в том числе медицины, характеризуются строгим научным стилем, практически элиминирующим употребление окрашенных лексем. Однако в последние годы очевидно прослеживается тенденция, когда научным текстам все более присущи такие черты, как эмоциональность и экспрессивность. В процессе коммуникативного взаимодействия врачи-ученые часто прибегают к риторическим коммуникативным стратегиям, одной из которых является стратегия метафоризации, которая способствует оптимизации речевого воздействия на адресанта. Метафорическое моделирование в научном медицинском дискурсе характеризуется использованием конкретных образов процессов и явлений.

Может возникнуть целый каскад переломов.

Доля пациентов с ответом на лечение, оцениваемым по заранее установленным критериям.

Этот эффект носит название «кишечный тормоз.»

Диванно-кресельный образ жизни.

Гипергликемия может оставить ранний отпечаток в клетках сосудов и органов-мишеней.

Живот — оплот мудрости и надежности.

Пациенты дела? В печени.

Любой выход из дома — катастрофа не отвечали на антирезорбтивную терапию.

Этот фактор скоро выйдет на авансцену и будет учитываться в лечении.

Потенциальная возможность влияния препарата на «ключевую поломку» -прогрессирующее снижение функции бета-клеток, без сомнения, открывает новый этап в терапии СД 2-типа.

Эти данные позволяют предположить, что лечение лираглутидом позволит надолго сохранить удовлетворительный контроль гликемии, поскольку не будет наблюдаться «эффекта ускользания» от действия этого препарата вследствие антителообразования.

Где сахар делает все дела? В печени.

Типичные дискурсивные формулы, отработанные многолетней практикой, запечатлены в профессиональном юморе.

Была на приеме недавно пациентка. Ей хорошо за 80, а к ней еще старик Альцгеймер в гости не заходил.

Результаты

Таким образом, в профессиональном медицинском дискурсе используются когнитивные коммуникативные стратегии, направленные на рациональную сферу личности и риторические коммуникативные стратегии, направленные на эмоциональную сферу личности.

Обсуждение

Репертуар коммуникативных стратегий профессионального медицинского дискурса не исчерпывается указанными стратегиями. Их выбор зависит от таких экстралингвистических факторов, как пол, возраст, психотип врача. Выбор коммуникативных стратегий обусловлен также конкретными ситуациями коммуникативного взаимодействия.

Заключение

Очевидно, что при наличии специфических для научного медицинского дискурса черт, он обладает всеми особенностями, присущими другим типам научного дискурса в системе институционального общения: абстрактностью, логичностью, объективностью, точностью, а также экспрессивностью и эмоциональностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аликаев Р. С. Язык науки в парадигме современной лингвистики. Нальчик: Эль-Фа, 1999. — 318 с.
2. Литвинов А. В. Научный дискурс в свете межкультурной коммуникации // Филология в системе современного университетского образования: материалы науч. конф., 22–23 июня 2004 г. — М., изд-во УРАО, 2004. — Вып. 7. — С. 283–289.
3. Испирян А. В. Научный дискурс как разновидность институционального общения // Е. Ф. Карский и современное языкознание: материалы XII междунар. Науч. Чтений (Гродно, 20–21 мая 2010 г.) / ГрГУ им. Я. Купалы — Гродно: ГрГУ, 2011 — с. 427–433.
4. Мамаева С. Ю. Коммуникативные стратегии ученых // Научная периодика: проблемы и решения. — 2011. — № 3. — с. 6–13. — <http://nppir.ru/article/2271/>

© Акаева Элеонора Вячеславовна (poгаа@mail.ru), Винокурова Татьяна Николаевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕЗУЛЬТАТЫ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА КАК ЧАСТЬ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА «ИНТЕЛЛЕКТ» У РУССКИХ В ТАИЛАНДЕ

Аруноаст Парит

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
hutlism@gmail.com

THE RESULT OF ASSOCIATIVE EXPERIMENT AS ONE OF CONCEPT CONTENT "INTELLECT" FOR RUSSIANS IN THAILAND

P. Aroonoast

Summary. This article attempts to represent analytical content of concept "Intellect" within the result of associative experiment in Psycholinguistics. The research is made on the questionnaires of word "Intellect" and its meaning for those Russians, who stay in Thailand long-term, and those, who went to travel in Thailand. In the introduction the definition of Psycholinguistic meaning, its difference with lexicographical meaning and concept of associative experiment are represented. In the body of this paper the concept content "Intellect" is analyzed by the associative experiment and is considered by following position: "association of intellect" "characteristic of Intellect" "intellectual people in employment" "intellectual animals, things and phenomena". It has been demonstrated, that the understanding of intellect for those Russians, who stay in Thailand long-term, differs from its understanding for those Russians, who went to travel in Thailand.

Keywords: Intellect, Concept, Psycholinguistic meaning, associative experiment, Russian, who stay in Thailand long-term and who went to travel in Thailand

Аннотация. В данной статье была предпринята попытка представить анализ содержания концепта «интеллект» в рамках результатов ассоциативного эксперимента в психолингвистике. Исследование основано на анкетах об отношении к слову *интеллект* с точки зрения русских, кто живет в Таиланде давно, и кто приехал в Таиланд отдохнуть. Во введении рассматриваются понятие психолингвистического значения, его отличие от лексикографического значения и представление об ассоциативном эксперименте. В основной части анализируется содержание концепта «интеллект» ассоциативным экспериментом по следующей позиции, как «ассоциация интеллекта», «признак интеллекта», «интеллектуальный человек в профессиональной деятельности» и «интеллектуальные животные, предметы и явления». Доказано, что представление об интеллекте тех русских, кто живет в Таиланде, отличается от его представления русских, кто приехал в Таиланд отдохнуть.

Ключевые слова: Интеллект, концепт, психолингвистическое значение, ассоциативный эксперимент, Русские, кто живет в Таиланде давно и кто приехал в Таиланд отдохнуть.

Введение

Особое значение имеет тот факт, что интерес к концептам в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии в отечественной науке достаточно устойчив, о чем можно судить по таким фактам, как существование различных исследований концептов, предлагаемых лингвистами (Ю. Д. Апресян, А. П. Бабушкин, С. Г. Воркачев, А. А. Залевская, Е. И. Зиновьева, В. И. Карасик, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.). Более того, «антропоцентризм современной лингвистической научной парадигмы определил одну из ведущих тем исследований, проводимых методом ассоциативного эксперимента» [8, с. 109]. В нашем исследовании предпринята попытка анализировать психолингвистическое значение слова *интеллект* посредством проведения направленного и свободного ассоциативного эксперимента для того, чтобы описать часть содержания концепта «интеллект» в лингвокультурологии.

Целью данной статьи является попытка выявления особенностей психолингвистического значения концепта «интеллект» на основе сопоставления данных о тех русских, кто живет в Таиланде давно, и о тех русских, кто приехал в Таиланд отдохнуть, на материале анкетирования, полученного в ходе ассоциативного эксперимента.

Объектом нашего исследования выступает концепт «интеллект» в языковом сознании носителей русской культуры, находящихся в Таиланде давно и приехавших в Таиланд отдохнуть.

Актуальность данного исследования определяется тем, что, во-первых, при изучении содержания концепта «интеллект» невозможно представить только лексикографическое значение, так как данное значение иногда не полностью отражает понимание индивидом. Нельзя не согласиться с тем, что психолингвистическое значение выделяется Стернином И. А. и Рудаковой А. В. как

новый тип значения, описываемого по результатам психолингвистических экспериментов. Исследователи считают, что «значение, выявляемое психологическими экспериментами, практически всегда оказывается намного объемнее и глубже, чем представление в традиционных толковых словарях» [10, с. 12]. На наш взгляд, психолингвистический эксперимент ценен тем, что он обеспечивает возможность обсудить представление о содержании концепта, в том числе концепта «интеллект» в русском сознании. Концепт связан с данным экспериментом, тем, что по Крючковой Н. В «для описания концепта в его синхронном состоянии необходимо его синхронное исследование репрезентации концепта в лексико-семантических системах языка, дополненное по возможности анализом результатом ассоциативных экспериментов и изучением дискурсивного функционирования слов, являющих лексическими репрезентациями концепта» [7, с. 12].

Во-вторых, при рассмотрении содержания концепта «интеллект» с точки зрения тех русских, кто живет в России, при помощи психолингвистического ассоциативного эксперимента обнаружены различные оттенки значения лексемы «интеллект», так как интеллект ассоциируется с *умом, разумом, мозгом, знанием, наукой, человеком, эрудицией, логикой, начитанностью, образованием*. В процессе глобализации концепт «интеллект» вышел на тот рубеж, на котором обозначилась необходимость изучать не только представленное психолингвистическое значение с точки зрения русских на территории России, но и с точки зрения русских мигрантов в других странах, включительно в Таиланде. В настоящее время достаточно много русских, уезжающих в Таиланд отдохнуть, также некоторые русские отстают проживать и живут на несколько лет. Именно поэтому **новизна** данной статьи заключается в исследовании концепта «интеллект» в русском сознании при помощи психолингвистического ассоциативного эксперимента у русских мигрантов: у русских, живущих в Таиланде давно и приехавших туда отдохнуть.

Обзор литературы

Концепт «интеллект» и его содержание с лингвистической точки зрения становился предметом пристального изучения среди многих ученых. Следует отметить, что в последние годы исследовались концептуализация интеллектуальных характеристик человека на материале русского и английского языков (А. В. Крюков 2005) [6], интеллект человека в русской языковой картине мира (Т. В. Леонтьева 2008) [9], концептуальное поле «человек и его интеллект» в русской и английской фразеологии (О. Н. Волобуева 2011) [2], лексическое поле «женский интеллект» в русском и английском языках на примере устойчивых выражений (А. Л. Кормильцева 2015)

[5]. В каждой из указанных работ уделяет внимание какому-либо одному аспекту проблемы. Многие из них рассматриваются на основе сопоставления изучения русского и английского языков в целях выявления особенностей и различий содержания его концепта.

Более того, исследование психолингвистического значения также позволяет раскрыть содержание концепта, представленного в языковом сознании носителей языка, используя ассоциативный эксперимент.

Методология

С целью исследования модели языкового сознания тех русских, кто живет в Таиланде, и тех русских, кто приехал Таиланд отдохнуть, использовались экспериментальные психолингвистические методы. В прикладной психолингвистике разработано несколько основных вариантов ассоциативного эксперимента: свободный и направленный ассоциативный эксперимент [1, с. 7]. В рамках направленного ассоциативного эксперимента нами проводится с ограничениями на реакцию, предлагающуюся дать испытуемым следующие модели по И. А. Стернину, как модель «X — это...» и модель «X — какой?». Выбор данной методики обусловлен тем, что изучение концепта «интеллект» и его описание психолингвистического значения в сознании носителя русского языка могут быть выявлены экспериментальными приемами.

Для выявления психолингвистического значения концепта «интеллект» испытуемым-русским надо было ответить на вопросы анкеты, состоящей из 13 пунктов, 4 из которых связано с исследованием ассоциативного эксперимента. В анонимном анкетировании принимали участие двух русских групп: 1) 50 русскоязычных респондентов в возрасте от 13 до 80 лет, живущих длительно или постоянно в Таиланде от 1 месяца до 12 лет; 2) 65 русскоязычных респондентов в возрасте от 16 до 54 лет, приехавших отдохнуть не более одного месяца. При рассмотрении данных в анкете представлены русские анкетированные из двух групп с различным образованием и с разными профессиями в соответствии с тем, чтобы описать общий национальный концепт в сознании русских, живущих в Таиланде давно и приехавших туда отдохнуть.

В процессе эксперимента респондентам предлагалось не только слово-стимул «интеллект», но и связанные направленные вопросы, где требуются вербальные реакции для выявления содержания концепта «интеллект» в сознании носителей русского языка. Соответственно испытуемым приходилось записывать минимум 1 слово, словосочетание или предложение в рамках реакции на слово-стимул, вышедших из их головы. У нас обнаружено всего 668 ассоциативных реакций.

Таблица 1. Реакции на стимул «интеллект» (русские, кто живёт в Таиланде давно, и русские, кто приехал в Таиланд отдохнуть)

Статистика по запросу (Русские, кто живет в Таиланде давно):

Всего реакций на стимул: 50,
 Различных реакций на стимул: 19,
 Одиночных реакций на стимул: 29,
 Отказов: 2.

Статистика по запросу (русские, кто приехал в Таиланд отдохнуть):

Всего реакций на стимул: 65,
 Различных реакций на стимул: 22,
 Одиночных реакций на стимул: 34,
 Отказов: 9.

Реакций (Русские, кто живет в Таиланде давно)	Чистота	Реакций (русские, кто приехал в Таиланде отдохнуть)	Чистота
Знание	5	Ум	7
Образованность	5	Мышление	5
Образование	3	Образованность	5
Интеллигентность	2	Образование	4
Работа	2	Сообразительность	3
Человек	1	Разум	3
Наука	1	Развитие	3
Ум	1	Знание	2
IT Технология	1	Наука	2
Профессор	1	Профессия	2
Спор	1	Мозг	2
Богатство	1	Развитый и умный человек	2
Очки	1	Философия	1
Груша	1	Искусство	1
разумность	1	Математика	1
Багаж	1	Начитанность	1

Исследование содержания концепта «интеллект» ассоциативным экспериментом

При рассмотрении ассоциативных анкет с целью выявления содержания концепта «интеллект» среди русских, кто живет в Таиланде давно, и русских, кто приехал в Таиланд отдохнуть, мы разработали анкету вопросник, в которой включили следующие позиции: 1) «ассоциация интеллекта» 2) «признак интеллекта» 3) «интеллектуальный человек в профессиональной деятельности» и 4) «интеллектуальные животные, предметы и явления». В 3 последних позициях представлена лексико-семантическая группа лексем «интеллект» или «интеллектуальный».

Группа «ассоциация интеллекта» представлена ассоциатами, отражающими понимание интеллекта и его отношение представителями русской языковой картины мира через слово-стимул «интеллект». Ассоциация представляет собой «связь, образующуюся при определенных условиях между двумя и более психическими образованиями (ощущениями, двигательными актами,

восприятиями, идеями и т.п.); действие этой связи — актуализация ассоциации — состоит в том, что появление одного члена ассоциации регулярно приводит к появлению другого (других)» [3, с. 11]. Оказалось, что здесь обнаружены ассоциативные реакции с разными словами и словосочетаниями.

Обратившись к статистическим данным (от стимула к реакции), можно заключить, что в сознании русских, кто живет в Таиланде давно, *знание* и *образованность* (индекс частотности 5) рассматриваются, в первую очередь, как ассоциация интеллекта, так как интеллект позволяет индивида получить важно или полезно для него знание. А результатом приобретения человеческих знаний является образованность. Однако в сознании русских, кто приехал в Таиланд отдохнуть, *ум* (7) и *мышление* (5) как синонимический ряд лексемы «интеллект» занимают первое и второе места подряд. *Образованность* (5) и *образование* (4), в меньшей степени, важны.

В картине мира первой группы русских интеллект относится к образовательной сфере и сфере знания. После

Таблица 2. Распределение положительных, отрицательных и нейтральных оценок словосочетания со словом интеллект

Оценка	Пример словосочетания	
	Русские, живущие в Таиланде давно	Русские, приехавшие в Таиланд отдохнуть
Положительная	Высший интеллект Высокий интеллект Превосходный интеллект Блестящий интеллект Высокоразвитый интеллект Отличный интеллект Особый интеллект Развитый интеллект Глубокий интеллект	Высокий интеллект Недюжинный интеллект Интеллект на высшем уровне Развитый интеллект Высший интеллект Острый интеллект
Отрицательная	Низкий интеллект Слабый интеллект Примитивный интеллект	-
Нейтральная	Разумный интеллект Коэффициент интеллекта Искусственный интеллект	Интеллект машины Искусственный интеллект Эмоциональный интеллект Коэффициент интеллекта

чего ключевую роль в представлении интеллекта играет *работа* (2). В противопоставлении с первой русские из второй группы обращают внимание на разные способности индивида: способность мыслить, рассуждать или быстро найти решение. Более того, для них представлены *развитие* (3), *знание* (2), *наука* (2), *профессия* (2), *мозг* (2).

Теперь представлена анализируемая группа «**признак интеллекта**», соответствующая синтагматической связи лексемы «интеллект». Синтагматические рассматривают как один из вариантов ответных реакций. «Под нем связи между словом-стимулом и словом-реакцией понимается связь между разными грамматическими категориями» [4, с. 99]. Данный вопрос позволяет определить особенности признака интеллекта среди русских, кто живет в Таиланд давно, и русских, кто приехал в Таиланд отдохнуть. Рассматривая синтагматической связи лексемы «интеллект», у нас обнаружено, в первую очередь, аксиологичное представление данной лексемы, то есть обладание какой-либо субъективной оценкой: положительной, отрицательной или нейтральной. Оно может распределено следующим образом:

В этой части эксперимента показывается тем, что лексема «интеллект» в сознании русских, кто живет в Таиланде давно, обладает более разными признаками оценки интеллекта, так как интеллект может быть положительной (*превосходной, высоким, особым*), отрицательной (*низкой, примитивной, слабой*) и нейтральной (*искусственной*) оценками, а для русских, кто приехал в Таиланд отдохнуть, отсутствует отрицательной оценки.

В картине мира данной группы представлены положительная (*недюжинный, острый, высший*) и нейтральная (*искусственный интеллект, интеллект машины*) оценки интеллекта. Следует отметить, что нейтральная оценка, представленная в изучении признака интеллекта, иногда носят позитивный или негативный характеры в зависимости от контекста употребления.

Проанализировав группу «**интеллектуальный человек в профессиональной деятельности**», которая показывается тем, какая профессия считается интеллектуальной по мнению анкетированных, и какие слова связаны с именем прилагательным «интеллектуальный» по синтагматике. Можно сказать, что по сравнению с теми, кто приехал в Таиланд отдохнуть, представление об интеллекте для испытуемых, кто живет в Таиланде давно, соответствует более разным группам, классифицированным по главному предмету труда.

Например подгруппа «человек-техника» (*инженер, разработчик*), где в фокусе внимания находятся технические системы и вещественные предметы как основной предмет труда; подгруппа «человек-человек» (*педагог, психолог, юрист*), где люди или группа людей стали предметом труда; подгруппа «человек-знак» (*экономист-аналитик, программист*), где условные знаки, цифры, коды и языки рассматриваются как главный предмет труда; подгруппа «человек-художественный образ» (*искусствовед, дизайнер*), где художественный образ считается результатом труда; подгруппа «человек-смешанная группа» (*ученый, управляющий, топ-менеджер*), под которой главный предмет труда разнообразен зависимо от контекста; подгруппа «чело-

Таблица 3. Распределение интеллектуальной профессии

Классификация профессий	Конкретная профессия	
	Русские, кто живет в Таиланде давно	Русские, кто приехал в Таиланд отдохнуть
Человек-техника	Инженер Разработчик	Инженер Технолог
Человек-человек	Учитель Педагог Преподаватель Психолог Доктор, врач Юрист Судья	Учитель Политик Преподаватель Юрист Врач Государственные служащие
Человек-знак	Экономист-аналитик Программист	Программист Бухгалтер
Человек-художественный образ	Искусствовед Дизайнер	-
Человек-смешанная группа	Ученый Управляющий Топ-менеджер	Ученый Бизнесмен Управляющие Руководитель Топ-менеджер Журналист
Человек-хозяин	Хозяин дела	-

«человек-хозяин» (*хозяин дела*), где индивид практически самостоятельно отвечает за свой бизнес.

Очевидно, что в группе русских, кто приехал в Таиланд отдохнуть, не представлена профессия, относящаяся к подгруппе «человек-художественный образ» и «человек-хозяин», что показывается ограничением реакций данной группы русских.

Дальше при обработке результатов эксперимента группы «**интеллектуальные животные, предметы и явления**», близкие реакции объединились по смысловому признаку в одну подгруппу. Данная группа основывается на принципе синтагматического отношения между именем прилагательным «интеллектуальный» и именем существительным, обозначающим конкретные животные, предметы или явления. У нас обнаруживается тот факт, что представление об интеллектуальных животных, предметах и явлениях для русских, кто живет в Таиланде давно, богаче данного представления для русских, кто приехал в Таиланд отдохнуть. Дело в том, что у второй группы русских нет ответов, относящихся к подгруппе «предмет и явление в искусстве» (*картинки, искусство*) и «представление о времени» (*времяпрепровождение*).

Русские из двух групп испытуемых особое внимание уделяют предметам, животным и явлениям, характеризующим объект гражданских прав (*интеллектуальная собственность*), объект развлечения (*интеллектуаль-*

ный фильм, интеллектуальные игры), представление о некоторых животных или растениях (*интеллектуальные дельфины, интеллектуальные собаки*), социальное взаимоотношение индивида (*интеллектуальная беседа, интеллектуальное общение*), предметы о науке или знании (*интеллектуальное занятие, интеллектуальный текст*), современные технологии и техники (*интеллектуальный робот, интеллектуальные гаджеты*)

Теперь представляем сводную таблицу по частоте употребления слов или словосочетаний на сопоставлении содержания концепта «интеллекта» по следующей исследуемой позиции, как «признак интеллекта», «интеллектуальный человек в профессиональной деятельности» и «интеллектуальные животные, предметы и явления» у двух исследуемых групп: 1) русских, кто живет в Таиланде давно 2) русские, кто приехал в Таиланд отдохнуть. В рамках группы «**признак интеллекта**», где распределено по оценке интеллекта (положительной, отрицательной и нейтральной), интеллект, с точки зрения двух русских групп, в первую очередь, обладает положительной оценкой (*высшей, развитой, недюжинной* и т.д.), дальше интеллект имеет нейтральную оценку и только в зависимости от контекста употребления он могут быть положительной или отрицательной оценками (*искусственный интеллект*).

Рассматривая частотности употребления слов, относящихся к интеллектуальной профессии, в группе «**ин-**

Таблица 4. Распределение интеллектуальных предметов и животных

Классификация интеллектуальных вещей	Конкретные предметы, животные и явление	
	Русские, кто живет в Таиланде давно	Русские, кто приехал в Таиланд отдохнуть
Объект гражданских прав	собственность	Собственность
Объект развлечения	фильм музыка игры	ТВ передачи Шоу Игры Фильм Песни Музыка Кино Викторина
Представление о некоторых животных или растениях	дельфины собаки	Обезьяны Дельфин Собака
Предмет или явление в искусстве	выставки картинки искусство	-
Социальное взаимоотношение индивида	общение беседа собрание обсуждения мероприятия клубы	Разговор Беседа Общество Коммуникация
предметы о науке или знании	занятие фразеологизм статья текст чтение книги	Книга Литература Задачи Статья
Современные технологии и техники	информации интернет технология высокотехнологичный робот компьютер Skynet гаджеты ЭВМ, различные цифровые технические устройства	Компьютер Робот Гаджеты Ракеты Авто Электроника Программа Машина Техника Технология
Представление о времени	времяпрепровождение	-

интеллектуальный человек в профессиональной деятельности», мнения двух русских групп совпадают друг с другом тем, что подгруппа «человек-человек» (*психолог, врач, преподаватель* и т.д.) занимает первое место. Наряду с этим первое место также занимает подгруппа «человек-смешанная группа» (*ученые, бизнесмен, управляющие* и др.) для русских, кто приехал в Таиланд отдохнуть. Касательно частотности употребления слов или словосочетаний, относящихся к тематике по животным, предметам и явлениям в группе **«интеллектуальные животные, предметы и явления»,** для двух

русских исследуемых групп подгруппа «современные технологии и техники» (*интернет, робот, гаджеты, технология* и др.) занимает первое место. А во втором и третьем местах представлено по очереди, как «объект развлечения» (*игра, фильм, юмор*), «предметы о науке или знании» (*статья, книги, фразеологизм*). Таким образом, частотность употребления слова или словосочетания из сводной таблицы показывается тем, какие подгруппы из перечисленной позиции считаются самыми важными. Мнения двух русских групп практически совпадают по данному вопросу.

Таблица 5. Сводная таблица по частотности употребления слова и словосочетаний по исследуемой позиции

Группа и ее распределение	Частотность реакций по указанной теме (определение места по частотности)	
	Русские, кто живет в Таиланде давно	Русские, кто приехал в Таиланд отдохнуть
Группа 2 «признак интеллекта» (см. таблицу 2)		
Положительная оценка	13 (1)	23 (1)
Отрицательная оценка	3 (3)	-
Нейтральная оценка	10 (2)	14 (2)
Группа 3 «интеллектуальный человек в профессиональной деятельности» (см. таблицу 3)		
Человек-техника	3 (4)	3 (3)
Человек-человек	13 (1)	14 (1)
Человек-знак	5 (3)	4 (2)
Человек-художественный образ	2 (5)	-
Человек-смешанная группа	9 (2)	14 (1)
Человек-хозяин	2 (5)	-
Группа 4 «интеллектуальные предметы и животные» (см. таблицу 4)		
Объект гражданских прав	1 (6)	4 (6)
Объект развлечения	12 (2)	22 (2)
Представление о некоторых животных	2 (5)	10 (4)
Предмет или явление в искусственной сфере	2 (5)	-
Социальное взаимоотношение индивида	3 (4)	5 (5)
Научные предметы	10 (3)	13 (3)
Современные технологии и техники	14 (1)	24 (1)
Представление о времени	1 (6)	-

Заключение

В итоге, мы приходим к заключению о том, что при изучении концепта «интеллект» в рамках проведенного ассоциативного экспериментального анализа по следующей позиции, как «ассоциация интеллекта», «признак интеллекта», «интеллектуальный человек в профессиональной деятельности» и «интеллектуальные животные, предметы и явления», обнаруживается тот факт, что представление тех русских, кто живет в Таиланде давно, об интеллекте гораздо богаче представления тех русских, кто приехал в Таиланд отдохнуть, так как у второй группы русских испытуемых отсутствует реакции отрицательной оценки признака интеллекта, профессии, относящейся к художественному образу и других. Возможно предположить, что тех, кто приехал в Таиланд отдохнуть, в меньшей степени, размышляют, обдумывают что-либо, так как самым главным для них считаются расслабление, развлечения и прочие. А наоборот рус-

ские, кто живет в Таиланде давно, работают, проживают и поэтому, в большей степени, размышляют.

В рамках ассоциации представление тех русских, кто живет в Таиланде давно, об интеллекте отличается от представления тех русских, кто приехал в Таиланд отдохнуть, тем, если интеллект первой группы русских, в первую очередь, ассоциируется с образовательной сферой и сферой знаний, то интеллект второй группы русских — со способностями мыслить, рассуждать, быстро найти решение и дальше с образовательной сферой. Однако у нас обнаружено общее содержание концепта «интеллект» между двумя группами русских, то есть интеллект, на первый взгляд, положителен (*высший, особый, блестящий, развитый* и другие), связан с профессией, где люди или группа людей стали предметом труда (*педагог, психолог, юрист, преподаватель*), и связан с представлением о современных технологиях и техниках (*компьютер, робот, гаджеты*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова С. В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике / С. В. Архипова // Вестник Бурятского государственного университета. — 2011. — № 11. — С. 6–9.
2. Волобуева О. Н. Концептуальное поле «человек и его интеллект» в русской и английской фразеологии: диссертация ... кандидат филологических наук / О. Н. Волобуева. — Тюмень, 2011. — 268 с.
3. Горюшко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е. И. Горюшко. — Москва: группа «РА — Каравелла», 2001. — 320 с.
4. Денисенко В. Н. Современные психолингвистические методы анализа речевой коммуникации: Учеб. пособие / В. Н. Денисенко и Е. Ю. Чеботарева. — М.: РУДН, 2008. — 258 с.
5. Кормильцева А. Л. Лексическое поле «женский интеллект» в русском и английском языках (на примере устойчивых выражений): диссертация ... кандидат филологических наук / А. Л. Кормильцева. — Казань, 2015. — 228 с.
6. Крюков А. В. Концептуализация интеллектуальных характеристик человека: На материале русского и английского языков: диссертация ... кандидат филологических наук / А. В. Крюков. — Волгоград, 2005. — 176 с.
7. Крючкова Н. В. Лингвокультурное варьирование концептов Саратов / Н. В. Крючкова. — научная книга, 2005. — 165 с.
8. Миронова Н. И. Ассоциативный эксперимент: методы анализа данных и анализ на основе универсальной схемы / Н. И. Миронова // Вопросы психолингвистики. — 2011. — С. 108–119.
9. Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира / Т. В. Леонтьева; под ред. Е. Л. Березович. — Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. — 280 с.
10. Стернин И. А. Психолингвистическое значение слова и его описание / И. А. Стернин и А. В. Рудакова. — «Ламберт», 2011. — 192 с.

© Аруноаст Парит (hutlism@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

МИФОЛОГЕМА «ЛУНА» И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Ван Юе

К.филол.н., преподаватель, Пекинский университет
авиации и космонавтики
yp20092011@163.com

THE MYTHOLOGEM "MOON" AND ITS REFLECTION IN THE POETRY OF THE SILVER AGE (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND CHINESE LITERATURE)

Wang Yue

Summary. The turn of the 19th-20th centuries is one of the most mysterious eras in the world of fiction. The search for a new harmonious form of being led to a surge in mythological worldview. Within the scope of this phenomenon the image of moon in Silver Age poetry acquired features of mythologization. It became a mythologem entrenched into artistic quests in Russia and China at the turn of the 19th and 20th centuries. This article shows how 'moon' is interpreted in the works of both Russian and Chinese poets of the time period under consideration and presents a comparative analysis of 'moon' as a mythology element in both Russian and Chinese poetry.

Keywords: mythology; world poetry; Silver Age; Russian literature; Chinese literature; mythopoetics.

Аннотация. Эпоха рубежа XIX–XX веков — одна из самых загадочных в мировой художественной литературе. Поиск новой гармоничной формы бытия обусловил всплеск мифологического мировосприятия. В сфере данного явления черты мифологизации приобретает образ луны в поэзии Серебряного века, мифологема, закрепившаяся за комплексом художественных исканий в России и Китае на рубеже XIX–XX веков. В данной статье показано, как трактуется луна в творчестве русских и китайских поэтов рассматриваемого нами временного периода, дается сопоставительный анализ мифологемы «луна» в русской и китайской поэзии.

Ключевые слова: мифологема; мировая поэзия; Серебряный век; русская литература; китайская литература; мифопоэтика.

Художественная культура России рубежа XIX–XX как завершающая классико-романтическое искусство и вместе с тем несущая ростки новой художественной модели — XX века — постоянно является объектом искусствоведческого интереса. Эпоха рубежа XIX–XX веков часто отождествляется у исследователей с декадансом, упадком, с утратой ощущения единства духовной культуры человека [11, с. 58]. Это время интерпретируется как совокупность взлета, избытка и, одновременно, истончения искусства [1, с. 83]. Спасение от «разъедающего» расхождения мышления в конце XIX столетия виделось представителям своего времени в новой гармоничной форме бытия, «мерцающей» истинной целостностью. Решение проблемы представители литературных кругов видели в создании концепции синтеза всех сфер духовной деятельности человека, «искусственного» синкретиза, призванного восстановить «утраченную гармонию» [цит. по: 9, с. 516]. Этим объясняется и актуализация мифологического мировосприятия, попытка по-новому осмыслить и переосмыслить первоэлементы мифологического сознания с целью формирования новой, отвечающей современности, модели мира и представления о нем.

Между мифом и действительностью, по утверждению А. Белого, нет принципиальной разницы: «...по закону диалектического развития всегда будет казаться, что прошлое изживает себя в мифах, настоящее — в научных понятиях, а грядущее — в тех формах, которые являются соединением понятия и мифа, или в прошлом — субъективное фантазирование, в настоящем — трезвая ясность, в будущем — точная фантазия, или фантастика точности (объективная фантазия)» [4, с. 178].

Многочисленные салоны и кружки Серебряного века представляли собой подобие мистических союзов древности: пифагорейцев и неоплатоников; ессеев и апостольской общины; египетских жрецов и индийских брахманов, которые творили мифы и разыгрывали мистерии. Вл. Соловьев говорил о поэтах и художниках будущего как теургах, а Вяч. Иванов полагал, что «возможно говорить и о мифотворчестве, исходящем от них или через них» [8, с. 162]. Художественная элита Серебряного века слагает новые мифы о «мистическом событии, о космическом таинстве» [там же, с. 158], предвещает наступление времени «не только теснейшей общественной сплоченности, но и новых форм коллективного со-

знания», «когда личность будет окончательно поглощена целым» [там же, с. 98–100].

В культуру вернулось мифопоэтическое мироощущение, однако неомифологизм принципиально отличался от мифологии древности. Опыт архаических эпох в культуре рубежа XIX–XX веков перерождается в новый «живой», а подчас и авторский миф. Образ идеального мира виделся художникам слова сквозь призму собственных мифологических представлений и символов. Он воссоздавался в их творчестве и собственной жизни. Мифологизация художником собственной жизненной судьбы стали фактами биографий А. Блока, Вяч. Иванова, А. Белого, А. Скрябина.

По сути, мифологемой является и само название Серебряный век, закрепившееся за комплексом художественных исканий в России рубежа XIX — XX веков. В данном исследовании предпринята попытка рассмотреть Серебряный век русской и китайской художественной литературы с точки зрения отражения в их поэзии мифологемы «луна». В русских мифологических представлениях упоминается о Серебряном веке, следующим за Золотым, и представляющем собой некую закатную полосу эволюции человечества.

Со временем оба эти понятия стали олицетворять эпохи расцвета литературы. Впервые их сопряжение встречается по отношению к древнеримской поэзии. В памятниках древней словесности понятие «серебряный век» упоминается совместно с именами Сенеки, Марциала, Ювенала. Архаические архетипы сознания, очевидно, образуют важную часть человеческого существа и в кризисные эпохи, каким был Серебряный век, проявляются с максимальной интенсивностью.

В русском национальном сознании Серебряный век обычно трактуется как сопоставление с пушкинским Золотым веком [5, с. 99]. «Память о солнце в сердце слабеет», — напишет Анна Ахматова. И, действительно, лунная символика словно вытесняет солнечную. Она влияет на художественную атмосферу Серебряного века. Господство «луны» на художественном «небосклоне» рубежа XIX — XX веков это, по сути, возвращение древнего лунарного мифа.

По отношению к культуре солнца мифологема «луна» является контрастом, который существует между днем и ночью, светом и тьмой. День — это свет; ночь — время мистики, тайны, теней. Поэтому Луна почти во всех мифологиях предстает не как самостоятельный, а именно как контрастный образ. На фоне противопоставления «луна» — «солнце» в языках разных народов возникают мифы, легенды, овеянные нескончаемой тайной. Атрибуты лунной символики заметно заполняют литерату-

ру, живопись, музыку. Под воздействием «мистики луны» Александр Блок дает жизнь Ночной Фиалке и её тёмной сестре Снежной Маске. На свет появляется новая демонология Фёдора Сологуба «Мелкие бесы». Отметим также Мережковского с «Христом и Антихристом», как и Вячеслава Иванова со всеми, кто восходил в его Башню.

Так, в поэзии Н. Гумилева метафоры, образы и символы, связанные с луной, очень важны для понимания художественного, мифопоэтического смысла его произведений. «Метафора — не простое сравнение, а сравнение, доведенное до такой степени близости сравниваемых предметов, что они как бы полностью сливаются друг с другом в воображении автора», — пишет Э.Я. Фесенко [14, с. 155].

В незавершенной китайской поэме Н. Гумилева «Два сна» герой-ребенок по имени Тэн Вэй читает «старинные стихи», принадлежавшие на самом деле поэту эпохи Тан Лю Вэю («Луна уже покинула утесы, / Прозрачным море золотом полно...») [6, с. 364]. Вольный перевод стихотворения Лю Вэя «Луна на море» («Луна уже покинула утесы...») помещен и в сборник «китайских стихов» Н. Гумилева «Фарфоровый павильон». Замысел «китайской поэмы» возник у Гумилева в момент работы над «Фарфоровым павильоном», а перевод стихотворения Лю Вэя «Луна на море» вошел в поэму в качестве «старинных стихов», которые читает мечтатель Тен Вэй гостям своего отца — «ученейшего мандарина».

В стихотворении «Луна на море» стихотворении «Луна на море» сцена созерцания луны (лунного столба, отраженного в море) связана с образом «рощ рая» и мотивом странствия к раю, характерным для творчества Гумилева: «Другие верят, / Это к рощам рая / Уходят тени набожных людей, / А третьи с ними спорят, утверждая, / Что это караваны лебедей» [там же].

На стихотворение «Поэт» повлияла характерная для творчества Гумилева трактовка луны как магического и, в то же время, женственно-коварного начала. Лирической героиней поэзии Н.С. Гумилева стала «дева Луны», находящаяся под покровительством богини Луны (Дианы-Артемиды, Истар-Астарты и других богинь «лунного» пантеона). Одну из самых ярких трактовок образа-символа луны мы находим в неоконченной повести «Гибели обреченные»: «Одного только боялся он — луны. Когда всходила она, та, которой он не смел назвать имя, он чувствовал, как томление, доходящее до ужаса, мучительная грусть и еще что-то кольцом охватывает его сердце, и ему хотелось острым камнем разодрать себе грудь, броситься с утеса в море, сделать что-нибудь ужасное и непоправимое, только бы уйти от этого взгляда, печально вопрошающего о том, на что нет ответа» [7, Т. 6, с. 10].

Метафора «взгляд луны», присутствующая в этом фрагменте, используется для того, чтобы подчеркнуть «нездешний ужас», охвативший героя под этим взглядом, подобным взгляду коварной женщины. Под пристальным взглядом луны герой чувствует близость неизвестного, запредельного начала бытия. Тремограст из «Гибели обреченных» любит солнце, ветер и море, но боится луны, которую воспринимает как врага, с которым рано или поздно придется столкнуться («Еще не раз во времени встретятся их взоры, перекрестятся их пути, и одному из них придется уступить» — [там же]). В стихотворении «Поэт» лирический герой чувствует ответный взгляд богини-Луны («Не вовсе чужой я прекрасной богине, / Ответный я чувствую взгляд» [6, с. 368]) и видит в луне «зеркало души», в которое не может не заглянуть подлинный поэт.

В стихотворении «Поэт» лирический герой не только глядится в зеркало луны, но и уподобляет «зеркалу духа» свое собственное сознание («Во взоры поэтов, забывших про женщин, / Отраднo смотреться луне, / Как в полные блеска чешуи драконов, / Священных поэтов морей» [там же]).

Гумилев использует метафору «смотреться луне», подчеркивая, что луна, как женщина — в зеркало, смотрит в глаза поэта. Упоминание о чешуе драконов связано с тем, что рисунок, напоминавший чешую священного дракона, наносился на одеяние китайских императоров. Китайский дракон «Лунь» вместе с единорогом, фениксом и черепахой считался одним из четырех священных животных и входил в «четверку совершенных». Лунь в китайской мифологии наделен божественным достоинством и подобен ангелу, который вместе с тем лев. Считалось, что чешуя дракона своим блеском подобна драгоценным камням и зеркалам.

Как отмечает автор-составитель сборника сказок, А. Афанасьев в своем труде «Поэтические воззрения славян на природу»: «... миф знает двух божественных сестер — Зорю Утреннюю и Зорю Вечернюю; одна предшествует восходу солнца, другая провожает его вечером на покой» [1, с. 57]. Фантастические образы, порожденные народным воображением и воплощающие злое начало, — Касцей Бессмертный, Кикимора, Баба-Яга — также творят свои «козни» в мрачное ночное время. Поэтому «портреты» этих персонажей вбирают в себя разнообразные оттенки «лунной палитры»: в характеристиках

Касцей присутствует сумрачный, зловещий колорит, Кикимора и Баба-Яга подаются А. Афанасьевым как персонажи таинственные, способные магически зачаровывать других литературных героев.

В сфере лунной символики особое место занимает вода, которая издревле считается стихией Луны. Поэтому водный поток становится своеобразным символом нового мироощущения в эпоху Серебряного века.

Здесь уместно вспомнить одно из определений эстетического смысла красоты водной стихии Вл. Соловьева: «... Этот текучий элемент есть связь неба и земли, и такое его значение наглядно является в картине затихшего моря, отражающего в себе синеву и сияние небес. Еще яснее этот характер водяной красоты в гладком зеркале озера или реки» [13, с. 367]. Действительно, водная поверхность нередко рассматривается как зеркало, так как одно из общих значений этих материй — отражение. Так же, как и вода, зеркало является лунным символом, олицетворяя собой диск Луны. Поэтому с древнейших времен оно мыслится как граница между мирами и магической связи отражения и отражаемого [5, с. 99]. В мифологической литературе можно встретить много легенд и мифов об озерах, как о чудесных природных зеркалах, разделяющих естественный и сверхъестественный миры.

По аналогии с архаическим природным мифом, в котором День сменяется Ночью, «золотой» век уступил место «серебряному». Однако если в мифологии доисторических народов сцены из великой драмы природы — столкновения между светом и тьмой — носили естественный природный характер, и человек твердо знал, что за ночью всегда наступает день и начинается новая жизнь, то Серебряный век стал завершающей фазой русской классико-романтической литературы.

Таким образом, мифологема «луна» заняла прочную позицию на художественном небосклоне рубежа XIX–XX веков и стала символом «угасания» литературы, упадка данной эпохи. Настроение «заката» проникает и в русскую символистскую поэзию. Луна и ее мифологическое отражение актуализируется не только в творчестве молодых авторов, но и интуитивно проявляются в произведениях зрелых художников слова, чье мироозернение и творческий стиль сформировались задолго до начала эпохи Серебряного века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Азиян И. А. Диалог искусств Серебряного века. — М.: 2001.
2. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. — Т. I. — М.: 1865. — С. 86.
3. Белый А. Ритм и действительность // Красная книга культуры / Отв. ред. И. Т. Фролов; Сост. В. Рабинович. М.: Искусство, 1989.

4. Бидерман Г. Энциклопедия символов. — М.: 1996.
5. Гумилев Н. Золотое сердце России. Сочинения. Кишинев: Литература артистикэ, 1990.
6. Гумилев Н. Полное собрание сочинений в 10 т. М.: Воскресенье, 1997–2008.
7. Иванов, Вяч. Родное и вселенское. М., 1994.
8. Маркелова, Е. Е. Мифопоэтика луны в русском искусстве рубежа XIX — XX веков / Е. Е. Маркелова // Известия Самарского научного центра РАН. — Самара, 2012. Т. 14. -№ 2(2). — С. 516–520.
9. Раскина, Е.Ю., Ревво, Ю. А. Метафоры, образы и символы, связанные с луной, в поэзии Н. Гумилева / Е. Ю. Раскина, Ю. А. Ревво // Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. — Самара, 2016. -№ 3. — С. 95 с.
10. Сарабьянов Д. В. Стиль модерн. — М.: 1989.
11. Скрынникова О. «Золотой петушок» — загадки мифа // Музыкальная академия. — 2008. — № 1. — С. 134–141.
12. Соловьев В. С. Красота в природе // Соловьев В. С. Соч. в 2-х тт. («Философское наследие»). — Т. 2. — М.: 1990. — С. 366,367.
13. Фесенко Э. Я. Теория литературы. М.: Академический проект, Фонд «Мир», 2008.
14. Шахматова, Е. В. Мифотворчество Серебряного века / Е. В. Шахматова // Вестник Томского государственного университета. — Томск, 2009. -№ 64. — С. 78–85.

© Ван Юе (yp20092011@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Пекин

ПУТИ ЗАИМСТВОВАНИЯ И ЭТИМОЛОГИЯ ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ

Добродомов Игорь Георгиевич

Д.филол.н., профессор, Московский педагогический
государственный университет
lg4@mail.ru

THE WAYS OF LINGUISTIC BORROWING AND ETYMOLOGY OF COGNATE WORDS

I. Dobrodomov

Summary. The article deals with the etymology of the words "magazine" *kaznachej* ("store"), "kazna" ("treasury"), "kaznachej" ("treasurer"), which came to the Russian language in different ways from the Arabic language. It is found that these words go up to the same source and they are cognate words. Different ways of linguistic borrowing led to the differences in their phonetic and morphology.

Keywords: linguistic borrowing, phonetic composition, word form, cognate word, grammatical meaning.

Разные пути заимствования одного и того же слова из одного и того же языка может приводить к их разному фонетическому и морфологическому оформлению, причем в результате борьбы между этими вариантами одни из них исчезают из языка, зато другие не только выживают, но и становятся основой для образования новых слов, как это произошло, например, со словом *магазин* в русском языке и некоторыми родственными с ним.

Большинство этимологических словарей относят слово *магазин* к заимствованиям Петровской эпохи. Правда, на конкретные обстоятельства и пути заимствования составители словарей не всегда обращали достаточное внимание.

В Петровскую эпоху слово встречается в трех разновидностях: *магазин*, *магазейн* (магазеин) и *магацын* (магацин), — но с почти одинаковым значением: 'клад, хранилище' [4], иногда с уточнением: 'житной двор и погреб питейной'.

Форма *магазин*, с ударением на последнем слоге, восходит к французскому *magasin* непосредственно, просторечная форма *магáзин* с ударением на предпоследнем слоге свидетельствует о польском посредстве (*magazyn*), ибо, как известно, ударение во французских словах падает на последний слог, а в польских на предпоследний. В форме *магазейн* (магазеин) отражены особенности голландского произношения (голландское *magazijn* 'клад', где *ij* читается как *ей*). Третья форма *магацын* возникла из немецкого *Magazin*, утраченная в русском языке, в то время как голландский вариант бы-

Аннотация. В статье рассматривается этимология слов «магазин», «казна», «казначей», которые пришли в русский язык разными путями из арабского языка. Установлено, что данные слова восходят к одному источнику и являются однокоренными. Разные пути заимствования обусловили их различное фонетическое и морфологическое оформление.

Ключевые слова: заимствования, фонетический состав, форма слова, однокоренное слово, грамматическое значение.

товал до середины XIX в., но впоследствии был вытеснен словом *магазин*. Почти за три столетия существования в русском языке слово *магазин* на основе первоначального значения 'клад' развило новое — 'лавка, большое и хорошо устроенное торговое заведение', которое стало центральным, оттеснив первоначальное значение в область специальной терминологии.

Интересно отметить, что в XVIII в. у лексемы развивалось также значение 'журнал'. Ежемесячный журнал «Магазин общепользных знаний и изобретений» выходил в 1795 г. Под названием «Магазин» выходило еще несколько журналов и альманахов вплоть до середины XIX в. Сейчас *магазин* употребляется в значении 'журнал' в ряде европейских языков, но в русском языке это значение утрачено.

Относительно развития значения следует еще заметить, что еще в начале XX в. *магазином* могло называться только крупное торговое заведение, более мелкое называлось *лавкой*.

Слово *магазин* и в значении 'клад' широко употреблялось в XIX в. Когда в «Капитанской дочке» мы читаем: «А Алексей Иваныч у меня-таки сидит в хлебном магазине под караулом, и шпага его под замком у Василисы Егоровны», — то следует помнить, что здесь речь идет не о булочной, а о складе, где хранилось зерно.

Кроме современного литературного названия *магазин* и просторечного *магáзин*, В.И. Даль отмечает в русских народных говорах формы *магазей*, *магазея* и даже *гамазея* со значением 'зданье или помещенье для хлеб-

ных запасов' [2]. В украинском и белорусском языках *магазея* и *гамазей* 'хлебный амбар', в болгарском языке наряду со словом *магазин* есть также и *магазия*, в сербскохорватском — *магаза*.

М. Фасмер предлагает оригинальное объяснение русских диалектных слов *магазей* и *магазея*, а также более редкой формы *гамазея*. Он считает, что основой для форм *магазей*, *магазея* послужило заимствование из голландского языка *магазейн-вахтер* (*magazijnwachter* 'содержатель судового имущества, сторож при магазине-складе'). Первая часть слова, по мнению М. Фасмера, была воспринята как русское имя прилагательное с суффиксом *-н-*, подобно прилагательным *елейный* (елей), *трофейный* (трофей), *кисейный* (кисея) *колейный* (колея). Из этого мнимого имени прилагательного *магазейн*, согласно предположению М. Фасмера, получилось новое имя существительное *магазей* или *магазея* [6].

Однако формы *магазей*, *магазея* имеют слишком широкое распространение не только в русском языке, но и за его пределами (украинский, белорусский языки, болгарский язык с формой *магазин*), чтобы предполагать такое происхождение слова. Скорее всего, следует принять другое объяснение его истории, выдвинутое М. Фасмером еще в 1909 г. в одной из ранних работ, где он возводит русские диалектные формы к новогреческому слову *μαγαζί* (с заменой конечного ударного *-и* на *-ей*, *-ея*). Отсюда могли получиться также болгарское *магазин* и сербскохорватское *магаза* с заменой конечного *и́* новогреческого слова на окончание *-а*. Связано с новогреческим и южнославянским *магаза* также турецкое *tagaza* и ногайское *магазы* (в составе сложного слова *ермагазы*).

Что касается истории западноевропейских имен (французское *magasin*, голландское *magazijn*, немецкое *Magazin* и т.п.), то их обычно возводят к арабскому слову *махзан* 'склад, хранилище', а несоответствие между фонетическим составом арабского и европейских слов оставляют необъясненным, ограничиваясь указанием на «переоформление» арабского *махзан*, очевидно, в момент заимствования [7].

Объяснение причин преобразования арабского *махзан* в европейское *magasin*, *magazin* дал ленинградский лингвист Б. В. Казанский. Он отметил, что слово *магазин* перешло в русский язык через Запад из арабского языка в форме множественного числа. Это замечание является безусловно верным, но дальнейшее пояснение ошибочно: «Непосредственно с Востока нами взята была в старину более верная форма *магазея*, но она не вошла в литературный язык, так как казалась «простонародной» по сравнению с западным *магазин*» [3].

Действительно, состав гласных в слове *махзан* изменился еще на арабской почве при образовании так называемой ломаной формы множественного числа *махазин*. Но, попав в Европу через итальянский и французский языки, в которых нет заднеязычного глухого фрикативного согласного типа *x*, форма *махазин* получила вместо согласного *x* близкий к нему заднеязычный звонкий взрывной согласный *g* (*g*) и в этой огласовке была заимствована русским языком.

Арабское имя существительное *махзан* (множественное число *махазин*) является так называемым именем места, образованным с помощью приставки *ма-* от глагольного корня *хазана* 'хранить', который состоит из трех согласных звуков — *хзн*, выражающих основное лексическое значение 'сохранение, хранение'. Добавляемые к корню гласные, как это обычно в семитских языках, служат для морфологической характеристики слова и выражают грамматические значения.

Среди многочисленных производных от этого корня интерес представляют слова *хазна* 'сокровищница, помещение для хранения' *хазйна* 'сокровище, казна', которые являются прототипом русского имени существительного *казна*. Но в русский язык прямо эти слова попасть не могли: во-первых, не совпадает место ударения, во-вторых, нет полного соответствия начальных согласных (*х* и *к*). На первый взгляд, для его заимствования можно предположить французское посредство, так как во французском языке все слова имеют ударение на последнем слоге и отсутствует звук *x*, который мог быть заменен согласным *к* (или *г* как в слове *магазин*). Такому предположению противоречат два факта: во-первых, во французском языке нет близкого по звучанию и значению слова; во-вторых, *казна* в русском языке встречается в то время, когда французский язык еще не мог оказывать влияния на русский язык.

И. И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка» отмечает первый случай употребления *казна* в 1389 г. — в одной грамоте Дмитрия Донского. Несколько раньше, в грамоте около 1359 г., встречается также слово, родственное *казне*, — *казначей* со значением 'заведующий казной' [5]. Необычный суффикс имени существительного *казна* находит соответствия только в тюркских языках (к числу тюркских языков, родственных по происхождению, относятся современные — ногайский, казахский, татарский, башкирский, узбекский, туркменский, турецкий и др., а также мертвые языки — половецкий, печенежский и др.), есть там и имя существительное, которое звучит близко к русскому *казначей*.

Следовательно, непосредственным источником русских имен существительных *казна*, *казначей* являются тюркские языки, которые выступают посредниками

между русским и арабским языком. Такое предположение вполне закономерно: во-первых, в тюркских языках ударение падает на последний слог, во-вторых, для большинства тюркских языков звук *z* является характерным и обычно заменяется звуком *k*, звук *x* встречается преимущественно в поздних заимствованиях. М. Фасмер указывает, что возможным источником русского имени существительного *казна* могли быть турецкое и крымско-татарское *хазна* или *казан*, тюркско-татарское *хазинэ* (хэзинэ). Но из этих языков мы могли бы заимствовать слово с обычным у нас звуком *x*, а татарское слово, кроме того, русские воспроизвели бы со звуками *э* и *и*. Из современных тюркских языков в слове *казна* начальное *k* (более глубокое, чем русское *к*) имеется, например, в казахском языке: *қазна* и вариант с кратким звуком *ы* — *қазыны*. Но с казахами русские установили связи несколько позже, чем слово *казна* отмечено в русском языке, поэтому следует искать более древний источник. Слово *казна* встречается в старинном слове-половецкого языка, составленном в самом начале XIV в. и называемом по-латински «Codex cumanicus», то есть «Куманская (половецкая) книга». Половецкое *казна* может отражать как арабское *хазна*, так и *хазина*; в тюркских языках внутри слова звук *и* произносится очень кратко и даже иногда исчезает совсем. Другие памятники половецкого языка, относящиеся уже к началу XVII в., отмечают это слово в форме *хазна* [1]. Это наблюдение показывает, что русские могли заимствовать слово *казна* только из раннего половецкого языка. Впрочем, памятники половецкого языка могли отражать разные его диалекты.

Придя в русский язык, имя существительное *казна* стало быстро русифицироваться. Уже в Тверской летописи под 1379 г. встречается написание *казня*, здесь конечная часть слова сближается с суффиксом *-ня* в исконных русских словах. Отмечено в Толковом словаре В. И. Даля прозвище тульских оружейников, работавших на казен-

ном оружейном заводе, *казюк* от мнимого корня *каз-*, выделяемого в слове *казна* [2]. О переразложении слова *казна* на русской почве говорит и имя прилагательное *казенный*, в котором вставка гласного звука между *з* и *н*, а также характер этого звука могут служить доказательством сближения последней части слова с суффиксом *-ня*. Это сближение тем более вероятно, что в некоторых говорах этот суффикс встречается в виде *-на*; *колокольня* и *колоколъна*. Ср. также старое: *челобитня*, *челобитна* и *челобитная*, *челобитье*.

Лингвистический анализ позволил установить, что внешне ничем не похожие слова *магазин* и *казна* являются однокоренными. Казалось бы, можно возвести к этому же корню и существительное *казан* 'котел', которое в русский язык также пришло из тюркских языков. Но это внешнее сходство слов *казна* и *казан* оказывается случайным, ибо последнее слово в тюркских языках является исконным и его согласные звуки лишь случайно совпали в некоторых тюркских языках, где арабское *x* передавалось как *к* (глубокозаднеязычное). От тюркского названия котла *казан* и географическое название *Казань*.

Из русского языка лексемы *магазин* и *казна* проникли во многие языки народов нашей страны, в том числе и в тюркские. В ногайском языке *магазин* встретилось в более старой форме *магазы* (обычно в составе сложного слова *ермагазы* 'погреб, землянка') из греческого, близким к русским диалектным *магазей*, *магазезя*. Устаревшее ногайское существительное *казна-шай* 'кассир' является переделкой заимствованного из русского языка слова *казначей*. Исконно ногайское образование должно звучать *казнашы*. В узбекском языке русское *магазин* встретилось со старым заимствованием из арабского *хазина* 'казна, клад' и своим старым единственным числом *махзан* 'сокровищница, клад'. Но и здесь «старые родственники» не узнали друг друга, как не узнали друг друга в русском языке *казна* и *магазин*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Вып. 4. Алма-Ата; Издательство Казахской Академии наук, 1962. 214 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 2. 780 с.
3. Казанский Б. В. В мире слов. М.: Авалонь, Азбука-классика, 2008. 320 с.
4. Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб.: Типография Академии наук, 1910. 384 с.
5. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 томах. Т. 1. СПб.: Издательство Императорской Академии наук, 1893. 1420 стб. + 49 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева: в 4 т. М.: Издательство «Прогресс», 1967. Т. II. 671 с.
7. Шанский Н. М., Иванов ВВ., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

© Добродомов Игорь Георгиевич (lg4@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОИЗВЕДЕНИЯ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА «СОЛО НА УНДЕРВУДЕ» И «СОЛО НА ИВМ», «ЗОНА», «ЗАПОВЕДНИК», «РЕМЕСЛО» В КОНТЕКСТЕ РОМАНОВ ИЛЬИ ИЛЬФА И ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВА «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК», «12 СТУЛЬЕВ»

**SERGEY DOVLATOV'S WORKS
"SOLO ON UNDERWOOD"
AND "SOLO ON IBM", "ZONE", "RESERVE",
"CRAFT" IN THE CONTEXT OF NOVELS
BY ILYA ILF AND EVGENY PETROV
"GOLDEN CALF", "12 CHAIRS"**

S. Zaitseva

Summary. Our hypothesis is that one of the subtexts of Sergey Dvlatov's works is the novels of Ilf and Petrov. The study will identify common motives; common metaphors; common images, United by external similarity, actions, speech characteristics, common subjects of works by Dvlatov and Ilf and Petrov. The Parallels between the novel "Komromiss" and the novels by Ilf and Petrov will be reduced, as a more complete analysis was presented at the International conference of young philologists of the Department of Slavic Philology of the University of Tartu in April 2018. The research methods are comparative analysis and text analysis. The result of the study is the identification of Parallels between the novels of Dvlatov and Ilf and Petrov. In this paper, we consider the Parallels between the works of Sergei Dvlatov "solo underwood" and "solo IBM", "Zone", "Reserve", "Craft" and the novels of Ilya Ilf and Eugene Petrov "Twelve chairs" and "Golden Calf". The study of Parallels between the novels of Sergey Dvlatov and Ilya Ilf and Evgeny Petrov is relevant and significant. To date, there are no studies relating to the stated topic. We do not find Parallels between the works of Dvlatov and Ilf and Petrov in dissertation research, monographs of identification and study.

Keywords: parallel, subtext, image, character, plot, novel, collection, research, comparison.

Зайцева Светлана Александровна
К. ф. н., доцент, Московский государственный
лингвистический университет
sveta_gallery@mail.ru

Аннотация. Наша гипотеза состоит в том, что один из подтекстов произведений Сергея Довлатова — это романы Ильфа и Петрова. В ходе исследования будут определены общие мотивы; общие метафоры; общие образы, объединяемые внешним сходством, поступками, речевыми характеристиками, общими сюжетами произведений Довлатова и Ильфа и Петрова. Параллели между повестью «Компромисс» и романами Ильфа и Петрова будут представлены редуцированно, так как более полный анализ был представлен на Международной конференции молодых филологов отделения славянской филологии Тартуского университета в апреле 2018 года. Методами исследования являются сравнительный анализ и анализ текстов. Результатом исследования является выявление параллелей между повестями Довлатова и романами Ильфа и Петрова. В данной работе мы рассмотрим параллели между произведениями Сергея Довлатова «Соло на ундервуде» и «Соло на ИВМ», «Зона», «Заповедник», «Ремесло» и романами Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой Теленок». Изучение параллелей между повестями Сергея Довлатова и романами Ильи Ильфа и Евгения Петрова актуально и значимо. До настоящего времени исследований, касающихся заявленной темы не существует. В диссертационных исследованиях, монографиях выявления и изучения параллелей между произведениями Довлатова и Ильфа и Петрова мы не находим.

Ключевые слова: параллель, подтекст, образ, персонаж, сюжет, повесть, роман, сборник, исследование, сопоставление.

В последние годы в России стала актуализироваться тема творчества Сергея Довлатова. О жизни Довлатова и по мотивам его произведений снимаются художественные и документальные фильмы, пишутся диссертационные исследования и монографии, организовываются фестивали его имени. В 2015 году Сатнислав Говорухин снял фильм «Конец прекрасной эпохи» по мотивам довлатовского «Компромисса», в 2018 году Алексей Герман (младший) снял фильм «Довлатов». В Таллине в 2011 году прошел первый фестиваль, посвященный Сергею Довлатову. Фестиваль стал ежегодным. Со 2 по 4 сентября 2016 года

в Санкт-Петербурге в честь юбилея Сергея Довлатова прошел фестиваль «День Д». Второй фестиваль прошел в 2017 году. В 2018 году организаторами фестиваля было принято решение о его отмене из-за нехватки средств. В 2014 году в Псковской области — в доме, где снимал комнату Довлатов, когда работал экскурсоводом в Пушкинских горах, открылся первый в России музей Довлатова, а с 2015 года в Пушкинских горах проходит фестиваль «Заповедник» [8–10].

Обращаясь к филологическим исследованиям творчества Сергея Довлатова, мы видим, что есть исследова-

ния, посвященные выявлению гоголевских, лермонтовских, пушкинских традиций в произведениях Довлатова. В электронной базе данных Российской государственной библиотеки представлено 24 диссертационных исследования, касающихся творчества Сергея Довлатова. Обращает на себя внимание то, что в диссертационных работах рассматриваются произведения Сергея Довлатова в контексте русской канонической литературы, произведения Сергея Довлатова и его современников. Также есть диссертации, посвященные изучению комического начала и иронии в произведениях Довлатова, в том числе и сопоставление с Зощенко.

В англоязычной литературе исследований творчества Сергея Довлатова немного. Так, в каталоге библиотеки Тартуского университета мы находим всего 37 источников. При этом исследований, касающихся заявленной темы нет.

Литературные традиции в связи с Довлатовым затрагивались (такими исследователями, как, Г.А. Доброзракова, А.Г. Плотнокова, Н.В. Корюкина [13].

Мы находим ссылки на интересующую нас тему у Шкляринского [19], Валерия Попова (одна из глав его книги «Довлатов» названа «Чеканный профиль командора», несколько раз словосочетание «чеканный профиль» используется в книге как метафора). Леонид Парфенов в своей передаче «Парфенон 3» говорит о тождестве отношения современной читающей публики к творчеству Довлатова с отношением предшествующих поколений читателей к романам Ильфа и Петрова [12].

Как И. Ильф и Е. Петров, так и С. Довлатов продолжают по-своему традиции Гоголя, Достоевского, Чехова. Исследований, касающихся своеобразия романов И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1928) и «Золотой теленок» (1931) не так много. Так, в базе данных диссертаций Российской государственной библиотеки мы находим восемь диссертаций, касающихся творчества Ильфа и Петрова. Исследование произведений «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» в контексте русской литературы не проводилось [12]. Литература, посвященная изучению творчества Ильфа и Петрова, в основном относится к советскому периоду, например, монографии Бориса Галанова (1961 год), Лидии Марковны Яновской (1969 год). Петр Вайль в 2011 году провел очередную программу из цикла «Герои времени», в которой приняли участие культуролог Мариэтта Чудакова, актеры Сергей Юрский и Арчил Гомиашвили. Героем стал Остап Бендер [14].

Сергей Гандлевский в своей статье «Странные сближения» в журнале «Иностранная литература» № 10 за 2004 год убедительно доказывает наличие «следов»

в произведениях Набокова образов, сюжетов произведений Ильфа и Петрова [4].

Зарубежные исследователи также не касались заявленной темы. При этом, интерес к творчеству Сергея Довлатова мы видим как среди русскоязычных эмигрантов (П. Вайль, А. Генис, Г. Владимов, И. Серман, М. Таранов и др.), так и американских исследователей (У. Гудман, А. Каррикер, К. Розенберг, С. Рута, Ф. Уильяме, Д. Уолтон, Г. Фили, Д. Финне, Э. Хоффман и др.). Мы обратимся к исследованию итальянского слависта Л. Сальмона [18], который в своей монографии «Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова» затронул тему природы довлатовского смеха, дав определение этому феномену как «юморизм». В 2009 году выходит диссертация «Книга С. Д. Довлатова «Наши» и традиция семейного романа» южнокорейского довлатоведа Ким Хен Чона. Его научным руководителем был Игорь Сухих, автор книги «Сергей Довлатов: время, место, судьба». Ким Хен Чон сопоставляет повесть с романами Л.Н. Толстого «Анна Каренина», Н. Федоровой «Семья» и В. Пановой «Времена года». В 2009 году вышла монография Е. Янг «Sergei Dovatov and his narrative masks», в которой исследователь выявил влияния русских классиков на прозу С. Довлатова, в частности, о пушкинских традициях в повести «Заповедник» и переключках текста «Зоны» с «Записками из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского.

Автор данной статьи — докторант кафедры русской литературы Тартуского университета. Тема диссертационного исследования: «Ценностный релятивизм в произведении Ценностный релятивизм в произведениях Сергея Довлатова эстонского периода (1972–1975 гг.)». Опубликованы следующие статьи: «Создание управляемого образа: Сергей Довлатов — от литератора к бренду», «Управляемый образ — от литературного текста к бренду (на примере повести «Компромисс» С. Д. Довлатова)», «Культурологический подход к осмыслению ценностной составляющей в литературном произведении С. Довлатова «Компромисс»», «Бескомпромиссный «Компромисс» С. Довлатова [8–11]. Последняя статья вышла в сборнике отделения славянской филологии Тартуского университета.

В апреле 2018 года автор данной статьи выступил на Международной конференции молодых филологов отделения славянской филологии Тартуского университета на Литературоведческой секции с темой ««Двенадцать стульев» и двенадцать «компромиссов» С. Довлатова» [8–12]. Помимо идентифицирующих признаков романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» Ильфа и Петрова с «Компромиссом» Довлатова, мы эти признаки видим и в других произведениях.

Объектом исследования данной работы являются тексты повестей Сергея Довлатова: заметки «Соло на ун-

дервуде» и «Соло на IBM», повести «Зона», «Заповедник», «Ремесло» и романы Ильи Ильфа и Евгения Петрова «двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Наша гипотеза состоит в том, что один из подтекстов произведений Сергей Довлатов — это романы Ильфа и Петрова. Методами исследования являются сравнительный анализ и анализ текстов. Частично будет применен структурный анализ для определения внутренних связей текстов Сергея Довлатова.

Результатом исследования является выявление параллелей между произведениями Сергея Довлатова «Соло на ундервуде» и «Соло на IBM», «Зона», «Заповедник», «Ремесло» и романами Ильи Ильфа и Евгения Петрова «двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Новизна и значимость исследования в том, что в России и за рубежом нет исследований, касающихся выявления параллелей между произведениями Довлатова и Ильфа и Петрова.

Англоязычные авторы не касались изучения заявленной темы. Так, Уильям Гудман, Александра Каррикер, Розенберг Карен размышляли о сюжетах и персонажах повести «Компромисс». Фрэнк Уильямс осмысливал своеобразие культуры питания.

Сам Довлатов так оценивал творчество Ильфа и Петрова в «Соло на ундервуде»: «Существует понятие «чувство юмора». Однако есть и нечто противоположное чувству юмора. Ну, скажем — «чувство драмы». Отсутствие чувства юмора — трагедия для писателя. Вернее, катастрофа. Но и отсутствие чувства драмы — такая же беда. Лишь Ильф с Петровым умудрились написать хорошие романы без тени драматизм».

Совмещение текстов Сергея Довлатова с текстами Ильи Ильфа и Евгения Петрова может показаться методологически неверным. Однако, мы можем обосновать корректность данного подхода следующим образом.

Во-первых, следует учесть, что с пространственно-временной точкой зрения Остапа Бендера постоянно совмещена авторская позиция (в системе Б.В. Томашевского это герой-скрытый повествователь), довольно важна его автохарактеристика в «Золотом теленке»: «Я, конечно, не херувим. <...> но я чту Уголовный кодекс. Это моя слабость» (*Ильф И. Петров Е. 1933 — Ильф И. Петров Е. Золотой теленок. М., 1933*). Довлатов еще последовательнее в отказе от деления героев на «грешников» и «праведников». В повести «Компромисс» в «Компромиссе третьем» мы читаем: «В этой повести нет ангелов и нет злодеев... <...> Да и в жизни их не существует» (*Довлатов С. 2016 — Довлатов С. Компромисс. СПб., 2016, стр. 14*). Таким образом, мы видим идеологическое сходство авторов двух эпох:

ни один герой не ограничен никакими пороками и добродетелями.

Во-вторых, в произведениях Сергея Довлатова, Ильи Ильфа и Евгения Петрова представлена классическая линия русской литературы — «образ лишнего человека». В произведениях Ильи Ильфа и Евгения Петрова «лишние» — это «бывшие», как отмечали критики С.Б. Ингулов и Ф.В. Гладков. С.Б. Ингулов в статье «Симптомы опасности» утверждал, что писатели «разучились видеть революцию в ее новой формации, на новом этапе ее развития», «героем нашего времени» в их произведениях является «никудашник», «это не строитель, а растратчик жизни». Ф.В. Гладков в статье «В чем опасность», подобно Ингулову, видел опасность «в склонности некоторых литераторов живописать так называемых лишних людей современности». Сами Ильф и Петров означили персонажей своих произведений как «чужие» «Эх, Киса,— сказал Остап,— мы чужие на этом празднике жизни» (*«Двенадцать стульев», гл. 2б*). Фраза Остапа почти без изменений перекочевала в роман из дневника Ильи Ильфа, который вместе с Петровым побывал в Пятигорске в июне 1927 года: «...попали в “Цветник”. Взяли 32 копейки. Вообще берут. Обещают музыку. Но что за музыка, ежели все отравлено экономией. <...> На празднике жизни в Пятигорске мы чувствовали себя совершенно чужими». Сергей Довлатов, в одном из писем Владимовым пишет: «Последние лет десять я пишу на одну-единственную тему, для русской литературы традиционную и никогда никем не отменявшуюся — о лишнем человеке. При том, что, по моему глубокому убеждению, все люди — более или менее лишние, а все проблемы в принципе неразрешимые» (*Письма Сергея Довлатова к Владимовым // Звезда. — 2001. — № 9. Режим Доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/9/pisma.html>*) Таким образом, Сергей Довлатов, Илья Ильф и Евгений Петров разрабатывают общую тему — «лишние» и «чужие».

В третьих, Сергей Довлатов «примерял» персонажей романа «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова на себя и своих коллег [9]. В одном из писем Сергея Довлатова Людмиле Штерн, речь в котором идет об открытии газеты «Новый американец» (письмо датировано 8-м июнем 1979 года), мы читаем: «Мои товарищи и коллеги — прелесть. Расскажу о них коротко. Боря Меттер — Остап, командор. Женя Рубин — Паниковский, я — Шура Балаганов. < Алексей > Орлов — Адам Козлевич. И «антилопа» есть. Все, кроме меня, умеренно и охотно пьющие. Все рослые и толстые. Широкие и веселые...». Таким образом, мы можем предположить, что Довлатов «примерял» образы романов Ильфа и Петрова и на образы героев своих произведений.

Перейдем к конкретным параллелям. Как было отмечено, параллели между повестью «Компромисс», и рома-

нами Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» были изучены и представлены на Международной конференции молодых филологов 2018 года. В данной работе отмечен общий мотив, который не был озвучен на конференции. В романе «Двенадцать стульев», в главе XV «Дышите глубже, вы взволнованы», описывается пуск первого в Старгороде трамвая: трамвай серии «Щ». Упоминание о данной серии скорее всего является иронией авторов. Серия «Щ» перестала выпускаться в 1905 году. События, описываемые в романе, происходят весной 1927 года, преподносятся как достижение технического прогресса, а его символом стал паровоз давно устаревшей конструкции. В «Компромиссе шестом» сборника новелл «Компромисс» Довлатова, мы встречаем персонаж по фамилии Алиханов «... филолог. Точнее — лингвист. Бывший надзиратель. Человек многоплановой жизни...». Алиханов о своих занятиях говорит следующее: «Я занимаюсь проблемой фонематичности русского “Щ”... Далее мы читаем: «Есть такая проблема? <...> животрепещущих...». Здесь мы видим связь между повестями Довлатова и Ильфа и Петрова через букву «Щ»: трамвай серии «Щ», проблема фонематичности «Щ».

Обратимся к сборнику «Соло на уднервуде», с заметки о Евгении Рейне и сопоставим ее с одним из сюжетов из романа «Золотой теленок». В главе четвертой романа «Золотой теленок» «Антилопа гну», в которой повествуется о том, как сыновья лейтенанта Шмидта «гусекрад» Паниковский, Остап Бендер и Шура Балаганов вместе с водителем Козлевичем отправляются в город Черноморск на розыск подпольного миллионера Корейко. Подавив бунт Паниковского, Бендер планирует мошеннический путь присоединения к автопробегу по городам, что должно позволить наладить снабжение компании, рассказывает об этом компаньонам: «Речь великого комбинатора произвела огромное впечатление. Козлевич бросал на командора преданные взгляды. Балаганов растирал ладонями свои рыжие вихры и заливался смехом. Паниковский, в предвкушении безопасной наживы, кричал “ура”» [12]. Готовясь к ночевке, Паниковский, развел костер у дороги, сбегал в поле и принес свежий огурец. Голодный Остап немедленно вырвал у него огурец сказав: «Не делайте из еды культа» съел его не поделившись с остальными. У Сергея Довлатова в «Соло на уднервуде» мы находим сюжет-аналог: поэт Евгений Рейн, приехав в Москву пригласил к себе в гости женщину, обещал угостить ее дефицитной в СССР колбасой и водкой. Идя к Рейну, женщина встретила по дороге Сергея Вольфа: «Пойдем, — говорит ему, — со мной. У Рейна есть бутылка водки и четыреста граммов сервелата». Пошли. Рейн увидел их в окно. Страшно рассердился. Бросился к столу. Выпил бутылку спиртного. Съел четыреста граммов твердокопченной колбасы. Это он успел сделать, пока гости ехали в лифте» [10]. Оба сюжета могут

быть обобщены ставшей крылатой фразой: «не делайте из еды культа».

А теперь обратимся к заметке «Соло на IBM», где автор повествует о приезде Громыко в Лодзь и сопоставим с одним из сюжетов «Золотого теленка». Бендер и Корейко, имея миллионные состояния не имеют возможности их тратить по своему усмотрению. Они пытаются улететь самолетом с Турксиба, однако пилот объясняет, что он не может брать на борт «простых пассажиров», так как это спецрейс. Расставшись с Корейко, Бендер в первом же городе не сумел попасть в гостиницу: «Ничего не выйдет, гражданин.— Отвечал Портье.— Конгресс почвоведов приехал в полном составе. Забронировано за представителями науки». В лучшем ресторане города Бендер вынужден ждать полтора часа, пока не пообедуют почвоведы. В «большом волжском городе» не оказалось свободных номеров ни в одной гостинице: «Разве что через месяц,— с сомнением говорили отельные заведующие с бородками, и без бородок, и усатые, и просто бритые,— покуда на электроцентрали не смонтируют третий агрегат, и не надейтесь. Все под специалистов отдано. И потом — окружной съезд комсомола. Ничего не можем поделывать». Бендер замечает: «И это путь миллионера! — думал он с огорчением.— Где уважение? Где почет? Где слава? Где власть?». Сергей Довлатов как бы в противоположность Ильфу и Петрову в «Соло на IBM» привел пример обратной стороны силы — силы людей власти в СССР: «В Лодзь приехал советский министр Громыко. В ходе пышного приема Громыко спросил писателя Ружевича куда можно сходить по малой нужде. «Вам? Переспросил Ружевич. -... вам...езде!!!». Этим «езде» автор подчеркивает силу тоталитарной власти в СССР и странах сателлитах.

Сопоставим сюжеты театральных постановок в повести Сергея Довлатова «Зона» и романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». В главах тридцатой и тридцать четвертой романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» повествуется о том, как Остап Бендер и Ипполит Воробьянинов в поисках стула с сокровищами после неудачи с аукционом обнаружили четыре стула, которые купил театр Колумба. Остап и Ипполит выяснили, что театральная труппа должна выехать на теплоходе «Скрябин» в агитационную поездку по проведению тиражей выигрышного займа. Остап сумел попасть на пароход, выдав себя за художника оформителя вместо заболевшего профессионала, оговорив условия взять на пароход и Воробьянинова как помощника. Остап получил от «толстенького заведующего хозяйством плавучего тиража» Симбиевича-Синдиевича все, что хотел, заявив: «Ну, ладно,— сказал Остап со вздохом,— соглашаюсь» [21]. В повести Сергея Довлатова «Зона», в котором повествуется о подготовке к празднику Великого Октября. Замполит Хуриев вызвал Бориса Алиханова к себе и зая-

вил, что к празднику готовится пьеса «Кремлевские звезды». По мнению Хуриева, Алиханов должен принять участие в подготовке праздника: «Вы человек культурный, образованный, мы решили привлечь вас к этому делу». На возражения Алиханова: «Я же не имею отношения к театру...», Хуриев заявил: «А я, думаете, имею? И ничего, справляюсь. Но без помощника трудно». Хуриев в заключении заметил: «Ну, так приступайте. Очередная репетиция сегодня в шесть. Будете ассистентом режиссера. Дежурства на лесоповале отменяются. Капитана Токаря я предупрежу». На это Алиханов отвечает: «Не возражаю». Мы видим, что и Бендер, и Алиханов достигли своих целей, как и Симбиевич-Синдиевич и Хуриев.

Сравним сюжеты о театральных постановках, описанные в романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и в повести Довлатова «Зона». Бендер вместе с Воробьяниновым решили убедиться в наличии у театра «Колумб» стульев, для чего предприняли поход в театр на постановку «Женитьбы» по Гоголю. Постановка оказалась неклассической, абсурдной. В первом акте Подколесин выехал на сцену верхом на Степане, одетый в камергерский мундир, подаваемые реплики не имели отношения к тексту: «Подколесин возопил: Степааан, одновременно с этим он прыгнул в сторону — Степа-а-а-ан!! — повторил Подколесин, делая новый прыжок <...> Но так как Степан, стоящий тут же и одетый в барсовую шкуру, не откликнулся, Подколесин трагически спросил:

— *Что же ты молчишь, как лига наций?*

— *Очевидно я Чемберлена испужался, ответил Степан, почесывая шкуру»... Второй акт постановки был не менее абсурден. Агафья Тихоновна на протянутой проволоке через весь зал спустилась на сцену: « Она была в трико телесного цвета и мужском котелке, балансируя зеленым зонтиком с надписью: Балансируя зеленым зонтиком с надписью: «Я хочу Подколесина», она переступала по проволоке, и снизу всем были видны ее грязные пятки».*

Обратимся к описанию сюжета пьесы «Кремлевские звезды» в повести Сергей Довлатова «Зона». По сюжету пьесу пересказывает замполит Хуриев: «Довожу основную мысль. Центральная линия пьесы — борьба между чувством и долгом. Товарищ Дзержинский, пренебрегая недугом, отдает всего себя революции. Товарищ Ленин настоятельно рекомендует ему поехать в отпуск. Дзержинский категорически отказывается. Параллельно развивается линия Тимофея. Животное чувство к Полине временно заслоняет от него мировую революцию. Полина — типичная выразительница мелкобуржуазных настроений...<...> Ее идеал — мещанское благополучие. Тимофей переживает конфликт между чувством и долгом. Личный пример Дзержинского оказывает на юношу сильное моральное воздействие. В результате

чувство долга побеждает...». А вот характеристики исполнителей, данные замполитом Хуриевым: «...в роли Дзержинского Цуриков. По делу у него совращение малолетних. В роли Тимофея -Геша, придурок из санчасти, пассивный гомосек, в роли Полины — Томка Лебедева из АХЧ, такая бикса, хуже зечки, короче публика еще та» [39]. По абсурду темы и исполнителей Сергей Довлатов идентифицирует авангардную «Женитьбу» с «Кремлевскими звездами».

Теперь сравним повести Сергея Довлатова «Заповедник» и роман Ильфа и Петрова «Золотой теленок». В романе «Золотой теленок» авторы описывают как разбогатевший с помощью Корейко А. И. Остап Бендер приезжает из Средней Азии в Москву и встречается на вокзале Шуру Балаганова. В привокзальном буфете Бендер рассказал о своих делах и о получении от Корейко денег. «Неужели тарелочка? Спрашивал он восхищенно. <...> Да-да тарелочка. Подзащитный принес в зубах, долго махал хвостом, прежде чем я согласился взять». На вопрос Остапа о том, сколько денег для полного счастья нужно Шуру, получил следующий ответ: «Балаганов долго думал несмело улыбаясь и наконец объявил «шесть тысяч четыреста рублей и что с этой суммой ему будет на свете очень хорошо». Остап выдал ему пятьдесят тысяч рублей: «Ух как я теперь заживу. Бедный Паниковский. Он конечно нарушал конвенцию, но бог с ним». Остап пригласил Балаганова в отель, где забронировал номер по телеграфу для дирижера симфонического оркестра. Остап обещал Балаганову привести его гардероб и самого в порядок: «Перед Вами, Шура, открываются врата великих возможностей». Из транспорта был выбран трамвай, переполненный пассажирами. В результате тесноты Балаганов и Бендер разошлись в разные стороны вагона. В месте, где находился Балаганов, раздались крики о краже грошевой сумочки, которая оказалась в его руках. Владелец пятидесяти тысяч украл сумочку, в которой был один рубль семьдесят копеек. Проходя мимо Остапа, Шура горестно шептал: «Что же это такое, ведь я машинально».

В повести «Заповедник» Сергей Довлатов описывает знакомство с местным фотографом-алкоголиком Валерой Марковым, чей образ близок образу и поведению Шуры Балаганова. Выходя из запоя, Валера Марков мог много заработать: «Зарабатываю много... выйду из запоя, и сразу капусты навалом. Каждая фотка — рубль. К вечеру — сотня. Что остается делать — пить!» Марков, запихивая деньги в пакет, бросил на пол несколько бумажек, но даже не подумал их поднять, однако подойдя к стойке бала взял бутылку «Аждама» — «...отраву за один рубль сорок копеек: «Поразительно устроен российский алкаш. Имея деньги — предпочитает отраву за рубль сорок. Сдачу не берет... Да я и сам такой...»

Обратимся к сюжетам повести Довлатова «Ремесло» указывающим на идентификацию автопсихологического персонажа с одним из образов романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок». Довлатов описывает «свой» образ жизни в начале пребывания в Америке, куда он иммигрировал из Советского Союза: «Начиналась моя жизнь в Америке крайне безмятежно. Месяцев шесть как подobaет российскому литератору валялся на диване». Благотворительные организации выдавали его семье деньги, мебелью и одеждой делились американские соседи: «Уехавшие раньше старые друзья делились ценными советами, содержавшие практические указания. Жена довольно быстро нашла работу в русской газете «Слово и дело» машинисткой, зарабатывала сто пятьдесят долларов в неделю. Домой она возвращалась поздно... Мои накопившиеся за день философские соображения выслушивала без особого интереса». «Валяясь» на диване автор мечтал получить работу, непонятно какую именно: «Кому я русский журналист и литератор мог предложить свои услуги? Тем более что английский я не знал. Как впрочем не знаю и теперь.» Как и в первом отрывке во втором автор проводит время в раздумьях лежа на диване. Добавилось то, что приходили друзья и «тоже» ложились, благо были еще два свободных дивана. Излюбленным занятием было ругать американцев. По словам присутствующих они наивны, черствы и бессердечны. Дружить с ними невозможно, «водку пьют из маленькой посуды»: «Мировые проблемы американцев не волнуют... А главное — демократия под угрозой... Но мы ее спасем! Расскажем всему миру правду о тоталитаризме. Научим президента Картера руководить страной, дадим ряд полезных советов».

Сравним эпизод с описанием жизни одного из персонажей и обитателя коммунальной квартиры, названной «Воронья слободка» в романе «Золотой теленок», своеобразную личность, пытающуюся уяснить «все многообразное значение русской интеллигенции» — Васисуалия Андреевича Лоханкина. Основное время Васисуалий Андреевич проводит лежа на диване, в раздумьях о значении русской интеллигенции в обществе, о своем значении в обществе как представителя русской интеллигенции: «продолжительные думы Лоханкина сводились

к приятной и близкой теме: «Васисуалий Лоханкин и его значение», «Лоханкин и трагедия русского либерализма» и «Лоханкин и его роль в русской революции». Иногда Лоханкин отвлекался от раздумий, созерцал книги: «Большая медицинская энциклопедия, «Жизнь животных» Брэма, гнедичевская «История искусств», пудовый том «Мужчина и женщина», а также «Земля и люди» Элизе Реклю. «Рядом с этой сокровищницей мысли, — неторопливо думал Васисуалий, — делаешься чище, как-то духовно растешь». На какую-либо службу Лоханкину времени не оставалось, его благополучие было основано на трудовой деятельности жены Варвары: «наряду с множеством недостатков у Варвары было два существенных достижения: большая белая грудь и служба. Сам Васисуалий никогда не служил, служба ему помешала бы думать о значении русской интеллигенции».[12]

Сопоставив сюжеты повестей Сергея Довлатова: «Соло на ундервуде» и «Соло на IBM», «Зона», «Заповедник», «Ремесло» с сюжетами романов Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» мы можем отметить, что их связывают общие мотивы, образы, метафоры объединяемые внешним сходством, речевыми характеристиками, общими сюжетами. Таким образом, подтверждается заявленная гипотеза о том, что подтекстом произведений Сергея Довлатова являются романы Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Данная гипотеза была подтверждена в ходе выступления на апрельской Международной конференции молодых филологов 2018 года (определение связей между повестью С. Довлатова «Компромисс» и романами И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»). В дальнейшем будут сопоставлены повести Сергея Довлатова «Филиал» и «Иностранка» с повестями Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Гипотезы состоят в следующем. Есть тождество между сюжетами выборов в «новое» правительство России, описанных в «Филиале» Довлатова и «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова. Есть тождество между персонажами Марии Татарович, живущей в Нью-Йорке из повести «Иностранка» Довлатова и «ничьей бабушки», живущей в «Вороньей слободке» (коммунальная квартира) Москвы из повести «Золотой теленок» Ильфа и Петрова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бескомпромиссный «Компромисс» С. Довлатова // РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ. № 28, 2018, Режим доступа: <http://dspace.ut.ee/handle/10062/59783>
2. Вашукова М. Особенности восприятия и анализа философско-юмористической прозы 60–90-х гг. XX века в 11 классе: На примере произведений С. Довлатова и Ф. Искандера: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.02 [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. — Москва: 2005
3. Гудман У. О книге С. Довлатова «Компромисс» // Звезда. 1994. № 3.
4. Гандлевский С. Странные сближения // Иностранная литература. 2004, № 10.
5. Доброзракова Г. Творчество С. Довлатова в контексте традиций русской литературы (обзор исследований). — режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-s-dovlatova-v-kontekste-traditsiy-russkoy-literatury-obzor-issledovaniy> Доброзракова Г. Алиханов и Печерин. — режим доступа: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200601214>

6. Доброзракова Г. Пушкинский миф в творчестве Сергея Довлатова: дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01; [Место защиты: Сам. гос. пед. ун-т]. Самара: 2007
7. Доброзракова Г. Поэтика С. Д. Довлатова в контексте традиций русской литературы XIX — XX веков: дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. — Москва: 2012
8. Довлатов С. Собрание сочинений. Том 4, Азбука-классика, 2003 С. 207
9. Довлатов С. Малоизвестный Довлатов. М., 2017, Т. 4, С. 321.
10. Довлатов С. Собрание прозы в четырех томах, — СПб., 2017, Т. 1, с. 147.
11. Довлатов С. Ремесло. — СПб. 2016, режим доступа: <http://www.sergeidovlatov.com/books/remeslo.html>
12. Ильф И. Петров Е. Золотой теленок. — М.2008, Т. 2., С. 201.
13. Корюкина Н. Комическое в художественном тексте и его межкультурная транслируемость: на материале произведений М. Зощенко и С. Довлатова и их англоязычных переводов: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20; [Место защиты: Ур. гос. пед. ун-т]. — Екатеринбург, 2008
14. Остап Бендер Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/24204525.html>
15. Плотникова А. Традиции русской классической литературы в творчестве С. Д. Довлатова: дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01; [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. — Москва: 2008
16. Поливанов А. «Псеводокументализм» в русской неподцензурной прозе 1970–1980-х годов: Вен.В. Ерофеев, С. Д. **Довлатов**, Э. В. Лимонов: диссертация ... кандидата филологических наук: [Место защиты: Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ)]. — Москва: 2010
17. Семкин А. Д. Чехов. Зощенко. Довлатов. В поисках героя. — Санкт-Петербург, ООО «Островитянин», 2014.
18. Сальмон Л. Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова. М., 2008.
19. Шкляринский Александр. Чехов, Ильф, Довлатов: из записных книжек. Alexandria Publishing, 1999.
20. Международная конференция молодых филологов (International conference of young philologists). Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/mol_fil_2018_programma.pdf
21. Ильф И. Петров Е. Двенадцать стульев. — М.2018, С.263–285

© Зайцева Светлана Александровна (sveta_gallery@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный лингвистический университет

ФЕНОМЕН ЖУРНАЛИСТИКИ В ПУБЛИКАЦИЯХ М.О. МЕНЬШИКОВА 1891–1900 ГОДОВ¹

PHENOMENON OF JOURNALISM IN PUBLICATIONS M.O. MENSHIKOVA IN 1891–1900

N. Krizhanovsky

Summary. The article presents the results of a study aimed at understanding the phenomenon of journalism in the publications of M. O. Menshikov in the "Week" ("Nedelya") and "Books of the "Week"" ("Knizhki "Nedeli") in the years 1891–1900. The study revealed that the understanding of journalism by a journalist is inextricably linked with the main processes that took place in Russian and foreign journalism at the end of the 19th century. The author analyzed a large layer of Menshikov's articles on journalism and revealed publicist ideas about the role of journalism in society and about the personality of a journalist, which are based on the primacy of conscience, awareness of the positive and negative qualities of journalism manifested in the era of scientific and technological progress and capitalist relations.

Keywords: M. O. Menshikov, journalism, journalist, publications, ideal, problems, freedom of speech.

Крижановский Николай Игоревич

*К. филол. н., доцент, Армавирский государственный педагогический университет
nicolaykri@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, направленного на осмысление феномена журналистики в публикациях М. О. Меньшикова в «Неделе» и «Книжках «Недели»» в 1891–1900 годах. В ходе исследования выявлено, что осмысление публицистом журналистики неразрывно связано с основными процессами, протекавшими в русской и зарубежной журналистике конца XIX века. Автор проанализировал большой пласт статей Меньшикова о журналистике и выявил представления публициста о роли журналистики в обществе и о личности журналиста, которые базируются на примате совести, осознании положительных и отрицательных свойств журналистики, проявленных в эпоху развития научно-технического прогресса и капиталистических отношений.

Ключевые слова: М. О. Меньшиков, журналистика, журналист, публикации, идеал, проблемы, свобода слова.

Последние несколько лет творчество М. О. Меньшикова стало объектом пристального внимания ученых филологов и историков [см, например: 1; 2; 3; 4; 5; 28; 30; 31]. Тем не менее, о восприятии Меньшиковым феномена журналистики на современном этапе науки написано немного. В. Б. Трофимова в предисловии к двухтомнику «Великорусская идея» [26] анализирует публикации Меньшикова в «Новом времени» и формулирует ряд особенностей понимания особенностей функционирования журналистики в обществе. Так, важнейшей для Меньшикова проблемой, связанной с журналистской деятельностью, В. Б. Трофимова назвала проблему свободы слова и печати. Она обращается к статьям 1915–1916 годов «Седьмая держава», «"Пророки" и держиморды», «Долг печати», «Мрачные предсказания г. Милюкова». В них особо выделены мысли публициста о «невероятной несвободе русской печати» [26, с. 63], необходимости искренности и свободы слова в журналистике [Там же], об объединении журналистов разных стран для общего служения принципам национальной и личной

свободы [26, с. 65], о значимости совести в журналистской профессии (там же), о связи цензурной несвободы печати и подъема революционного движения [26, с. 67]. В этой работе отмечена и обозначенная Меньшиковым в статье «Золотое сердце» одна из задач печати — содействие «усиленному развитию прежде всего технического образования» [26, с. 60], для того чтобы скорейшим образом Россия догнала Запад. Тем не менее, в исследовании Трофимовой нет ни обращения к статьям Меньшикова о журналистике, напечатанным в «Неделе» и «Книжках "Недели"», ни полного освещения работ о журналистике и журналистах в «Новом времени». В работе Н. И. Крижановского о проблемах права в творчестве Меньшикова [4] кратко рассмотрены его представления о задачах публициста, сформулированные в период работы в «Неделе». Важнейшими из них названы отображение «слабых мест» общества и открытие новых всеобщих проблем, незаметных для специалиста-практика [4, с. 93]. Кроме того, рассмотрены негативные аспекты воздействия печати на судебную систему [4, с. 97] Наша задача — продолжить

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 18–012–00070 «Публицистика М. О. Меньшикова (1859–1918): проблемно-тематический спектр, эволюция миропонимания, критико-философские диалоги с современниками (К 100-летию трагической гибели публициста)».

работу по осмыслению понимания М. О. Меньшиковым феномена журналистики на основе публикаций 1891–1900 годов.

1890-е годы для русской журналистики были эпохой бурного роста и окончательного перехода от доминирования журнальной печати к главенству газетной. Кроме этого в это время был заложен фундамент для последующего расцвета отечественной печати в начале XX века, названного Г. В. Жирковым «золотой век» [2] русской журналистики (1900–1914). М. О. Меньшиков рассматривал разные аспекты феномена журналистики во многих публикациях, приближая своими публикациями в «Неделе» «золотой век». С переходом в 1901 году в «Новое время» журналист сам становится его активнейшим участником и мощнейшим представителем.

В начале 1890-х Меньшиков уделял серьезное внимание изменениям в российской и мировой печати. До конца 1900 года, то есть до времени закрытия «Недели», он опубликовал около двух десятков статей, которые были посвящены различным вопросам функционирования журналистики. Среди них «Газетное наводнение», «Адмирал-редактор», «Призвание журналистики», несколько статей в циклах «Заметки», «На очереди», «Отклики».

В статье «Газетное наводнение» (одна из первых публикаций, посвященных журналистике) Меньшиков обозначил важнейшие проблемы развития печати. Публицист указал на усиление роли газет в обществе, начавшееся их господство над печатью журнальной. Газеты, по его мнению, не приняты всерьез критикой, но их влияние на общественное мнение все сильнее [7, стб. 817]. Публицист называл газеты «продуктом нашего века», а их появление считал закономерным в век «пара и электричества» [Там же]. В статье Меньшиков впервые назвал газету «форумом новейшей цивилизации», а также «бесконечной энциклопедией» [7, стб. 819]. Тем самым он указал на важные функции ежедневной периодической печати — предоставлять право голоса всем и давать полезные знания.

В этой фактически первой публикации о журналистике в «Неделе» прозвучала ставшая впоследствии традиционной в работах Меньшикова тема отставания России от стран Запада. Сопоставляя Россию с США и Европой по количеству газет, свободе слова, различию ролей журналист констатирует: «В нашем скромном по культуре отечестве, при наших 90 (на всю Россию) ежедневных политических газетах, питающихся притом преимущественно иностранною политикой, мы и представить себе не можем размеры роли газет на Западе и в Америке» [Там же]. Особенно впечатлил публициста факт практически одновременного появ-

ления газет в начале XVIII века в России и США и наметившееся за два века отставание нашей страны более чем в 100 раз по количеству периодических газетных изданий. Меньшиков связал такой разрыв с разрывом технологическим: за океаном давно шло мощное железнодорожное строительство и развитие применения пара в различных областях промышленности США. Говоря о развитии американской печати, Меньшиков отмечал экономическую, политическую, образовательную и интегрирующую роли ежедневной прессы в современном западном обществе [Там же]. Особо он останавливался на последней, объединяющей общество функции печати: «В Америке, говорит “N. Zurichher Zeitung”, вопрос, к каким общественным слоям принадлежат читатели газет, не имеет смысла, потому что там газеты читаются решительно всеми, начиная с крупного банкира и кончая последним разносчиком» [Там же]. Повсеместное чтение газет в американском обществе Меньшиков связывал именно с погруженностью общества в экономику, ведь «газета теснейшим образом связана с трудовой жизнью страны» [Там же].

Публицист также отмечает, что кроме развития газеты способны принести и упадок в отдельные сферы жизни. Так, проникновение капитала в газету и преобразование ее в центральный объект для чтения создает в США серьезную почву не только для ухода книги как основного источника знаний, но и для снижения численности журналов и библиотек [7, стб. 820]. Еще одна негативная черта охваченного газетами мира, которую выделил Меньшиков — усиление влияния печати на психологию масс, на общественное мнение. На смену возвышенной литературе приходит более стихийная и низкокачественная газета, а на смену вдумчивому читателю — читатель с небрежным чтением: «Голова культурного человека, прежде представлявшая спокойное и многолетнее жилище хотя и небольшой семье идей, но семье сжившейся, сроднившейся и составлявшей одно сердечное целое, — превращается теперь в проходной двор для многочисленной и случайной толпы» [Там же]. А умственный голод в период существования редких и дорогих книг сменился периодом пресыщения газетным чтением и «газетным наводнением», «грозящим потопить более благородный мир книжной словесности вместе с его обитателями» [7, стб. 821].

В статье «Газетное наводнение» Меньшиков проповедовал предсказать дальнейшее развитие мира коммуникаций и технологий: «... Не в далеком будущем будет стоить только прижать кнопку квартирного фонографа, чтобы он пересказал вести последнего часа» [7, стб. 818]. Что это: прообраз новостного теле-, радиоканала или устройства с функцией голосового чтения, озвучивающего выложенный в интернет новостной

блок, а может, ответы на вопросы о новостях, полученные с помощью голосовых помощников?

Отметив в статье «Газетное наводнение» положительные стороны развития газетной печати, связанные с развитием техники, экономики, интеграцией общества, Меньшиков обозначил и отрицательные — падение интереса к серьезному, основательному и культурному чтению книг, стремление владельцев газет и репортеров угнаться за привлекательными для читателя материалами, вторжение крупного капитала в производство газет и стремление к лучшему спросу. Значимо в этой статье и отсутствие указания на высокий нравственный ценз для журналистики. Такое нехарактерное для последующих материалов М. О. Меньшикова явление можно объяснить тем, что цель статьи была показать развитие газетного дела на Западе и отсталость России. А Запад на протяжении значительной части жизни Меньшикова был своего рода высоким технологически развитым ориентиром, поэтому критика в его адрес была редкой особенно в первой половине 1890-х.

Идеи первой публикации о журналистике в «Неделе» были вскоре развиты в большом, на несколько номеров, журнальном материале «Книжечек “Недели”» за 1892 год под заголовком «Призвание журналистики» («Книжки “Недели”». 1892. № 4–7). Эта статья впоследствии с небольшими доработками была переиздана в сборнике «О писательстве» (СПб, 1898). В начале работы Меньшиков отметил вторжение в жизнь нового влиятельного сословия, которое проникает во все уголки общества и способно повлиять даже на правительства мощных держав, — журналистов [27, с. 159–160]. Несмотря на то, что журналистика — явление еще молодое, не до конца определившееся, публицист ставил ее в один ряд с такими значимыми достижениями человечества, как электричество и пар [27, с. 163]. Меньшиков использовал свой излюбленный прием биологического, дарвинистского сравнения: с обретением железных дорог, пара и электричества человеческое общество «из стадии бесформенного слизняка, части которого не связаны сосудами и нервами» [Там же] перешло в стадию высшего существа: у него «прорезались многочисленные артерии — железные дороги и густая сеть нервов — телеграфных линий» [27, с. 163–164]. Мозгом такого общества Меньшиков назвал интеллигенцию, а голосом — журналистику [27, с. 164].

В статье Меньшиков смог показать самые разные процессы, протекающие в мировой журналистике: стремительное развитие печати в XIX веке на Западе Европы и в США в сравнении с отстающей Россией [27, с. 168–170], обретение журналистикой политической роли, социально-интегрирующей и просветительской

функций [27, с. 171–174], обозначил пороки, связанные с вторжением в журналистику капиталистических отношений и конкуренции [27, с. 189], показал негативные стороны журналистики, связанные с подкупом, шантажом, ложью, поверхностностью, проституированием печатного слова, проявившихся на региональном и мировом уровнях [27, с. 190–213], объяснил причины отрицательного отношения к репортерам общества их низким поведением в соответствии с «дарвиновской моралью» [27, с. 200], связал нравственный упадок в журналистике с общим упадком нравственности интеллигенции [27, с. 223]. Кроме этого публицист отметил, что в обязанности журналиста входит выражение мнения, соотношенного с научными знаниями и человеческим опытом, стремление быть учителем толпы и посредником между публикой и художественным творчеством (своего рода «третьей судьей») [27, с. 228–229], а также умение стоять на страже «общественных интересов» [27, с. 229] во внешней и внутренней политике.

Гласность Меньшиков назвал одним из главных внешних условий существования полезной для общества журналистики, ставя ее выше свободы, равенства и братства. Благодаря гласности журналистика в новом обществе может стать «самым деятельным началом прогресса», «великим орудием» [27, с. 231], которое должно попасть в чистые руки. Для этого журналисты должны обладать не только талантом и энергией, но и важнейшим качеством — совестью [27, с. 233].

Особо стоит отметить мысли Меньшикова, связанные с его пониманием идеального государственного устройства. Он считал, что одна из значимых причин падения нравственности — технический прогресс, который «внес анархию в область духа, растлил народную душу» [27, с. 223]. Поэтому задача человека конца XIX века — возродить дух, продолжить великое дело «построения культуры» [Там же]. Констатируя нравственное разложение значительной части журналистики за границей и в России, Меньшиков заявлял: «Мы должны верить, что возрождение возможно, что рассеянное теперь, как пар в пространстве, обессиленное творчество воспрянет из хаоса, соберется и отвоюет свой потерянный престол в человечестве» [Там же]. Высокие, патетические слова о возрождении духа адресованы в первую очередь интеллигенции, являющейся, по мнению публициста, носителем духовных ценностей, «нравственно и умственно одаренной» [276, с. 224]. Меньшиков подчеркивал господствующую общественную роль одухотворенной интеллигенции, которой должна будет подчиниться толпа. Он понимал, что такое преставление — отрицание главного политического принципа «господства демократии» [Там же]. Но, впадая в противоречие, считал свою мысль пра-

вильной, поскольку «главный интерес человечества — не господство, а счастье» [Там же].

В статье проявлено представление Меншикова об оптимальном устройстве общества: «Мне кажется, демократия охотно и без всяких споров уступила бы господство настоящей аристократии, и это было бы истинным устройством общества, естественною организацией, для всех наилучшей» [27, с. 225]. Меншиков выдвигал требования к настоящим новым аристократам-интеллигентам: быть «аристократией духа», а значит, проявлять геройство, беззаветную храбрость, культ чести и самоотверженность [Там же]. Так публицист стремился утвердить необходимость возникновения в обществе национальной элиты (истинной аристократии), которая была бы «в состоянии вдохнуть в эту сырую массу (народ. — Н.К.) сознание, только она создает культуру» [27, с. 226].

Мечта об аристократах духа, проявляющих «талант и отвагу» [27, с. 227], — это мечта об идеальном построении общества, в котором журналистика должна играть ту же роль, что науки и искусства — «установление “Царства Божия” на земле, торжество правды» [Там же]. А особенное призвание ее заключается, по мысли публициста, в собирании общества, объединении «всех истинных умственных профессий на задаче духовного служения народу» [Там же]. Тему настоящей аристократии и аристократизма как идеала Меншиков развивал впоследствии в статьях, опубликованных в «Неделе» («Отклики». 1900. № 43), «Книжках “Недели”» («Две правды». 1893. № 4–5; «Литературная хворь». 1893. № 6; «Поэт-богатырь». 1895. № 11), «Новом времени» («Драма Гоголя». 1909. 21 марта; «Можно ли видеть будущее?». 1913. 1 января).

Указывая в статьях, что обеспеченное русское общество занято чаще всего наживой и развлечениями и крайне удалено от забот бедствующего народа [16], Меншиков с горечью констатировал удаленность новостных блоков центральных газет от народных нужд. Так, вчитываясь в 1897 году в один из номеров «Нового времени», он отметил, что известия о бедствиях крестьян на орловщине, близ Харькова, в других местах центральной России «напечатаны в самом конце газеты, мелким шрифтом, перед объявлениями и может быть “на затычку”, тогда как все внимание газеты отдано венским скандалам, подготовке инженеров, новой опере...» [19, стб. 1514]. Таким образом, «самое важное, истинно серьезное, стоящее на очереди, все газеты почему-то запрягают в самый хвост» [Там же]. Меншиков рекомендует журналистам новости под рубрикой «Внутренние известия» считать не далекой окраиной (как правило они шли за известиями из-за рубежа), а центром «газетной территории» [Там же]. В статье публи-

цист ставит проблемы выкачивания ресурсов из центра России, упадка жизни в нем и, главное — отсутствия защитника среди журналистов для своего, родного русского края: «...в Великодержавии не нашлось ни одного публициста, который принял бы горячо к сердцу эту тему» [19, стб. 1516]. Журналисты окраин России, особенно национальных, работают с увлечением, «когда дело касается их местных интересов» [Там же]. А защитников центральной России на этой ниве журналистики не было видно. Сам Меншиков выступал в печати защитником своего родного края — псковщины, раскрывая в разных материалах с 1897 года и практически до конца журналистской деятельности его различные проблемы [20].

Если в 1891–1892 годах Меншиков видел влияние газет на развитие общественного мнения прежде всего в Америке и Западной Европе, то в 1897 году он, уже поработав заместителем редактора в «Неделе», понял, что ежедневная газетная печать России, проникнувшая в разные общественные слои, начала вырабатывать в обществе к концу последнего десятилетия XIX века нечто новое. «Новые инстинкты» — так публицист назвал свой цикл из четырех статей, посвятив первую из них газетной журналистике, ставшей, по его мнению, невольным катализатором зарождения одного из «новых инстинктов». Статья была написана, когда Меншиков еще не вел самостоятельного активного сбора средств с помощью «Недели» для голодающих в русской провинции крестьян (это произойдет чуть позже — в 1899 году). Но он уже убедился, что эффект воздействия на читателя газет, призывающих к состраданию, может быть сильным, что люди, находящиеся далеко от эпицентра трагических событий, живо откликаются на нужды других людей. Благодаря печати и прогрессу у читателей образуется «наклонность отзываться на самые отдаленные радости и страдания и сочувствовать им как ближайшим» [25, стб. 924]. Для России общественные пожертвования всем, кто пострадал от различных бедствий, войн были не в новинку. Новым являлось то, что газеты в собирании пожертвований играют важную, первостепенную «роль возбудителя общественного внимания и посредника» [25, стб. 925], который собирает деньги, передает их нуждающимся и громкогласно объявляет списки жертвователей.

К нескольким аспектам развития отечественной печати Меншиков обращался в публикациях 1899 года [21; 22]. В третьем номере этого года в публикации «Отклики» публицист сообщил о выходе первого номера журнала А.Н. Толиверовой «Женское дело». Для публициста, заявившего, что он «принципиальный противник всяких специальных движений» выход журнала стал поводом высказать свое отношение к подобным явлениям журналистики: «К женскому движению я от-

ношусь с таким же сомнением, как к студенческому, рабочему, дворянскому, национальному и т.п. Все эти частные, мелкие движения мне кажутся нездоровыми, как в организме — случайные разрастания той или иной ткани. Я стою за то, что необходим общий равномерный нравственный рост общества и правильное функционирование всех тканей. Необходимо не женское или мужское движение, а непрерывное общечеловеческое, в котором только и могут найти истинную меру своей деятельности все отдельные величины. Так как женщину я считаю более человеком, чем женщиной, студента — более человеком, чем студентом, — рабочего — более человеком, нежели рабочим, то и думаю, что если бы *человеческий* их вопрос был решен как следует, то не было бы никакой нужды в их специальных вопросах» [21, стб. 105]. Развивая мысль о женской журналистике, Меньшиков писал: «К сожалению, в первой же книжке «Женского дела» уже фигурируют литераторы-мужчины, давая почти половину литературного материала. Это жаль. Г-же Толиверовой следовало бы отказаться вовсе от мужской помощи, тогда журнал ее представил бы интересный социально-литературный опыт, показав, что могут сделать женщины *одни*, собственными их усилиями» [Там же]. Для нас важно проявление в этой статье принципиальной позиции — отказ поддерживать ограниченную социальную группу, какую-либо «партию», в том числе и национальную, и утверждение примата нравственного роста общества. Следовательно, в 1899 году, всего за девять лет до создания Всероссийского национального союза публицист Меньшиков не считал национальный вопрос значимым.

В третьей статье цикла «Отклики» обратил внимание на фальшивое оживление газетно-журнального дела, произошедшее из-за того, что в журналистику часто приходят случайные, не одаренные талантом люди, те, кто желает «нажить что-нибудь и прославиться» с помощью печати [22, стб. 186]. Поводом для выступления становится закрытие из-за долгов в 1898 году журнала «Северный вестник», который возглавляла Л.Я. Гуревич.

По ходу размышления о печальной участи изданий, которые были открыты без мысли о настоящей, серьезной работе, Меньшиков затронул тему современной ему интеллигенции. С одной стороны, она, будучи в массе своей бесталанной, идет в журналистику, чтобы не заниматься «живым трудом», а быть около бумажного дела: «Тысячи живых, доходных, интересных дел кругом даже не начаты, но стоит русскому человеку окончить хоть бы только городское училище, чтобы он, как «интеллигент», похоронил даже самую мысль о возможности практического дела» [22, стб. 187]. Фальшивое оживление в журналистике, по мнению Меньшикова,

происходит именно благодаря таким: «“Писать” — одно из любимейших занятий русского человека: он *читать* (здесь и далее курсив М.О. Меньшикова — Н.К.) не любит, но писать — его мечта. <...> Литература для образованных людей — разновидность любимого канцелярского труда» [Там же]. Бездарная интеллигенция, утверждает публицист, виновна в возникновении множества изданий-однодневок, а также дешевых, некачественных газет и журналов: у них нет «ни денег, ни литературного вкуса, ни даровитых сотрудников, ни практического знания, и способности посидеть хоть три часа за работой» [Там же]. С другой стороны, читающая интеллигентная публика определяет рублем спрос на плохие, бесталанно выпускаемые издания: «Русскому интеллигенту пропить сто рублей в год нипочем, но заплатить десять рублей за хороший журнал — его приводит в трепет» [22, стб. 186]. Поэтому прижимистая публика платит за дешевые, некачественные, ничего не значащие в литературном, духовном, журналистском отношении издания гроши, довольствуясь таким чтивом.

Меньшиков противопоставил неспособных к любому труду, но желавших денег и славы интеллигентов, быстро прогоравших в журналистике, упорным трудягам, которые тяжело и упорно развивали дело печати: «Такие люди обыкновенно начинают скромно, с небольших дел, и затем постепенно расширяют круг деятельности, почти всегда рассчитывая наверняка. И всегда эти люди вносят в жизнь нечто новое, отгадывают хоть и прозаическую, но действительную потребность в публике» [22, стб. 187].

Провинция и печать — одна из значимых проблем отечественной журналистики на всем протяжении ее существования. О развитии провинциальной прессы публицист начал размышлять в очерке о городе Саратове «Маленькая столица» [17]. Делая краткий обзор городских изданий, он отметил их близость к демократическим идеалам и разделение местной журналистики на враждебные лагеря, связанное с противостоянием изданий близких и оппозиционных местной власти. Вкусы читательской аудитории, обрисованные в очерке, также свидетельствовали о предпочтении либеральной и демократической печати. Автор материала в целом отобразил состояние развития российской прессы в глубинке и показал общедемократический характер развития провинциальной журналистики.

В помещенной по случаю смерти редактора «Кронштадтского вестника» А.Н. Рыкачева статье «Адмирал-редактор» Меньшиков более подробно отобразил работу провинциальных редакторов и журналистов [6]. Публицист привлек внимание читателей к личности покойного редактора. По мнению Меньшикова, этот

человек совершил подвиг, поскольку смог «тридцать лет вести утлое печатное судно среди скал и рифов, которыми особенно богата провинциальная жизнь» [6, стб. 1551]. Судьба редактора «Кронштадтского вестника» осмыслена в контексте эпохи, сформировавшей его. В мечтательные 1860-е годы, которые «испортили много карьер, расстроили тысячи жизненных путей» [6, стб. 1552], А. Н. Рыкачева «отбросило» в редакторы газеты, он отказался от морской карьеры и сделался береговым моряком, что не подходило под его горячий темперамент. В итоге, утверждал Меньшиков, «ни из Рыкачева не вышло крупного деятеля, ни из его предприятия — крупного дела» [Там же].

Автор статьи пришел к неутешительным выводам о трудностях работы журналистов провинции. Во-первых, редакция постоянно ощущала отсутствие хороших материалов от читателей и равнодушных людей, мелочность интересов общественности, которые стали причинами скудости идейно-тематического содержания издания: «В провинции на редакцию обыватели положительно смотрят как на какую-то сорную яму, в которую можно направлять только хлам и вздор. <...> Дело в том, что на редакторском столе появлялись изо дня в день десятки лет одни и те же интересные статьи по общественным вопросам: “О неисправности нашей мостовой”, “О покачнувшемся телеграфном столбе”, “О дерзости уличных собак” и пр. и пр.» [Там же]. Во-вторых, публика — важнейший враг свободы «захолустной» печати: «... в газете малейший намек на чье-нибудь явное и всем известное безобразие влечет за собою моментальную поездку к начальству, обвинение в диффамации, крики и вопли обиженного крокодила» [6, стб. 1553].

Адмирал-редактор Рыкачев для автора своеобразного некролога — «истинно русский человек», который «охотно становился в невозможные жизненные противоречия и приспособлялся к невозможным условиям», а в печати, в своих материалах проявил «живую душу, ясный и красивый стиль, свежесть ума и начитанность» [6, стб. 1552]. И хотя, подводя итоги, Меньшиков констатировал, что быть редактором захолустной газеты — «скучная история», публицист провозглашал итоговую мысль о том, что бескорыстная работа провинциального редактора-подвижника, служившего обществу, не должна быть забыта, «заслуживает хорошей памяти» [6, стб. 1553].

К мысли о том, что подвижничество и самоотверженность — залог успеха журналиста, особенно работающего в провинции, Меньшиков вернулся через год, размышляя о четверть вековой деятельности самарского деятеля русской провинциальной публицистики и медицины В. О. Португалова, также вышед-

шего из эпохи 1860-х [13]. Более всего в материале говорилось о незаурядности натуры борца за правду и врача-бессеребряника, готового отстаивать интересы общества, искренне ратующего за справедливость и бесплатно работающего с больными холерой.

Негативное влияние некачественной, дешевой прессы на жизнь интеллигенции в провинции Меньшиков затронул в одном из материалов цикла «Заметки» за 1891 год [8]. Публицист построил статью, применив излюбленный впоследствии художественно-публицистический прием — диалог, в котором затронут волнующий его вопрос. В беседе журналиста с приятелем устами первого однозначно утверждалось: чтобы в провинции жизнь стала интересней, надо отказаться от пошлых изданий с их мелочными и низменными интересами («К мелочности твоей жизни они прибавляют новую мелочность, к пошлой атмосфере — новые пошлые запахи из иных сфер...» [8, стб. 1404]) и обязательно подписаться на прессу качественную, ведь она отворяет «двери в мир, в жизнь русскую и всего человечества» [Там же].

Особо не приемлемой для Меньшикова была непорядочность в журналистике, часто проявлявшаяся в стремлении к диффамации, желании «кого-нибудь опозорить». Публицист видел, как низкопробная журналистика стремится опорочить не кого-нибудь, а «именно крупную личность, и чем выше такая личность, тем психопату приятнее ее оскорбить» [10, стб. 371]. Таким «психопатом» в 1892 году стала газета «Московские ведомости», желавшая опорочить Л. Н. Толстого и опубликовавшая «громadных размеров передовицу», где переводила с английского «какие-то письма Толстого, будто бы несомненно свидетельствующие о криминальном поведении графа» [Там же]. «Московские ведомости» и их сотрудники, по мысли публициста, льют «ушата грязи» на великого писателя только для того, чтобы стать известными и «что-нибудь нажить около толстовского учения» [Там же].

Пустые слова и безосновательные обвинения в журналистике — болезнь, которой были охвачены многие столичные и провинциальные издания конца XIX века. Этот порок М. О. Меньшиков замечал и во многих газетах, а причину его видел в инертности и неспособности к деятельности столичной и провинциальной интеллигенции, что в 1891–1892 годах было особенно заметно на фоне голодающих российских губерний [9]. Эпопея газетных схваток по самым мелким поводам — о золоте, о соли, о холере и из-за опечаток в публикациях, вспыхнувшая осенью 1892 года между «Новостями», «Московскими ведомостями», «Церковными ведомостями», «Гражданином», по мнению Меньшикова, очередной раз проявила мелочность, несостоятельность

интересов названных изданий. При этом, журналист отметил, что такое поведение редакций газет — «одно из любимейших “невинных развлечений” прессы» [14, стб. 1243].

Иное проявление негатива в печати — антигосударственную позицию — Меньшиков обнаруживал в деятельности газеты «Гражданин», издававшейся кн. В.П. Мещерским и имевшей в революционно-демократических и либеральных кругах репутацию одиозной и провластной. Для Меньшикова близость к власти не была главным отрицательным свойством издания. Важнее то, как газета и ее издатель относились к ключевым человеческим и государственным ценностям. Публицист «Недели» отвергает ложь и предательство национальных интересов в публикациях «Гражданина», очернявших правительство единственного союзника России — Франции [12, стб. 789]. Осуждал он и редакционный произвол кн. Мещерского к над сотрудниками этой газеты [12, стб. 790].

Тем не менее, когда это возможно, Меньшиков был готов отдать дань справедливого уважения кн. Мещерскому и его изданию. Так, в декабре 1896 года, когда голод уже свирепствовал в средней полосе России, Меньшиков указал на удаление значительной части интеллигенции, и прежде всего писателей и журналистов, от коренной проблемы народной жизни — голода. О бедствии напомнил обществу малоизвестный корреспондент «Гражданина» Бодиско, подробно описавший ужасы голода на страницах газеты. Только одно не принял М.О. Меньшиков в позиции журналиста «Гражданина»: его решение вопроса помощи голодающим крестьянам. Бодиско предлагал раздавать продовольствие только немощным голодающим, то есть детям, убогим, старикам, но не давать работоспособным крестьянам. Они должны были добывать хлеб сами, покупая его за наличные деньги, только по сниженной цене. Бодиско считал, что так необходимо сделать, для того чтобы мужики не обленились, поскольку даровая помощь развращает [18, стб. 1676]. Меньшиков обнаружил в этом утверждении противоречие: сам г. Бодиско понимает, что мужик денег нигде не достанет и купить его не сможет, но заставляет хлеб покупать [Там же].

Особое неприятие у журналиста вызывало проявление открытого стремления участников печатного процесса опорочить оппонентов, чтобы получить личные выгоды. О таком случае он рассказывает в сентябрьском номере «Недели» за 1892 год: известный врач Гольмстен, автор солидных публикаций о холере, выпустил брошюру, подписавшись псевдонимом «С.Т. Безымянный», в которой уничижительно и развязно отзывался об ученых трудах своих коллег, «а вся беда вышла из-за того, что дешевая брошюра о холере (изданная

врачами-коллегами.— Н.К.) подорвала спрос на дорожную, рублевую книгу Гольмстена» [14, стб. 1245]. Подлый язык и развязный тон выступления доктора Гольмстена, а главное — мелочность и бессовестность — возмущают Меньшикова-журналиста.

Подобный пример неприятия Меньшиковым писательской низости в журналистике есть и в публикации 1893 года о библиографе, литературоведе и критике С.А. Венгерове [15], составлявшем в 1890-х годах «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, от начала русской образованности и до наших дней». Венгерова подвергся газетному нападению со стороны нескольких «непризнанных гениев», группу которых возглавил писатель Максим Белинский. В своем словаре библиограф указал конкретный пример того, как произведение М. Белинского «Ординарный профессор» «отравило» последние годы жизни киевского профессора-химика П.П. Алексеева. О «пасквильантстве» Белинского Венгерова говорил прямо, за что и получил «ушаты грязи, не столько грязи — сколько лжи, самой фантастической, горячечной» [15, стб. 194]. Меньшиков дает подробную характеристику этому «работнику» пера: «...Беллетрист из опростившихся, ... нашедший свое призвание в жанре последних лет — порнографическом пасквиле» [15, стб. 193]. Автор «Недели» дал толкование нового жанра: это описание жизни какого-нибудь известного деятеля в любой области (писателя, ученого, актрисы и проч.) в неприличном романе: «Известный ученый или писатель изображается развратником, обольстившим свою кухарку, писательница — чуть не проституткой и т.п.» [Там же].

Публицист обнажил стремление Белинского к очернению талантливых людей через эксплуатацию этим автором низменного любопытства толпы. Особенно возмутило Меньшикова, что Белинский и его товарищи «завопили» о том, что «г. Венгерова по рождению еврей». Меньшиков реагирует на это предельно четко: иных возмущает, что «ценителем наших заслуг и ошибок выискался не русский человек, а чужанин». Ведь Венгерова — «человек очень сведущий, научно подготовленный», «человек талантливый», проявивший «любовь к русской литературе» и выражающий «искреннее восторженное или возмущенное мнение» о литераторах [Там же]. Главное для Меньшикова в данном случае не национальная принадлежность, а «порядочность тона, — элементарная, кажется, но столь редкая в современной литературе добродетель» [Там же]. Публицист «Недели», обозначая основную задачу беллетриста-биографа, говорил, что необходимо «изобразить великого человека во всей его силе, во всем благородстве, “презирая его прегрешения”, как говорится в погребальной молитве. Все внимание моих читателей я остановил бы на величии моих героев. Подобные биографии были бы неполными и неисторическими, но они действовали бы на душу читателя благотворно»

[15, стб. 195]. Подчинение написанного в художественных произведениях (в том числе и художественно-документальных повествованиях о великих людях) воспитательным задачам литературы — вот что главное для публициста, стремящегося воздействовать на публику в конце XIX века, когда, по его словам, «понятие о “соли земли” столь расплылось» [Там же]. Эта мысль — не обличать, а показывать красоту и величие человека — неоднократно выходит на страницы различных материалов М.О. Меньшикова, последний раз появляясь среди его последних дневниковых записей в апреле 1918 года вместе с немного искаженной цитатой из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Журналист, читатель и писатель»:

...И мир мечтою благородной

Пред ним очищен и омыт... (Российский архив. [29, с. 118]).

В нескольких номерах «Недели» за 1900 год Меньшиков сформулировал свое журналистское кредо. Во-первых, он отвергает приписываемое ему многими современниками толстовство, поскольку он никогда не участвовал в «толстовских» колониях, а также не во всем и далеко не всегда «согласен не только с последователями великого писателя, но и с ним самим» [23, стб. 595]. Уважение Меньшикова к нравственным устремлениям, совести писателя, его убеждению «в необходимости каждому прежде всего работать над собой работе над собой» не означали заимствования: «...если некоторые идеалы у нас общие, то я чувствую, что с ними родился и они столько же мои. Невольные совпадения со столь живою и мощною мыслью — для меня лучшая радость жизни, это поддержка огромная, много способствовавшая обнаружению для меня собственной моей природы. Но было бы неправдой сказать, что я разделяю все мирозерцание великого писателя. Я даже не знаю его всего, а из того, что мне известно, не все мне свойственно» [Там же]. Во-вторых, стремясь к самостоятельности, публицист, сформулировал свое отношение к возможности принадлежать какой бы то ни было партии: «Нет, искренно говорю, — я не гожусь ни для какого лагеря. Я не чувствую себя для этого ни достаточно сильным, ни ожесточенным. Единственная моя мечта и в жизни, и в скромной журнальной работе — не лгать ни перед Богом, ни перед самим собой, и сколько доступно мне, разъяснять истину, где бы она ни встречалась» [Там же]. В-третьих, важная для Меньшикова особенность творчества — точность. Публицист говорит, что она с юности стали одной из главных его черт, поскольку он занимался точными науками. Личное качество точности отшлифовано и службой в армии гидрографом: «Потом это понадобилось на службе, где человек являлся лишь самым точным их прибором, где требовалось пристальное внимание, где небольшая ошибка человека или инструмента подвергала смертельной опасности целый корабль среди океана, многомиллионное сооружение с сотнями человеческих жизней» [24, стб. 1823]. Но, придя в журналистику,

он увидел практически полное отсутствие точности [24, стб. 1824]. В-четвертых, важное качество журналиста — правдивость. Она не может быть связана с подражанием кому-либо: «Может быть юноше, впервые вооружившемуся пером, кажется, что правда — очевидна, что она всего лишь в том, чтобы подражать рабски в тоне и в голосе “самому” г. Михайловскому, “самому” г. Грингмуту или “самому” г. Струве. А на самом деле правда — очень трудная вещь на свете, всегда трудная, и чем совестливее человек, тем она труднее». В-пятых, истина открывается «не подражанием, а непрерывным творчеством, напряженным углублением в предмет, рассматриваньем его тысячу раз с самым пристальным вниманием, на какое вы способны» [24, стб. 1825]. В-шестых, Меньшиков выступал против догматизма «правых» и «левых» в печати, выдвигая тезис об изменчивости «живой мысли» и истины, связанной с течением времени: «Всякая человеческая правда становится ложью, как только она останавливается: божественная ее свобода... отлетает, она становится идолом, недвижимым, холодным. Мне кажется, это закостенелое самодовольство и “правых”, и “левых” нашей печати происходит от нерелигиозного их отношения к истине»; «Истина зависит от условий, они меняются, и чтобы быть точным, необходимо постоянно вводить поправки. Это не отступничество от истины, а напротив — рыцарская верность ей» [Там же].

В своих публикациях в «Неделе» и «Книжках “Недели”» о журналистике М.О. Меньшиков с разных сторон подошел к феномену журналистики и создал достаточно целостную концепцию его понимания. Публицист выступил как аналитик, трезво обозначивший особенности развития журналистского процесса в период активного развития капитализма и как идеалист-мыслитель, требовавший чистоты и благородства идеалов, ясности и образности слов, однозначности и точности выражения мысли, утверждавший отказ от догматизма и изменчивость общественной правды. Он считал, что журналист должен быть исповедником высоких христианских идеалов, «аристократом духа» и одновременно должен вести за собой общество к прогрессу и образованности. Рефлексируя на страницах «Недели» и «Книжек “Недели”», Меньшиков обозначил сильные (объединение общества, развитие коммуникаций, способность возбуждать общество благородным поступком) и слабые (власть капитала, пустословие, удаленность от народных нужд, лживость) стороны мировой и отечественной журналистики, указал, что гласность, свобода слова — важнейшие условия ее нормального существования, обозначил главные задачи ее деятельности (предоставлять право голоса всем и давать полезные знания), выявил типичные тенденции развития в капиталистическом обществе, наметил ее перспективы развития и обрисовал наиболее важные для него черты журналиста: точность, правдивость, антидогматизм в соединении с совестью, свобода самовыражения, соответствие христианскому идеалу совести.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жаворонков Д. В. Начало работы М. О. Меньшикова в газете «Новое время» (1901 г.) // Управленческое консультирование. 2014. № 4. С. 180–188.
2. Жирков Г. В. Золотой век журналистики России: история русской журналистики 1900–1914 годов: Учебное пособие / Г. В. Жирков. СПб. 2011. 291 с.
3. Зверев Н. В. Общественно-политические взгляды М. О. Меньшикова: автореферат дис. . . кандидата исторических наук: 07.00.02. М., 2013. 27 с.
4. Крижановский Н. И. Проблемы права, законности и правосудия в публикациях М. О. Меньшикова в газете «Неделя» с 1891 по 1900 годы // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 4. С. 93–103.
5. Крижановский Н. И. Публицистика М. О. Меньшикова в контексте критико-философской мысли рубежа XIX–XX веков. Армавир: РИО АГПА, 2012. 188 с.
6. М. Адмирал-редактор // Неделя. 1891. № 48. Стб. 1551–1553.
7. М. Газетное наводнение // Неделя. 1891. № 26. Стб. 817–821.
8. М. Заметки // Неделя. 1891. № 44. Стб. 1401–1405.
9. М. Заметки // Неделя. 1891. № 46. Стб. 1476–1479.
10. М. Заметки // Неделя. 1892. № 11. Стб. 368–371.
11. М. Заметки // Неделя. 1892. № 24. Стб. 786–790.
12. М. Заметки // Неделя. 1892. № 24. Стб. 786–790.
13. М. Заметки // Неделя. 1892. № 36. Стб. 1177–1180.
14. М. Заметки // Неделя. 1892. № 38. Стб. 1241–1245.
15. М. Заметки // Неделя. 1893. № 6. Стб. 192–195.
16. М. Злоба дня // Неделя. 1891. № 33. Стб. 1047–1051; М. Заметки // Неделя. 1891. № 46. Стб. 1476–1479; Меньшиков М. Золото и медь // Неделя. 1894. № 24. Стб. 770–773.
17. М. Маленькая столица // Неделя. 1891. № 20. Стб. 627–632.
18. М.О.М. На очереди // Неделя. 1897. № 51. Стб. 1674–1678.
19. М.О.М. На очереди // Неделя. 1897. № 47. Стб. 1514–1517.
20. М.О.М. На очереди // Неделя. 1897. № 37. Стб. 1184–1187; М.О.М. На очереди. // Неделя. 1897. № 43. Стб. 1376–1379; М.О.М. Отклики. // Неделя. 1899. № 11. Стб. 382–385; Меньшиков М. Новгородское начало. // Новое время. 1901. 19 августа; Меньшиков М. Разговор в вагоне. // Новое время. 1901. 23 сентября.
21. М.О.М. Отклики // Неделя. 1899. № 3. Стб. 105.
22. М.О.М. Отклики // Неделя. 1899. № 5. Стб. 186–188.
23. М.О.М. Отклики // Неделя. 1900. № 17. Стб. 593–595.
24. М.О.М. Отклики // Неделя. 1900. № 51. Стб. 1822–1825.
25. Меньшиков М. Новые инстинкты // Неделя. 1897. № 29. Стб. 924–927.
26. Меньшиков М. О. Великорусская идея / Сост., предисл., коммент. В. Б. Трофимовой / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. Т. I. 688 с.
27. Меньшиков М. О. Призвание журналистики // Меньшиков М. О. Великорусская идея / Сост., предисл., коммент. В. Б. Трофимовой / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. Т. II. 720 с. С. 159–233.
28. Орлов А. С. Интеллектуальная биография, социально-философские взгляды и публицистическая деятельность М. О. Меньшикова до начала работы в «Новом времени»: автореферат дис. . . кандидата исторических наук: 07.00.02. Воронеж, 2015. 23 с.
29. Российский архив. (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII — XX вв.). Вып. 4. М.: Студия «ТРИТЭ», «Российский архив», 1993. 271 с.
30. Санькова С. М. Два лица «Нового времени». А. С. Суворин и М. О. Меньшиков в зеркале историографии: научная монография. Орел: ФГОУ ВПО «Госуниверситет — УНПК», 2011. 224 с.
31. Санькова С. М., Орлов А. С. Михаил Меньшиков. СПб.: Наука, 2017. 252 с.

© Крижановский Николай Игоревич (nicolaykri@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МАРКИРОВКА ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В КАДАРСКОМ ЯЗЫКЕ¹

MARKING OF PLURAL NOUNS IN THE KADAR LANGUAGE

*R. Mutalov
M. Bagataeva*

Summary. The article is devoted to the peculiarities of the formation of plural forms of nouns in the Kadar language (Dargin branch of the Nakh-Dagestan languages). The main attention is paid to the suffixal method of formation of pluralist forms. Plural indicators inherent only to this language are identified and described. The dependence of morphemes joining to words on the character of the original sound and the number of syllables in the word is also established. On the example of the formation of the plural form of a number of nouns, the influence of the Kumyk language relating to the Turkic languages on the qadar language in contact with it is shown.

Keywords: Caucasian languages; Kadar language; morphology; nominal inflection; number category; language contacts

Муталов Расул Османович

*Д.филол.н., профессор, Институт языкознания
Российской академии наук (г. Москва)
mutalovr@mail.ru*

Багамаева Марина Сулеймановна

*К.филол.н., старший преподаватель, Дагестанский
государственный университет (г. Махачкала)
marina_bagataeva@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена особенностям образования форм множественного числа имен существительных в кадарском языке (даргинская ветвь нахско-дагестанских языков). Основное внимание уделено суффиксальному способу образования форм плюралиса. Выявлены и описаны показатели множественного числа, присущие лишь данному языку. Установлена также зависимость присоединения морфем к словам от характера исходного звука и количества слогов в слове. На примере образования формы множественного числа ряда существительных показано влияние на кадарский язык контактирующего с ним кумыкского языка, относящегося к тюркским языкам.

Ключевые слова: кавказские языки; кадарский язык; морфология; именное словоизменение; категория числа; языковые контакты.

Кадарский язык относится к даргинской ветви восточно-кавказских языков. Он распространен в селениях Кадар, Чанкурбе, Карамахи, Ванашимахи, Чабанмахи, Качилик Буйнакского района Республики Дагестан; общее число говорящих более 9000 человек. В «Атласе кавказских языков» данный идиом выделен в качестве самостоятельного языка, входящего в даргинскую языковую группу [7, с. 34].

Основная цель настоящей статьи заключается в описании суффиксального способа образования форм множественного числа исчисляемых существительных кадарского языка. В задачи исследования входят: а) определение всех функционирующих в языке аффиксов множественности; б) установление закономерностей их присоединения к существительным; в) выявление отличительных особенностей образования форм плюралиса в данном языке в сравнении с материалом акушинского идиома, основы даргинского литературного языка, и других близких кадарскому северодаргинских идиомов, в частности, губденского. Для решения этих задач в работе использованы метод синхронного анализа и сравнительно-сопоставительный метод.

Кадарская речь остается малоизвестной для других даргинцев, поскольку долгое время данный идиом развивался в отрыве от других даргинских селений, в окружении одного из тюркоязычных народов — кумыков. И, как следствие, кадарский язык испытал значительное влияние кумыкского языка, что особенно заметно в лексике и в грамматическом строе. В частности, в данной статье будет показано, какое место занимает в образовании форм множественного числа кадарского языка суффикс плюралиса *-лар*, характерного для тюркских языков. Идиом остается слабоизученным; имеется лишь несколько статей, посвященных его лексическим и фонетическим особенностям [5]. Между тем, в эпоху глобализации данный язык, как и другие малые языки, подвержен различным изменениям и, в конечном счете, исчезновению. Поэтому актуальной остается проблема скорейшего документирования его лингвистического материала.

Работа обладает и определенной новизной: в ней впервые системно рассматривается словоизменяющая категория числа кадарского языка, выявлен целый ряд показателей множественного числа, отсутствующие

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-012-00718 «Документирование кадарского языка: грамматический очерк, тексты, словари».

в других родственных языках, определены основные правила функционирования маркеров множественного числа. В научный обиход введен богатый иллюстративный материал. Материал исследования и используемые в статье примеры были собраны непосредственно в ходе экспедиции в село Кадар Буйнакского района РД в мае 2018 года у носителей разных возрастов.

Грамматическая категория числа имен существительных в даргинских идиомах становилась объектом исследования во многих грамматиках, посвященных описанию различных диалектов и говоров, начиная с известного труда П.К.Услара [12]. Достаточно подробно описана данная категория в акушинском [2; 4; 14], кубачинском [8], кайтагском [11], ицаринском [13], тантынском [10] идиомах. Имеется также специальная работа М.-С.М. Мусаева, посвященная данной теме — в ней исследованию подвергнуты проблемы образования форм множественного числа существительных литературного даргинского языка и большого числа диалектных единиц [9].

Тем не менее, пока остается ряд вопросов, не получивших однозначного решения. С одной стороны, в этих работах охвачен материал не всех идиом, в частности, отсутствуют сведения по категории числа в кадарском языке. С другой стороны, в даргинских языках представлено большое число показателей множественности, и закономерности их присоединения к существительным пока в большинстве случаев не установлены.

Именная категория числа существительных в кадарском языке представлена двумя граммемами: граммемой единственного числа и граммемой множественного числа. Форма единственного числа не имеет специального показателя, множественное же число образуется от формы именительного падежа единственного числа посредством присоединения ряда морфем. В зависимости от того, какова числовая форма существительного и какое число она может контролировать в согласуемом с ним слове, все существительные можно разделить на пять групп: а) неисчисляемые существительные; б) квазиисчисляемые существительные (термин использован вслед за Н.Р. Сумбатовой, Ю.А. Ландер, [10, с. 52]), в) существительные класса *Singularia tantum*; г) существительные класса *Pluralia tantum*; д) исчисляемые существительные, имеющие формы как единственного, так и множественного чисел.

Большинство существительных в кадарском языке относятся к исчисляемым и имеют формы как единственного, так и множественного чисел. Наиболее употребительными в кадарском языке являются следующие окончания множественного числа: *-уле*, *-ре*, *-бе* (*-убе*) *-т*, *-ларт*, *-ме*, *-не* (*-ане*), *-е*, *-хъале*. Они являются показателями аддитивной множественности, маркер

-хъале выступает в качестве показателя ассоциативной множественности. При присоединении показателей множественного числа в основе существительных могут происходить различные фонетические изменения: выпадение звуков, чередование гласных, либо одновременное выпадение и чередование звуков, что характерно и для других даргинских идиомов [1, с. 141].

В образовании форм множественного числа существительных в кадарском языке имеются специфические особенности — в нем, как будет показано ниже, представлен ряд показателей множественности, не функционирующих в акушинском и других даргинских идиомах.

Довольно широко функционирует в кадарском необычный для других даргинских идиомов суффикс *-ларт* [3, с. 52]: *чалма* «повязка на голове» — *чалмаларт*; *букIма* «ветер» — *букIмаларт*; *гъану* «ворота» — *гъануларт* и т.д.

Их амарса дутIунил гIяпIасилартли эрцахъиб
«Этого мужчину спасли те розданные (двадцатикопеечные) монеты».

Происхождение морфемы *-ларт* достаточно прозрачно: оно образовано из двух частей, первая из которых *-лар* представляет собой суффикс множественности существительных, функционирующий в тюркских языках, заимствованный кадарским из контактирующего кумыкского языка. Вторая же часть данной морфемы *-т* является усеченной формой аффикса множественности *-ти/-те*, используемого в литературном языке и других даргинских идиомах [14, с. 17; 8, с. 83]; ауслаутный гласный *-е* в исходе суффикса *-те* в кадарском подвержен сокращению.

Суффикс *-ларт* в кадарском может присоединяться и к заимствованиям из русского языка: *мяшкIаларт* «мошкара». *Учителница хъули ракIиле, берхIахъла замайзе, цуния хъулила хIянкбера тамандарибхIале, сочиненияларт ахтардидарес каршиб*. «Учительница пришла вечером домой, и, завершив домашние дела, принялась проверять сочинения».

Заимствование суффикса *-лар* из кумыкского объясняется тем, что кадарский язык распространен в Буйнакском районе, заселенном в основном кумыками, и в течение долгого времени развивался в окружении кумыкского языка, относящегося к урало-алтайской семье языков. Функционирование в существительных заимствованного суффикса *-лар* наглядно свидетельствует о том, что воздействие соседнего языка наблюдается не только на фонетическом и лексическом уровнях, но оказывает влияние и на грамматическую структуру кадарского языка.

Яркой отличительной чертой кадарского языка от других даргинских идиомов, в том числе, и от близкородственного губденского, является использование аффикса множественного числа *-т*, который, как было отмечено выше, является усеченным вариантом аффикса *-ти*. Данный суффикс, как правило, встречается в словах, состоящих из двух или более слогов и оканчивающихся на один из сонорных звуков *л, р, м, н*, или на губные *б, в*: *урдур* «бедро» — *урдурт*; *хирдан* «гортань» — *хирдант*; *майдан* «долина» — *майдант*; *пайлигъан* «паук» — *пайлигъант*; *тулхъун* «волна» — *тулхъунт*; *хъаишхъар* «гриб» — *хъаишхъарт*; *абзар* «двор» — *абзарт*; *гургур* «индюк» — *гургурт*; *гъачир* «мул» — *гъачирт*.

В ряде случаев маркер *т* может присоединяться и к словам, имеющим в исходе гласный *-и*. Следует при этом отметить, что гласный *и* в кадарских словах является наращением — он отсутствует в соответствующих лексемах литературного языка: *хъябцIар* «воротник» (лит. *хъябцIар*) — *хъябцIарт*, *рузикъари* (лит. *рузикъар*) «двоюродная сестра» — *рузбекъурт*; *муэри* (лит. *муэр*) «сон» — *муэрт*.

Одной из заметных отличительных черт кадарского языка является функционирование в маркерах множественного числа ауслутого гласного *-е* вместо гласного *-и* акушинского диалекта [6, с. 111]. В даргинских идиомах показатель множественного числа существительных может оканчиваться на гласный *и* или *е*. Данное отличие проявляется также в использовании того или иного гласного в показателях эргатива, деепричастия и наречия. По признаку наличия в конце слов гласных *и* или *е* даргинские идиомы можно разделить на 2 группы: а) «икающие» идиомы: акушинский, урахинский, кайтагский, муиринский, ицаринский, амухский, хуцуцкий; б) «екающие» идиомы: цудахарский, сирхинский, тантынский, кубачинский, кадарский, мекегинский, мургукский, чирагский, мегебский. Распространение данного явления невозможно объяснить ни географическим расположением идиом, ни их лингвистическими характеристиками, разброс идиомов в этом плане достаточно широк. Кадарский идиом, таким образом, относится к «екающим» идиомам, поскольку показатели множественного числа имеют в ауслуте гласный *е*: *хIянки* «работа» — *хIянкбе* (лит. *хIянчурби*), *муза* «вершина» — *музане* (лит. *музурби*), *буреба* «иголка» — *бурумбе* (лит. *хIянчурби*).

Особенность кадарской речи языка проявляется также в широком использовании суффикса *-ле*, не отмеченного в других даргинских идиомах. Он присоединяется, как правило, к словам, состоящим из двух или более слогов и оканчивающихся на согласный звук (за исключением сонорных звуков и губных *б, в*): *гумез* «арка» — *гумезуле*; *тухъмахъ* «дубина» — *тухъмахъуле*; *мурад* «желание» — *мурадуле*; *тугъанахъ* «засов» — *тугъ-*

анахъуле; *бухъмуз* «курдюк» — *бухъмузуле*; *ганзихъ* «лестница» — *ганзихъуле*; *кIуцIмах* «ножницы» — *кIуцIмахуле*; *тупанг* «ружье» — *тупангуле*. О распространности в кадарском данного аффикса свидетельствует и тот факт, что он может присоединяться и к русизмам: *овощуле* «овощи». В акушинском языке ему соответствует показатель *-уни* [14, с. 17]. В близкородственном кадарскому идиому губденском представлен схожий маркер *-уне*, который считается «самым продуктивным суффиксом образования множественного числа губденского диалекта» [3, с. 101].

Другим специфическим явлением кадарского языка в сфере категории числа является функционирование показателя множественности *-умбе*, присоединяемого в основном к двусложным или многосложным словам с гласным исходом: *бари* «день» — *барумбе*; *барткиа* «олень» — *барткиумбе*; *пикри* «понятие» — *пикрумбе*; *керкIла* «поток» — *керкIлумбе*; *багъана* «причина» — *багъанумбе*; (исключение: *къудукъ* «осленок» — *къудукъумбе*). Из других даргинских идиомов данный аффикс встречается лишь в губденском: *беркала*–*беркIлумбе* «пища» [3, с. 98].

Имеются в кадарском и другие своеобразные маркеры множественности, близкие к показателю *-умбе*: *-унбе*, *пачалихъ* «государство» — *пачалихъунбе*; *-румбе*: *мула* «мулла» — *мулрумбе*.

Другим показателем множественности, присоединяемым к словам с закрытым исходом, является маркер *-уре*: *гунагъ* «грех» — *гунагъуре*; *жумагI* «неделя» — *жумагIуре*; *анакъ* «пещера» — *анакъуре*. Данный маркер также присущ лишь кадарскому.

Маркер *-не* присоединяется к словам с гласным исходом; при образовании формы множественности данный гласный, как правило, выпадает: *цIива* «блоха» — *цIивне*; *бугъа* «бык» — *бугъне*; *гъача* «теленок» — *гъачне*; *чургъа* «желоб» — *чургъне*; *курди* «женское платье» — *курдне*; *гузгу* «зеркало» — *гузгне*; *пукъа* «гнездо» — *пукъне*; *къапIа* «шапка» — *къапIне*; *гIяргIя* «курица» — *гIяргIне*; *эръо* «дым» — *эръне*; *уръи* «звезда» — *уръне*.

Морфема *-не* имеет вариант *-ане*, который присоединяется к односложным словам с согласным исходом: *къям* «блюдец» — *къямане*; *дуб* «край» — *дубане*; *кам* «кожа» — *камане*. Из приведенных примеров видно, что гласный *-а* в показателе *-ане* является формативом, служащим для соединения двух согласных звуков.

Для образования формы множественности от многосложных слов с согласным исходом в кадарском используется другой вариант окончания *-не* — *-уне*, в котором начальный звук *-у-* является формативом: *нарбике*

«блюдце» — *нарбикуне*; *чяхI-чяхI* «водопад» — *чяхI-чяхI-чIуне*.

Приведенные выше примеры позволяют предположить, что ряд показателей множественного числа, рассматриваемых ранее в даргиноведческих работах в качестве сложных аффиксов [1; 2; 9], являются сочетанием простой морфемы с формативом, элементом, не имеющим самостоятельного значения, а служащим лишь для связи двух соседних аффиксов. Такими формативами в кадарском языке являются гласные *-а-*, *-е-*, *-у-*, которые функционируют перед показателями *-бе*, *-ме*, *-не*.

Показатель множественности *-бе* в кадарском присоединяется к словам с согласным и гласным исходом: *тIул* «палец» — *тIулбе*; *чIинтI* «бородавка» — *чIинтI-бе*; *гъыз* «волос» — *гъызбе*. В словах с открытым исходом при этом усекается конечный гласный звук: *узи* «брат» — *узбе*; *гъайъа* «веревка» — *гъайъбе*; *хъари* «дикая груша» — *хъарбе*. В словах с согласным исходом при присоединении морфемы *-бе* гласный *-е-*, *-а-* последнего слога чередуется с гласным *-у-*: *дудеш* «отец» — *дудушбе*; *гъватI* «дерево» — *гъутIбе*; *кварк* «десна» — *куркбе*.

В форме множественного числа в кадарских словах восстанавливается также протодаргинский звук *-л-*, который в двух словах в ежинственном числе заменяется на *-в-*: *цува* «зуб» (лит. *цула*) — *цулбе*, *хIува* «колесо» (лит. *хIула*) — *хIулбе*.

Вариантом морфемы *-бе* является показатель *-убе*, присоединяемый к двусложным словам с гласным исходом: *барда* «топор» — *бардубе*; *шали* «бок, сторона» — *шалубе*; *бъату* «болото» — *бъатубе*; *халтIа* «веник» — *халтIубе*. Как видно из примеров, в данной группе слов ауслатные гласные *-а-*, *-и-* в формах множественного числа чередуются с гласным *-у-*.

Морфема *-урбе* присоединяется к двусложным словам с гласным исходом: *гIянжи* «глина» *гIянжурбе*; *дазу* «граница» — *дазурбе*; *нуса* «невестка» — *нусурбе*.

Ряд показателей множественности не имеет определенных закономерностей функционирования в существительных. К таковым относятся показатели *-ме*, *-ре*, *-е-*: *ме*: *яз* «бронза» — *язме*; *кагъат* «бумага» — *кагъат-ме*; *дуруг* «веретено» — *дуругме*; *лагъиъ* «голубь» — *лагъме*; *гирит* «замок» — *гиритме*; *-ре*: *бекI* «голова» — *букIре*.

Другая особенность кадарского языка заключается в том, что усечение основы при образовании форм множественного числа в нем происходит намного

чаще, чем в литературном языке: *гидгари* «яйцо» — *гигре* (лит. *гидгури*); *къиргъу* «коршун» — *къиргъне* (лит. *къиргъуби*).

Встречается также много случаев, когда в акушинском идиоме используется сложный суффикс, а в кадарском — простой: *лимзи* «язык» (биол.) — *лимзне* (лит. *лезмуни*), *хIянки* «работа» — *хIянкбе* (лит. *хIянчурби*), *муза* «вершина» — *музане* (лит. *музурби*).

Выпадение звуков при образовании форм плюралиса в данном идиоме наблюдается, как правило, в существительных с гласным исходом, как и в других даргинских идиомах [8, с. 83]: *нича* «бусинка» — *ничбе*; *куйъа* «баран» — *куйъме*; *чIякъа* «береза» — *чIякъне*.

При образовании форм множественного числа гласные основы в односложных словах кадарского идиома в большинстве случаев чередуются с гласным *-у-*: *нед* «бровь» — *нудбе*; *бецI* «волк» — *буцIе*: *неи* «мама» — *нушбе*; *тIехъ* «балка» — *тIухъбе*.

Таким образом, в результате проведенного исследования цель статьи достигнута — подробно описана система образования форм множественного числа существительных кадарского языка. Задачи, обозначенные во вступительной части, также полностью решены: установлено, что образование формы множественного числа существительных в кадарском языке имеет свои особенности. Оно происходит в основном посредством присоединения к слову показателей *-уле*, *-ре*, *-бе* (*-убе*) *-т*, *-ларт*, *-ме*, *-не* (*-ане*), *-е*, *-хъале*. Среди них представлены аффиксы, которые не отмечены в других даргинских идиомах: *-ларт*, *-т*, *-уле*, *-умбе*, *-уре*. Присоединение того или иного показателя к существительному подчинено определенным правилам: оно зависит как от характера исходного звука (гласного или согласного), так и количества слогов в слове (односложное слово или многосложное). При этом в основе существительных могут происходить различные фонетические процессы, такие как: выпадение звуков, чередование гласных, либо одновременное выпадение и чередование звуков. При образовании форм множественного числа в кадарском языке, по сравнению с другими даргинскими идиомами, усечение основы происходит намного чаще. Типологический интерес вызывает сложная морфема *-лар-т*, первая часть которой (*-лар*) является показателем множественности в тюркских языках, а морфема *-т* — усеченной формой аффикса *-ти*, представленного в других даргинских идиомах. Функционирование в существительных заимствованного суффикса *-лар-* свидетельствует о том, что воздействие кумыкского языка на кадарский проявляется не только на уровне фонетики и лексики, но и на грамматическом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев З. Г., Абдусаламов А. А., Мусаев М.-С. М., Темирбулатова С. М. Современный даргинский язык. Махачкала: Издательство ДНЦ РАН, 2014. — 614 с.
2. Абдуллаев С. Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала: Дагучпедгиз, 1954. 218 с.
3. Ахмедова З. Г. Губденский диалект даргинского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Махачкала, 2007. 209 с.
4. Быховская С. Л. Имена существительные в даргинском литературном языке // «Язык и мышление», Т. X. — М. — Л., 1940. — С. 64–101.
5. Вагизиева Н. А. О некоторых фонетических особенностях кадарского диалекта даргинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 7 (61): в 3-х ч. Ч. 2. С. 65–68.
6. Гасанова С. М. Очерки по даргинской диалектологии. Махачкала: Дагучпедгиз. 1971. 327 с.
7. Коряков Ю. Б. Атлас кавказских языков. М.: Пилигрим, 2006. 57 с.
8. Магомедов А. А. Кубачинский язык. Исследование и тексты. Тбилиси: Мецниереба, 1963. 342 с.
9. Мусаев М.-С. М. Именное словоизменение даргинского языка (категория числа). — Махачкала: Дагучпедгиз, 1980. — 110 с.
10. Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. Даргинский говор селения Танта: грамматически очерк, вопросы синтаксиса. М.: Языки славянской культуры, 2014. 752 с.
11. Темирбулатова С. М. Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала: Издательство ДНЦ РАН, 2004. 304 с.
12. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. 5. Хюркилинский язык. Тифлис: Изд. Управления Кавказского учебного округа, 1892. 503 с.
13. Sumbatova N. R., Mutalov R. O. A grammar of Icarí Dargwa. München: LINCOM EUROPA. 2003. 216 с.
14. Van den Berg H. E. Dargi folktales. CNWS Publications, Leiden, 2001. — 324 с.

© Муталов Расул Османович (mutalovr@mail.ru), Багамаева Марина Сулеймановна (marina_bagamaeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия наук

ВЛИЯНИЕ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА НА ФОРМИРОВАНИЕ РУССКИХ ФИТОНИМОВ (НА ПРИМЕРЕ «ДОКУМЕНТОВ АПТЕКАРСКОГО ПРИКАЗА» XVII В.)¹

Олехнович Ольга Георгиевна

Доцент, Уральский государственный медицинский университет, г. Екатеринбург
olgaolech@yandex.ru

LATIN INFLUENCE ON THE FORMATION OF RUSSIAN PHYTONYMS (THE CASE OF THE DOCUMENTS OF THE PHARMACEUTICAL ORDER OF THE 17TH CENTURY)

O. Olekhnovich

Summary. The article is devoted to the analysis of the phytonyms of the 17th century, the formation and development of which is somehow associated with the influence of the Latin language. 300 Russian phytonyms found in the manuscripts of the "Pharmaceutical Order" have been examined in this paper. As a result of the study, two main groups of Latinisms were identified. First, these are neologism phytonyms borrowed from the Latin language. Secondly, these are endemic phytonyms which were given the Latin names. Their destiny was different. Some Latinisms became established in the Russian language and are used to date, others failed to retain the Latin name. Another group of phytonyms shall be mentioned which have both variants in the Russian scientific nomenclature. In the analysis of semantic features, phytonyms without the Latin component were also identified which were formed on the basis of the translation from Latin into Russian.

Keywords: Russian phytonyms, Latinisms, Latin

Аннотация. Статья посвящена анализу фитонимов XVII в., формирование и развитие которых, так или иначе, связано с влиянием латинского языка. В работе исследуются около 300 русских фитонимов, встречающихся в рукописях «Аптекарского Приказа». В результате проведенного исследования были выявлены две основные группы латинизмов. Во-первых, фитонимы-неологизмы, заимствованные из латинского языка. Во-вторых, эндемичные фитонимы, которым присваивались названия латинские наименования. Судьба одних и других сложилась по-разному. Одни латинизмы прочно вошли в русский язык и используются до настоящего времени, другим не удалось сохранить латинское название. Отметим еще одну группу фитонимов, у которых в русской научной номенклатуре сохранились оба варианта. При анализе семантических особенностей, были также выявлены фитонимы без латинского компонента, которые сформировались на базе перевода с латинского языка на русский.

Ключевые слова: русские фитонимы, латинизмы, латинский язык.

XVII век в России многие ученые считают началом зарождения современной отечественной науки. Именно этот период характеризуется появлением новых дисциплин. Это в полной мере относится к медицине. Лекарственные растения, представляющие группу фитонимов, в рассматриваемый период входили в состав медицинской, а точнее, фармацевтической терминологии. В Западной Европе её обслуживающим языком был латинский язык. На формирование русской медицинской терминологии влияла языковая ситуация XVII века. С одной стороны, отсутствие русского литературного языка замедляло терминологический процесс. С другой стороны, укоренившаяся в языке медицины латинская терминология значительно упрощала формирование русской терминологии.

В XVII веке, по мнению В. В. Виноградова, в русском языке начинается «обогащение его интернациональными терминами, воспринимаемыми через посредство не только греческого, но и учёного международного языка средневековой европейской науки — языка латинского» [1, 190].

Главными источниками заимствования из латинского языка являлись «Вертограды» — медицинские энциклопедии со сведениями, в том числе, по медицине, биологии, фармакологии. В некоторых содержались филологические разъяснения, а также ссылки на греческий и латинский языки.

Среди медицинских рукописей отметим лечебники и травники. Как пишет по этому поводу Б. А. Старостин,

¹ Статья написана при финансовой поддержке ФГБУ «Российского фонда фундаментальных исследований» в рамках коллективного исследовательского проекта № 17-06-00376 «Фитонимия русского языка в диахроническом аспекте (XI–XVII вв.)»

Таблица 1

<p><i>Conserv[ae]: Betonic[ae]:</i> <i>Flor[um]: Salv[iae]:</i> Anthos. <i>Flor[es]: tunic[ae]:</i> <i>Cort[icis]: Citr[i]:</i> <i>aurant[iorum]:</i> <i>Spec[ies]: aromat[a]:</i> <i>Syrupi cort[icis]: Citr[i]:</i></p>	<p><i>Сахару бѣтониць</i> <i>Салвиа</i> <i>розмарини</i> <i>флорес туницы</i> <i>лимоновъ въ сахару</i> <i>коры аранциором въ сахару</i> <i>специес аромата</i> <i>сиропу коры лимоновой</i></p>
--	---

«всё более подробными и наглядными становились описания трав и нозологических единиц в травниках и лечебниках. Постепенно в травники начинает проникать латинская номенклатура» [3, 135].

Богатым источником по исследованию фитонимов являются «Документы Аптекарского приказа». Аптекарский приказ — это первое официальное учреждение в России, контролирующее всё медицинское дело в России. В «Делах Аптекарского приказа» встречаются практически все известные в рассматриваемый период медицинские термины на латинском языке и их переводы на русский язык. Это в полной мере относится к фитонимам, относящимся к лекарственным средствам. Пожалуй, это единственный источник, где мы видим перевод непосредственно из латинского языка без языков-посредников.

Переводческая деятельность в XVII веке заметно активизировалась. На это обращали внимание многие известные русские филологи. Академик А. И. Соболевский писал: «Кажется, что большая часть переводов этого столетия сделана с латинского языка, т.е. с того языка, который в то время был языком науки в Польше и Западной Европе. За латинским языком мы можем поставить польский, которым владело большинство наших переводчиков и на котором часто писали южно- и западнорусские ученые. В самом конце должны быть поставлены языки немецкий, белорусский и голландский. Переводов с других языков Западной Европы мы не знаем, хотя в числе наших приказных переводчиков были люди, владевшие французским и английским языками» [2, с. 50]. Все это формирует почву для сближения русского языка с западноевропейскими языками и создает определенные ориентиры для развития русского литературного языка. «Помимо лексики и семантики влияние латинского языка повело к изменению синтаксической системы русского литературного языка. Новый порядок слов, конструкция предложения и др. укрепились в русской литературной речи конца XVII в. под воздействием латинского языка» [2, с. 39].

С одной стороны, фитонимы — это аксиологически ограниченная лексическая группа, поскольку анализиру-

ются только лекарственные растения. С другой стороны, в период XVII века именно она впервые получила возможность использовать номинативные возможности латинского языка, который впоследствии стал международным языком фитонимов. Именно поэтому процессы, связанные со становлением и развитием фитонимической лексики, рассматриваются в аспекте межъязыковых корреляций. Несмотря на то, что ботаническая номенклатура была недостаточно изоморфной, в данной лексической группе начинают складываться системные отношения.

Нами было выявлено около 300 растений, формирование которых так или иначе связано с влиянием латинского языка. В период XVII века эта лексическая группа становится семантически подвижной. Значительно расширяются ее границы, прежде всего, за счет неологизмов из латинского языка. Несмотря на то, что сама латинская ботаническая номенклатура практически сформировалась, нельзя еще говорить о научной номенклатуре. Во всяком случае все встречаемые в «Документах...» растения имеют свои названия на латинском языке в отличие от русского, где часть растений еще не получила даже первичные номинации. Речь идет о фитонимах, которые впервые появились в России, и в меньшей степени это касалось растений, которые были не известны переводчику.

Поскольку в рассматриваемый период в Россию из-за границы поступало огромное количество лекарственных средств. Названия лекарственных средств и входящих в эту группу фитонимов фиксировались, как правило, на латинском языке. На наш взгляд, большую ценность представляют переводы непосредственно с латинского языка, так как они следовали не только содержательной, но и некой стилистической традиции.

Приведем фрагмент рецепта на латинском языке и его перевод, зафиксированный в «Документах Аптекарского приказа» (таблица 1). Подобных примеров, где фиксируются фитонимы, больше тысячи.

Всего в «Делах аптекарского приказа» упоминается более 500 растений на русском и латинском языке.

Из русских названий более половины — в латинской транскрипции, и только у трети названий используются внутренние языковые средства. Латинские наименования растений представлены в основном в двух разновидностях: односоставные (родовые) и родо-видовые.

Надо иметь в виду, что в настоящее время существуют ботанические и фармацевтические названия. Наиболее интересны случаи, когда фармацевтическое название полностью совпадало с ботаническим. Как правило, это биномиальное наименование, в составе которого было родовое и видовое название. Позже К. Линней именно биномиальность примет за основу построения фитонима.

В рассматриваемый период отдельные латинские фитонимы уже использовались в родо-видовой форме. *Mentha crispa* 'мята кудрявая' > *мята* (разновидность мяты с волнистыми листьями); *Mentha aquatica* 'мята водная' > *мята* (растет около воды); *Mentha silvestris* 'мята лесная' > *мята (простая)* (растет в лесу). Соответствующие латинским русские фитонимы чаще всего не отражают видовые отношения, т.е. переводчики не реагируют на незнакомые видовые определения. Но, как правило, хорошо известные латинские видовые признаки с близкими гиперо-гипонимическими отношениями в русском и латинском языке переводятся. Наиболее часто отмечались видовые различия по цвету. Напр., *santalum album* L. 'сандальное дерево белое' и *santalum flavum* L. 'сандальное дерево желтое' (различия по цвету заболонья дерева). В названиях также отражались видовые различия по вкусу. Напр., *Rumex acetosa* 'щавель обыкновенный' и *Rumex confertus* 'щавель конский'. Здесь видовые отношения «человеческий» — «лошадиный» отражают вкусовые ощущения: съедобный (кислый) — несъедобный (горький). Часто имели место видовые различия по внешнему виду. Это было связано с формой и размерами отдельных частей растений.

Отмечаются «свои», правда, пока ещё единичные видовые признаки — *Erysimum diffusum* Ehzh. 'желтушник раскадистый'

Но все-таки большая часть фармацевтических названий состояла из одного слова. В основном это были родовые наименования. Круг латинизмов при формировании семантического поля «фитонимы» расширялся в основном за счет этих названий.

Отметим фитонимы, которые вошли в русский язык как родовые наименования и используются до настоящего времени — *Acacia vera* Willd. 'акация настоящая'; *Aloë arborescens* Mill. 'алоэ

древовидное'); *Anisum vulgare* Gaertn. 'анис обыкновенный'; *Sassafras officinalis* L. 'сасафрац беловатый пробел, или лекарственный'.

Предпочтение также получили латинизмы, которые присоединились к уже имеющимся наименованиям латинские: *Valeriana officinalis* L. 'валериана лекарственная' — *бол(н)(ь)дерьянь* // *трясовичное растение* // *кошкина трава*; *Cichorium intybus* L. 'цикорий обыкновенный' < *солнцевая се-стра*; *Adonis vernalis* L. 'адонис, или горичвет весений' < *стародубка*; *Althaea officinalis* L. 'алтей лекарственный' — *проскурник большой*.

Asplenium ruta-muraria L. (*Ruta muraria*) 'аспленум, или костенец постенный' < *рута муралия* *Anacardium occidentale* 'анакардиум западный' < *индйский орех*

Некоторые латинские фитонимы не приживались и использовали внутренние средства языка более позднего периода: *Melilotus officinalis* (L.) 'донник лекарственный' — *греча(-и) дикая*; *Taraxacum officinalis* Web. 'одуванчик лекарственный' — *зуб львовъ* // *попова скуфья*;

Нельзя не отметить фитонимы, которые в период XVII в. имели только эндемичные названия (если и имели латинские синонимы, то использовались крайне редко), в настоящее время их научные названия изменены и стали переводными с латинского языка. Название отдельных фитонимов проходило на базе перевода уже существующего латинского названия: *Capsella bursa-pastoris* L. 'пастушья сумка' — вместо *чижовъ глазъ*; *Arctostaphylos Uva-Ursi* L. Spreng. 'пастушья сумка' *медвѣжье(-)ухо*; *Adiantum Capillus-Veneris* (*Capillus-Veneris*) 'венерин волос' < *капилушь фенерисъ* // *капилушь венирисъ* // *капилушь-венерисъ*; *Nuphar luteum* (L.) 'кубышка желтая' — *Nuphar luteum* *кубышка жёлтая*. Как видно из примеров, некоторые названия уже были зафиксированы в период XVII века.

Предпочтение получили перед латинскими транслитератами XVII в. фитонимы, которые представляли собой только переводы видовых наименований, выраженных существительными, и соответствующих им фармацевтических наименований. Среди многих выделим *Achillea millefolium* тысячелистник L. (**Millefolium**) тысячелистник обыкновенный < *мелифоліумъ*.

Отметим, что у многих фитонимов используются только переводы видовых наименований фитонимов, выраженных прилагательными, *Cydonia oblonga* Mill. 'айва продолговатая' < *цедониумъ* // *сидониумъ* (видовое название не использовалось); *Cyperus longus* L. 'сыть длинная' < *цыперушь* // *ципирушь лонгушь*; *Cyperus*

rotundus L. 'сыть **круглая**' < *циперретундусъ* // *ци(ы)перусь* **ро(у)тундусъ**; *Acacia vera* Willd. 'акация **насто-ящая**' < *акаци(ы)ја* **вера**; *Arum maculatum* (Aro) 'арон-ник **пятнистый**' < *аро* (видовое название не исполь-зовалось); *Chamomilla romana* 'ромашка **римская**' < *камомилла-романа*; *Amygdalus communis* L. (*dulcis* от *amara*) миндаль **обыкновенный** (**сладкий** и **горький**) < *амидаль* // миндаль (сладкой и и горькой).

Большинство названий прошло фонетико-морфоло-гическую адаптацию от полной транслитерации до окон-чательного усвоения — **Althaea officinalis** L. > *алтеа* > **алтей** 'алтей лекарственный'; **Berberis vulgaris** L. 'бар-барис обыкновенный' > *берберисъ* > **барбарисъ**; **Salvia officinalis** L. 'шалфей лекарственный' > *салвиа* > *салвьа* > *салфгя* > **шалфгь**; **Paeonia anomala** L. 'пион уклоня-ющийся, или марьин корень' > *пеониа* > *пиониа* > **пеонь** > **пионь**; **Viola tricolor** L. 'фиалка трехцветная' > *фиола* > *фијалка* > **фиалка**; **Pastinaca sativa** L. 'пастернак посев-ной' > *пастінака* > *пастернака* > **пастернак**.

Несмотря на то, что большинство этимологов не всег-да едины в происхождении выше названных фитони-мов, все связывают их с латинским языком и считают неологизмами XVII в.: цикорий (с XVII в. < *Zichorie* < лат. *Cichorparagium*) [4, 2, 389]; пион — [с XVII в. из голл. *Perzik*

< лат.] [4, 2, 24]; шалфей (при зап. посредстве < лат. *Salvia* шалфей с XVII в.) [4, 2, 400]; фиалка (через ст.-пол. *fialek* (XVII–XVIII в.) или из ср.-в.-н. *Viol* < лат. *Viola* [5, 4, 192]; па-стернак [в рус. с начала XVII в. из нем. диал. *Pasternak* < лат. *Pastinaca*] [4, 2, 10].

Необходимо указать на латинские фитонимы, освое-ние которых только началось в XVII веке, окончательное вхождение в русский обозначилось в более поздние пе-риоды: *аспарегусъ* // *аспараха* // **спаржа** < **Asparagus officinalis** L. 'садовая спаржа'.

Формирование и развитие русских фитонимов XVII века происходило в основном под влиянием ла-тинского языка. Впервые были зафиксированы фито-нимы, заимствованные из латинского языка латинского происхождения, большинство из них прочно вошли в русский язык и используется до настоящего времени. Учитывая особенности русского языка, не все назва-ния легко приживались. Одни названия прошли некую фонетико-морфологическую адаптацию, другие — получили новые эндемичные названия. При анализе семантических особенностей, были также выявлены фитонимы без латинского компонента, которые сфор-мировались на базе перевода фитонима с латинского языка на русский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. История русского литературного языка, М., Наука, 1978.
2. Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Спб.: тип. Имп. Акад. Наук, 1903. 1892. — 460 с.
3. Старостин Б. А. Становление историографии науки: От возникновения до XVIII в. // XVII век в истории русского естествознания Естественнаучные знания в Древней Руси. М., 1980. С. 131–143.
4. Фасмер Макс Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. — 3-е изд., стереотип. — М.: Азбука-Терра, 1996. — Т. 1–576 с. Т. 2–672 с. Т. 3–832 с. Т. 4–864 с.
5. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. — 3-изд. М.: Русский язык. 1999. — Т. 1. — 623 с. Т. 2. — 560 с.
6. Российский Государственный Архив Древних актов (РГДА). Фонд (Ф.) 143. Опись (Оп.) 2.

© Олехнович Ольга Георгиевна (olgaolech@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭВФЕМИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ МЕТОНИМИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

EUPHEMISTIC FUNCTION OF METONYMY IN THE ENGLISH ECONOMIC DISCOURSE

*S. Orlova
E. Kuznetsova*

Summary. a distinctive feature of economic discourse is not only the abundance of terminology, clichés, indices, but also the use of meliorative communicative strategy, which manifests itself in a stable need for the use of euphemisms in the explanation of negative economic realities. The implementation of the euphemistic softening function contributes to the fact that metonymic ambiguity is a marker of implicit meaning. There are several types of metonymic transfer (local, causal, attributive, temporal, partitive). The analysis of euphemisms in the English language media has shown that the most productive is the partitive type of metonymy, but the restoration of the link between the tabooed denotate and euphemism may be difficult due to the implicitness and compression of euphemistic metonymy.

Keywords: economic discourse, euphemism, euphemism, metonymy, implicitness.

Орлова Светлана Николаевна

*К.филол.н., доцент, Российский университет дружбы
народов
topsv@yandex.ru*

Кузнецова Елена Владимировна

*Старший преподаватель, Российский университет
дружбы народов*

Аннотация. Отличительной чертой экономического дискурса является не только обилие терминологии, клише, индексов, но и использование мелиоративной коммуникативной стратегии, которая проявляется в устойчивой потребности в употреблении эвфемизмов при объяснении и осмыслении негативных экономических реалий. Реализация эвфемистической функции смягчения способствует тому, что метонимическая недоговоренность представляет собой маркер имплицитного смысла. Существует несколько разновидностей метонимического переноса (локальный, каузальный, атрибутивный, темпоральный, партитивный). Анализ эвфемизмов в англоязычных СМИ показал, что наиболее продуктивным является партитивный тип метонимии, однако восстановление связи между табуированным денотатом и эвфемизмом может быть затруднено вследствие имплицитности и компрессии эвфемистической метонимии.

Ключевые слова: экономический дискурс, эвфемия, эвфемизм, метонимия, имплицитность.

Индикатором различных языковых тенденций и изменений, а также инструментом для воздействия на реципиентов, внедрения некоторой экономической лексики и знаний служат, прежде всего, печатные и электронные издания, средства массовой информации. Экономический дискурс характеризуется открытостью, которая выражается в неизбежности пересечения экономического дискурса с дискурсами многих других областей жизни и деятельности современного человека, и определенной абстрактностью, но не только по причине частого присутствия терминов: использование общеупотребительных слов литературного языка часто приобретает абстрактный характер. Терминологическая насыщенность экономического дискурса дополняется большим количеством имен собственных, эпонимов, прецедентных имен, наличием большого количества аббревиатур.

Экономическому дискурсу присущи характеристики как институционального, так и лично-ориентированного типа дискурса [Карасик, 2002; Кузнецова, 2015]. При этом, если институциональные признаки давно фигурируют в лингвистических описаниях как общепризнанные и типовые, то признаки личностной ориентированности (вплоть до юмора и просторечий) приобретают

все большую популярность и все большее разнообразие [Малюга, Чернышева, 2017].

Тематическая вариативность экономического дискурса является относительно стабильной (в сравнении с политическим). Открытость, то есть способность интегрироваться в любой тип дискурса, а также доступность — в связи с широкой степенью распространения экономики в различные области человеческой деятельности — являются его достаточно важными характеристиками. Отличительной чертой экономического дискурса является обилие терминологии, клише, индексов и т.п. И, наконец, использование мелиоративной коммуникативной стратегии, которая проявляется в устойчивой потребности в употреблении эвфемизмов (иногда даже уже «стертых») при объяснении и осмыслении экономических реалий и событий, обозначающих что-либо негативное для реципиента.

Метонимия — употребление названия одного предмета или явления вместо названия другого на основании внешней или внутренней связи (смежности) между ними. Многие исследователи замечают, что метонимия не несет в себе такой образности и экспрессии, как метафора. Осуществлению эвфемистической функции

смягчения способствует тот факт, что метонимическая недоговоренность представляет собой маркер имплицитного смысла [Масленникова, 1999:22], выступая как одно из проявлений тенденции к компрессии речи. Метонимия выделяет в явлении свойство, которое по своему характеру может замещать остальные. Как пишет Н. А. Некрасова, языковые метонимии образуются чаще всего в результате элиминации стержневых компонентов словосочетаний, что приводит к абсолютному использованию зависимого компонента и семантической конденсации им управляющего компонента [Некрасова, 2003:10–11]. Использование приема метонимии вносит в текст элемент недосказанности и тем самым порождает двусмысленность толкования, что позволяет скрыть неприятный для читателя смысл и избежать употребления недопустимых слов и выражений.

Существует несколько разновидностей метонимического переноса (локальный, каузальный, атрибутивный, темпоральный, партитивный). Рассмотрим, как они представлены в экономическом дискурсе на материале современной англоязычной прессы.

Локальный тип

Локальный тип метонимии отражает в сознании говорящих объективные пространственные связи между определенными предметами и явлениями и основывается на упоминании территории вместо объекта, страны или столицы вместо ее правительства, руководства. Интересно отметить, что в экономическом дискурсе словосочетание «world crisis» (мировой кризис) может использоваться для обозначения экономического явления рецессии на уровне отдельной страны, что представляет собой пример локального типа метонимии.

Заголовок к статье «*World facing worst financial crisis in history, Bank of England Governor says*» содержит информацию о том, что мир переживает наисложнейший экономический этап. Подзаголовок статьи дает читателю более полную информацию об этом этапе: «The world is facing the worst financial crisis since at least the 1930s “if not ever”, the Governor of the Bank of England said last night». Однако текст статьи описывает состояние только британской экономики и содержит перечисление тех мер, которые предприняло правительство для ее поддержки: «Sir Mervyn King was speaking after the decision by the Bank’s Monetary Policy Committee to put £75 billion of newly created money into the economy in a desperate effort to stave off a new credit crisis and a UK recession». Эвфемизм, который использует автор, позволяет «сгладить» негативное представление о британском правительстве и его действиях в отношении борьбы с влиянием мирового кризиса.

Каузальный тип

Каузальный тип метонимического переноса обусловлен причинно-следственной связью между понятиями смежных объектов. Причина и следствие образуют в сознании непрерывное единство, отражающееся в виде ассоциаций между ними, которые через отношения со смежным элементом позволяют выделить характерные признаки определяемого элемента. Данный тип метонимии часто обозначается как металепис (состоит в том, что умозаключение об имплицитной причине (антецеденте) делается на базе эксплицитного следствия (консеквента) и наоборот [Масленникова, 1999:30–31]).

В статье под заголовком «*Clicks and stones*» (Щелчок мышки и камни) автор использует «*click*» для обозначения чрезмерного увлечения онлайн-покупками. Эвфемизм образуется по каузальному типу метонимического переноса: щелчок мыши — совершение покупки. В подзаголовке дается расшифровка данного переноса и интернет торговля именуется эксплицитно: «*Many retailers are being too slow in reinventing themselves for the age of online shopping*», а в микроконтексте статьи объясняется причина эвфемизации: «After a panic at the turn of the millennium about the impact on their industry of online shopping, bricks-and-mortar stores settled into making only modest alterations to their business model or, ostrich-like, trying to ignore it».

В целом, данный вид метонимии является нехарактерным для экономического дискурса. Это можно объяснить достаточно сложным механизмом интерпретации подобного метонимического переноса.

Темпоральный тип

Темпоральный тип метонимии основан на временной связи между смежными понятиями. В сознании говорящего объект ассоциируется с каким-либо временным параметром, существующим в конкретный период времени. В ЗК экономического дискурса он также редко проявляется, поскольку требует привлечения фоновых знаний читателя.

Например «*1929 all over again?*» содержит упоминание 1929 года — начало кризиса в Соединенных Штатах, когда 24 октября 1929 года началась невиданная паника на Нью-Йоркской фондовой бирже, курс акций стремительно покатился вниз и его падение продолжалось более трех лет. Текст статьи проясняет дату, упомянутую в заглавии: «Just how bad is the current American recession? Barely a day goes by when some form of all-time record is not smashed by one troublesome economic indicator or another. Be it foreclosure levels, job losses or businesses going bankrupt, if the US economy were a

patient it would definitely be on the sick-list». Темпоральный тип метонимии в заголовке позволяет автору вуалировать подлинный денотат, данная речевая стратегия способствует заинтересованности реципиента в дальнейшем знакомстве с текстом.

Атрибутивный тип

Атрибутивная метонимия возникает между понятиями характерного признака объекта и самим объектом, обладающим этим признаком. В сознании говорящего существует ассоциация, которая лингвистически выражается переносом обозначения признака на предмет или явление, который обладает этим признаком. Эвфемизм, основанный на этом типе метонимии, может имплицитно выражать характеристику действий, намек на лица, их осуществляющих, доминирующее негативное качество людей.

Такой тип метонимического переноса достаточно редко встречается в заголовках экономического дискурса. Британские печатные СМИ используют эвфемизм «inactive», либо «economically inactive» для обозначения лиц, не имеющих постоянной работы. Метонимия основана на выделении их характеристики — «неактивный», которая характеризует их экономический статус. Например: «Eight million people 'economically inactive'». Эвфемизм получает более полную освещенность в тексте: «The number of people who are neither in work nor seeking employment reached 8.08 million in the last three months of last year, the highest on record».

Партитивный тип (синекдоха)

Партитивный тип метонимии, или синекдоха, возникает на месте употребления названия части объекта вместо целого, частного вместо общего или наоборот на основании их ассоциаций в сознании говорящего. Для эвфемистических замен в британских заголовках более распространенной является именно синекдоха. Иногда связь между табуированным денотатом и эвфемизмом достаточно сложно поддается восстановлению благодаря имплицитности и компрессии эвфемистической метонимии.

Показателен в этом отношении пример эвфемистического выражения «credit crunch» («кредитный кризис»). Изначально это словосочетание означало «ограничение кредита», «надлом в области кредитования» и имело отношение исключительно к проблемной ситуации, связанной с введением лимита на предоставление кредитов. Постепенно выражение стало все более популяризоваться и приобрело значение «кредитный кризис», а затем и «финансовый кризис». Данное выражение очень часто употребляется в заголовках

как британской, так и австралийской прессы, на данный момент оно идиоматизируется, становится устойчивым сочетанием. Сами носители языка, впрочем, достаточно четко понимают, что именно подразумевается под данным выражением, но склонны употреблять его. Возможно, это связано с функцией эвфемизма вуалировать, сглаживать истинное значение слова, причем не только для реципиента, но также для самого себя. Приведем примеры заголовков экономических рубрик, содержащих рассмотренный эвфемизм. Британские газеты используют его практически повседневно, это самый популярный эвфемизм последних лет, ознаменовавших периодом экономического кризиса и необходимостью регулярно освещать события, с ним связанные: «More on credit crunch myths», «Speculating on the credit crunch».

Интересно то, что этот эвфемистический оборот так прочно вошел в язык за последние несколько лет, что британцам достаточно использовать его часть в экономическом контексте, чтобы понять его значение: «Crunch time», «Public finances: One crunch after another».

Более того, выражение стало производным для оборотов, обозначающих также «кризис»: «Credit gloom sends banks slipping and Rock sliding» и его «действие»: «Where is the crunch crunching?».

Дешифровка эвфемистического потенциала следующего эвфемизма «to say goodbye» возможна только в контексте: «Golden hellos make it too easy for overpaid directors to say goodbye» Значение эвфемизма очевидно непосредственно из заголовка. Текст статьи лишь поясняет его на конкретных примерах (упоминаются управляющие крупными компаниями, которым изначально выплачивается крупная сумма в качестве аванса, а возможность быть впоследствии уволенным не представляется им слишком угрожающей). Словосочетание «to say goodbye» основано на метонимическом переносе значения с целого действия на его часть, то есть является синекдохой (увольнение, уход с должности — прощание с сотрудниками).

Отметим, что метонимия требует привлечения больших фоновых знаний и является более сложным механизмом передачи имплицитного смысла. Данное свойство речи чрезвычайно важно для профессионального и делового общения, так как его участникам, ограниченным этикетом и конвенциональными нормами, нередко приходится проявлять осторожность в выборе уместных вербальных средств, особенно если необходимо выразить недовольство или покритиковать партнера и при этом не пожертвовать коммуникативной эффективностью дискурса [Леденева, 2017; Малюга, 2007; Пономаренко, Харьковская, 2014]. С помощью эвфемизмов об-

щего значения в языке и обществе возникают различные речевые штампы, неоднозначные выражения. Они заслуживают особого внимания как объект межкультурного взаимодействия деловых партнеров, так как данные средства далеко не всегда имеют переводные аналоги в разных языках [Малахова, 2017]. Использование подобных субститутов позволяет коммуниканту намерен-

но создать размытость понятия и, таким образом, маскировать нежелательные денотаты. Автору текста в таких случаях необходимо следить за тем, чтобы соблюдалась грань между сглаживанием, вуалированием какого-либо понятия и соблюдением постулата истинности преподносимой информации, иначе читатель воспримет текст как неправдивый либо не поймет его.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Масленникова А. А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. филол. наук. — СПб., 1999. — 22 с.
2. Некрасова Н. А. ИмPLICITность равноуровневых синтаксических конструкций в русском и английском языках: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. -Ростов-на-Дону, 2003. — 7 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Кузнецова К. В. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования и его основные аспекты // Вопросы прикладной лингвистики. Выпуск 2 (18). М.: РУДН, 2015. С. 72–79.
5. Леденева С.Н. О факторах коммуникативной эффективности текста // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Том 23. № 2. С. 97–101. ISSN: 2542–0445
6. Малахова В.Л. О сложностях научного перевода с английского языка на русский (на примере текстов экономической тематики) / В. Л. Малахова // Вопросы прикладной лингвистики. 2017. № 26. С. 21–39.
7. Малюга Е. Н. Функционально-прагматические особенности речевого поведения британских и американских участников межкультурной деловой коммуникации: Монография. М.: РУДН, 2007. 194 с.
8. Малюга Е.Н., Чернышева М. В. Вербальные средства выражения юмора в американском экономическом дискурсе // Вопросы прикладной лингвистики. 2017. № 2 (26). С. 89–98.
9. Пономаренко Е.В., Харьковская А. А. Риторическое воздействие как фактор межнационального делового общения // Язык и коммуникация в современном поликультурном социуме: сборник научных трудов. — М.: Трансарт, 2014. — С. 111–117.

© Орлова Светлана Николаевна (topsv@yandex.ru), Кузнецова Елена Владимировна.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Ф. СОЛОГУБА

PEDAGOGICAL VIEWS OF F. SOLOGUB

Tang Jing

Summary. The article deals with the pedagogical views of Fyodor Sologub on the materials of journalism of his time. His artistic and journalistic texts, as well as contemporary criticism of the writer are compared.

Keywords: Sologub, journalism, pedagogy, symbolism, Russian literature.

Тан Цзин

*Аспирант, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
anfisa.tan@me.com*

Аннотация. В работе рассматриваются педагогические взгляды Федора Сологуба на материалы публицистики его времени. Сопоставляются его художественные и публицистические тексты, а также критика современников в отношении писателя.

Ключевые слова: Сологуб, публицистика, педагогика, символизм, русская литература.

Федор Кузьмич Сологуб (1863–1927) — русский поэт и писатель, публицист, драматург, один из виднейших представителей символизма, прежде всего, известен как лирический поэт, автор романа «Мелкий бес». Поэзия Сологуба, его роман неоднократно издавались и переиздавались, автор пользовался популярностью у современников. Однако Федор Сологуб оставил после себя еще и посвященное педагогике наследие, которое менее известно. В 1900-е годы Ф. Сологуб часто появлялся в либеральной печати в качестве сторонника гуманного обращения с детьми и реформ в образовательной сфере. Проблемы в сфере образования касались писателя на протяжении долгих лет, он всегда проявлял неподдельный, живой интерес к вопросам педагогики, что отчасти было обусловлено его личным педагогическим опытом.

В начале XX века в России назрела необходимость проведения образовательной реформы, однако это осознавала только передовая часть русского общества. Со стороны правительства шаги в сторону преобразований в сфере народного просвещения предпринимались очень медленно, что способствовало появлению ряда оригинальных предложений и проектов в среде людей, имеющих отношение к просвещению.

Современная исследовательница С.Н. Максимова в процессе детального изучения причин, способствовавших изменению положения классической гимназии в системе отечественного образования конца XIX — начала XX века сделала выводы, что в этот период точка зрения властей и общества содержание и цели образования существенно разошлись. В этот период правительство, придерживаясь сословного принципа, рассматривало гимназию в ее классическом выражении в качестве инструмента обуздания молодежи. В это время большая часть общественных представителей настаивала на бессословном принципе организации средней школы.

Представители общественности высказывались против однобокого увлечения классицизмом и призывали привести содержание среднего образования в соответствие с уровнем научно-технического развития и выступали за широкое распространение реальных знаний [1]. Сологуб высказывал реформаторские мысли, которые следовали в направлении демократизации школьных порядков. Он выступал за необходимость привлечения к образованию и управлению образованием широких слоев населения. Помимо этого, Федор Сологуб одобрительно высказывался о перспективе создания общественных и частных школ, в которых развитие педагогики могло осуществляться сравнительно независимо от тщательного административного контроля и государственных программ. В своей статье «Школа за город» [2] Сологуб отметил, что городская среда пагубно влияет на здоровье учащихся, что определяет необходимость вынесения части школ за пределы город, в пригороды. По мнению Сологуба, подобная мера дает возможность детям больше времени проводить на природе, ограждает их от пагубного влияния столичной жизни. Помимо этого, Сологуб считал, что дети, которые живут далеко от учебных заведений, в центр города добраться куда сложнее, чем в пригород.

Педагогические статьи Сологуба были опубликованы в газете, однако не включались в собрания его сочинений.

Представляется, что данные статьи имели особую ценность для самого автора, поскольку она затратил на их написание слишком много интеллектуальной и эмоциональной и интеллектуальной энергии, чтоб так быстро оказаться разочарованным в них.

В 1904 году в преддверии первой русской революции заметки и статьи были опубликованы. В 1910 году, в период резкого усиления цензуры, вышли собрания

сочинений Сологуба в 12-ти и 20-ти томах. В этот период режим не допускал сарказма и критики, присущих сологубовской публицистике, поскольку для автора вопросы просвещения были не только исключительно педагогическими. Сологуб тесно связывал вопросы просвещения с социальными, идеологическими и политическим вопросам. В своих работах художник отразил размышления над судьбами родины, демократические симпатии и искреннюю, сердечную заботу о детях, которых считал не иначе как будущим страны.

Именно детям посвящены самые нежные и светлые страницы писательства Сологуба. Автор был критически настроен по отношению к социальной действительности, он был готов принять бытие исключительно за то, что в нем есть дети, их невинный детский смех. Федор Сологуб настойчиво твердил, что все лучшее, что есть в обществе, должно отдаваться детям. Он требовательно повторял, что общество обязано защищать детей и формировать оптимальные условия для их гармоничного развития и воспитания:

*«Постройте чертог у потока
В таинственно-тихом лесу,
Гонцов разошлите далеко,
Сберите живую красу —
Детей беспокровных,
Голодных детей
Ведите в защиту дубровых
Широких ветвей.»* [6].

Выраженные в стихах мысли писатель переносил и в прозу. В романе «Творимая легенда» Сологуб описывает новое государство Соединенных Островов, в котором детей очень любят и устраивают им удобные и красивые школы.

В правильно поставленном образовании и подходе к детям Сологуб видел пути достижения научно-технического прогресса, инструменты для должного духовного развития человечества, которые неизбежно повлекут за собой формирование более гуманного общества.

Следует отметить, что в педагогической публицистике писателя прослеживаются следы утопии. Так, в романе «Творимая легенда» повествование — это утопическая страна Соединенных Островов. Примечательно, что удобные и красивые школы были утопией исключительно старой России, которая в лучшие годы отчисляла всего 80 копеек на образование одного жителя страны. Народное просвещение при таком положении дел держалось, на казенщине, разных предписаниях, которые растлевали моральный дух школьных работников, ставших лицемерами и ханжами, собственностью правительства.

Безжалостное избивание детей, злые доносы, коварные интриги, невежество, разврат, пьянство, тугопутье, хамство — вот какой портрет провинциального учителя в произведениях Сологуба (роман «Тяжелые сны» (1894) и роман «Мелкий бес» (1902)). Притчей во языцех стала «передоновщина» — метонимия от фамилии главного персонажа романа «Мелкий бес». Это явление потрясло русскую интеллигенцию своей бескрайней пошлостью и безграничной глупостью. Сам автор заявлял, что располагал еще более вопиющими фактами провинциальной жизни, которые он не включил в произведение по причине того, что в них бы просто никто не поверил.

Представляется, что Сологуб в своих художественных произведениях придавал своим наблюдениям характер всеобщности, абсолютизировал их. Писательство Сологуба имеет много родственных черт с сатирой Джонатана Свифта. В произведениях Сологуба перед читателем предстает односторонняя картина социальной реальности, которая оставляет в стороне то хорошее, что имело место в жизни. При этом художник ставит перед собой цель не отрицать ради отрицания как такового, а, как и автор «Путешествий Гулливера», Сологуб стремится изобличить человеческую скверну, зачастую прикрываемую на людях лживой маской всевозможных, так называемых, правил хорошего тона. Цель автора — борьба с фальшью, которая разлагает общество.

«Передовщина» — болезнь России, явление пережило десятилетия, его источник — социальное устройство, в котором одни процветают за счет духовного и материального давления на других. А дополняют безрадостную картину лезть, доноительство и коварство.

Сологуб был прекрасно осведомлен, какие порядки царили в образовательной системе России того времени, знал изнутри все ее слабые стороны, поскольку 25 лет посвятил педагогической деятельности. В 19 лет в 1882 году Сологуб завершил обучение в Петербургском учительском институте и стал преподавателем математики в городе Крестцы Новгородской губернии. Позднее педагогический опыт войдет в ряд его произведений. Так, в стихотворной повести «Кремлев», которая имеет биографическую подоплеку, Сологуб написал, что путь его службы был трудным и «угрюмым». С 1885 года Сологуб работал учителем в городе Великие Луки, с 1889 преподавал в городе Вытегра, в 1892 году возвратился в Ленинград. В 1907 году Сологуб был вынужден выйти в отставку. Это был тяжелый период в жизни поэта, он тяжело переживал личное горе — незадолго до этого умерла его сестра, также на состоянии автора сказалась глубоко переживаемая им расправа над революцией. Ему сообщили об отставке, что стало полной неожиданностью для поэта. Своему бывшему учителю В. М. Латышеву

он писал, что его попытки вдохнуть в школьную рутину жизнь, «посеять в сердцах озлобленных нищетою детей семена любви и света» с самого начала его педагогического пути вызвали неудовольствие коллег, над автором постоянно нависала угроза увольнения. Его всячески пытались унижить, заставляли ходить босиком в школы, а за любые проступки подвергали порке. В дальнейшем босые ноги станут сквозным образом лирики Сологуба, как символ материальной нищеты.

Однако венцом его педагогической деятельности станет иное событие — в 1924 году Федор Сологуб был избран членом Петербургского уездного училищного совета.

Имея тесные связи с передовой общественной мыслью, педагогическая публицистика Сологуба пронизана чувством любви и заботы о детях, демократическим пафосом. Автор выступал против лукаво мудрствующих о том, что просвещение не нужно и вредно россиянам, что они не любят его. Всю свою сознательную жизнь Сологуб пытался объяснить, что просвещение — это благо, которым хотят единолично пользоваться те, кто возомнил себя хозяевами жизни. Сологуб акцентировал внимание на уважительном отношении народа к грамотности и его стремлении к знаниям. Он выступал за необходимость сделать образование доступным для всех детей, независимо от их социального и национального происхождения.

Вопросам нравственного воспитания Сологуб уделял особое значение. Он вскрыл пороки принудительного воспитания, в котором взрослые навязывают детям свои убеждения, взращивают в них ханжество и лицемерие. Сологуб считал, что педагоги, которые стремятся навязать детям свое мнение, хотят, чтобы они смотрели на мир их глазами, тем самым убивают личность воспитанника, лишают его возможности и умения мыслить самостоятельно.

В процессе воспитания по Сологубу важно учитывать наклонности и характер каждого ребенка. Влияние педагога на воспитанника приведет к успеху только при

глубоком и сердечном понимании воспитанника учителем. Доверие, любовь и безграничное терпение — это те качества, которыми, в первую очередь, должен быть наделен педагог. Сологуб считал, что дети имеют неиспорченную природу, которая при должном подходе со стороны педагога гарантирует осуществление педагогического искусства.

Сологуб был убежденным противником наказания детей, не только телесного, но и любого другого. При этом важно, что нет и речи о потворстве детским шалостям, Сологуб считал необходимым «не натягивать вожжи дисциплины». Заорганизованность, перерастает в прямую слежку за детьми, навязывание казенной формы одежды, — это те вещи, которые, по мнению Сологуба, недопустимы место в педагогической практике. Образование должно развивать личность. Не препятствуйте развитию детей, дайте им возможность стать честными и образованными — вот основное педагогическое требование Сологуба.

При написании статьи были рассмотрены публикации Сологуба на педагогическую тему в ежедневном общественно-политическом издании «Новости и Биржевая газета». Газета выходила в Петербурге с 1883 года, выступала с поддержкой прогрессивных реформ 1860-х годов, придерживалась либеральных позиций под редакцией журналиста, автора «Исторического очерка русского законодательства печати» и пьес О.К. Нотовича.

В газете стремились к правдивому освещению событий зарубежной и внутренней жизни, критиковали царизм в его воинствующих устремлениях, за что не раз были запрещены. Помимо этого, в газете освещались злободневные вопросы культуры, литературы, просвещения и искусства. На страницах «Новостей и Биржевой газеты» публиковались рассказы, повести стихи Ф.К. Сологуба, Н.С. Лескова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, а также беллетристика К.С. Баранцевича, П.Д. Боборыкина, В.И. Немирович-Данченко, Д.Л. Мордовцева. Помимо этого, в газете публиковались статьи В.С. Соловьева, К.М. Станюковича, В.В. Верещагина, Ц.А. Кюи, А.Г. Лароша, В.С. Стасова, А.Н. Плещеева и других авторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максимова С. Н. Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX — начала XX века. М., 2005. С. 30–31.
2. Сологуб Ф. К. Школа за город // Новости. 1904. № 220. 11 августа.
3. Сологуб Ф. К. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. Творимая легенда. М., 2002. С. 187.
4. Сологуб Ф. К. Мелкий бес. Роман. Рассказы / Сост., вступ. ст. В. В. Ерофеева. М.: Правда, 1989.
5. Сологуб Ф. К. Изгнанники // Новости. 1904. № 301. 31 октября.
6. Федор Сологуб. Стихотворения. Библиотека поэта. Большая серия. 2-е издание. Сост. М. Дикман. Ленинград: Советский писатель, 1975.

РЕЧЕВОЙ СТИЛЬ В РАССКАЗАХ Ф. СОЛОГУБА

SPEECH STYLE IN THE STORIES
OF F. SOLOGUB

Tang Jing

Summary. The article studies the influence of biography and popular trends of literature of the XIX century on the formation of the unique speech style of Fyodor Sologub. A number of language techniques of the writer and the opinion of contemporaries about his key works are considered.

Keywords: Sologub, speech style, Russian literature.

Тан Цзин

Аспирант, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
anfisa.tan@me.com

Аннотация. В статье исследуется влияние биографии и популярных течений литературы XIX века на становление уникального речевого стиля Федора Сологуба. Рассмотрен ряд языковых приемов писателя и мнение современников о его ключевых произведениях.

Ключевые слова: Сологуб, речевой стиль, русская литература.

Федор Сологуб родился 1 марта 1863 года (по новому стилю) в Санкт-Петербурге в семье портного Кузьмы Афанасьевича Тетерникова. Через два года родилась его сестра Ольга. Отцу Сологуба приходилось много работать, но несмотря на это денег семье все равно не хватало. Жили очень бедно и лишь наличие собственной квартиры хоть как-то сглаживало их положение. В 1867 году, когда писателю было четыре года, отец умер от чахотки.

Впоследствии двойственность такой жизни отразилась на характере юного Федора Тетерникова (Сологуба). Он стал скрытен, замкнут в себе, появилась отчужденность.

Детство писателя было полно жестокости и несправедливости, что усугубилось скорой смертью матери и сестры. Рассказ «Утешение» (1896) [8] содержит отголоски детства Сологуба, где он передал обстановку детства с автобиографичной точностью, описав весь контраст его эмоций. С одной стороны — мир искусства, науки и музыки. С другой — атмосфера нищеты, тяжелого труда матери на пропахшей кухне и прачечной, заполненной паром.

Первые дошедшие до нас стихотворения Сологуба датируются 1878 годом. Это время писатель провел, читая разнообразную литературу, куда входили романы Достоевского, Шекспира, Сервантеса.

Как следствие, в первых стихах Сологуба можно найти отражение поэзии Некрасова, для которой характерны простые сравнения не отличающиеся поэтичностью.

Символический пласт Ф. Сологуба дополнен многочисленными аллюзиями, к числу которых относятся ба-сенные сюжеты, мотивы фольклорных и литературных

сказочных произведений. В произведении «Отравленный сад» имеются мотивы Оскара Уайльда («Соловей и роза») и В. Гюго (смерть героев «Собора Парижской Богоматери»). Даже в том случае, когда сказочное произведение ограничивается лишь фольклорным сюжетом («Снегурочка»), оно все равно подвергается переосмыслению: в этом случае сказка повествует о том, как люди сгубили Тайну и Чудо своих детей, усадив Снегурочку в кресло перед камином и придав фантастике обыденности.

Сочетание сказочного произведения с современностью отображается на лексическом уровне.

Интерес к своей жизни не был только частной приметой творческой манеры Ф. Сологуба. Здесь возникла ключевая особенность его миропонимания. Главным свидетельством этому являются прямые заявления Ф. Сологуба, который утверждал, что одной из наиболее «законных форм символического искусства выступает реализм» [2].

В данном парадоксальном сочетании скрыта разгадка главных особенностей творческой индивидуальности Сологуба. Он был одним из тех людей, которые воспринимают жизненные токи с необычной отзывчивостью, отражая их не только в тематике своих произведений, но и в подборе средств художественной изобразительности, в построении и совершенствовании писательского языка и стиля. В отличие от своих предшественников, Ф. Сологуб утверждал, что мир детства является только отчасти «золотой порой», в которую реальная жизнь вносит свои вопиющие «изменения. По мнению многих символистов, идеал чреват своей спасительной энергией для окружающего мира и наказывающей силой. Феномен детства в произведениях и лирике Федора Сологуба отображается в ностальгической теме, в определенном

типе героя, а также символе: «это архетипическая память о назначении всякого человека; это нравственная константа, относительно которой дозволено разворачиваться мирозданию; это возраст героя; символ жертвы, в котором отражён и миф языческий, славянский, и миф христианский». [6]. Трагизм, а также мироощущения героев являются особенностями воплощения детского образа у Федора Сологуба. Следовательно, ключевым в творчестве Федора Сологуба, соответствующим символистским представлениям о новом искусстве, выступало «устремление к трагическому», которое нашло своё наиболее детальное воплощение в изображении жизни ребёнка. В данном контексте его работы смогли отразить полностью стиль культурной эпохи на пересечении столетий [4].

Следует отметить, что мотивы всех художественных текстов Федора Сологуба взаимосвязаны, а также очень тесно переплетены друг с другом. К примеру, мотив детства в его творчестве тесно взаимосвязан с разными религиозными мотивами. В литературных произведениях авторов Серебряного века присутствовала устойчивая традиция обращения к Евангелии для создания календарной литературы, которые уходили своими корнями в образность христианских праздничных событий. Публикация многих его произведений осуществлялась накануне каких-либо христианских праздников. Большинство символистов считали, что жанр рождественского рассказа обладает особым интересом, поскольку отвечает такой черте символистского искусства как неомифологизм. Это, в свою очередь, позволяло использовать евангельский текст в качестве универсального шифра. Однако в данном случае в искусстве символизма появлялась возможность частичного или полного переосмысления начальной библейской ситуации.

Необходимо отметить, что действительность у Ф. Сологуба никогда не вызывала большого интереса. К ней писатель относился с позиции объективного наблюдателя. Наибольший интерес у него вызывал мир собственной мечты. По отношению к данному миру, а также способу проникновения в него, произведения Сологуба носят мистичный характер по своей природе. Помимо этого, Ф. Сологуб представляет человеческую жизнь в качестве «мистерии». Однако, в подобной «мистерии» ключевые части отображены жизнью и смертью. Федор Сологуб предстаёт как личность, которая склонна к религиозно-мистическому восприятию окружающего мира.

Лирика Федора Сологуба может читаться как одна целая поэтическая книга. В данном случае неизбежным становится двойкий взгляд на любую лирическую единицу: «с одной стороны, как на самоценное художественное явление, с другой — как на составную часть целого

произведения». В этом случае речь идет не о поэтической циклизации, а о так называемой условной гипертекстуальности лирики Федора Сологуба, о дублирующихся семантических и лексических единицах, которые кочуют в рамках поэтического дискурса. Слово набирает «зыбкости», смысловой многозначности; «отстраняется» в минимальном контексте, однако может распространяться также и на более объёмные фрагменты текста. «Пламенный круг», который вышел в свет в 1908 г., Федор Сологуб отмечает как восьмое стихотворное произведение, но по факту данная книга включает в себя только избранные стихи, поскольку в неё вошли лишь произведения 1890–1900-х гг., которые создавались на протяжении более 15 лет. Определённые из них были включены в состав ранее выпущенных сборников стихов. Ф. Сологуб очень внимательно фиксировал в своих рукописях не только даты, но и места написания своих произведений. Однако, в такой книге как «Пламенный круг», автор не придерживался даже относительного хронологического принципа. Сологуб специально смешивает разновременные стихотворные произведения, переосмысляет их в рамках конкретных философских заданий, тем самым разрывая имеющуюся линию психологической и поэтической эволюции. Упорно работая в период с 1890 года по 1900 год над своими стихами, Федор Сологуб устранял определённые детали, которые связывающие их с конкретной жизненной ситуацией. Это позволило писателю наделить их более абстрактным обобщающим «философским» характером. Так созданы разделы произведения «Пламенный круг»: их названия, которые были заимствованы из стихотворений Федора Сологуба, как и название всего литературного произведения, были наделены философским смыслом [5].

Следует также обратиться к такой сфере человеческого бытия как «сон» и рассмотреть его значение в произведениях Федора Сологуба. Известный австрийский психолог Зигмунд Фрейд указывал на то, что сон выполняет конкретную психологическую функцию, которая заключается в «репрезентации человеку скрытых смыслов его бессознательного» [1]. Как символист старшего поколения, Сологуб трактовал декадентство как «первую фазу символизма — в стадии рождения; его своеобразие видел в художественном освоении жизни подсознания и патологических психических процессов» [9]. В целом, в культуре воплощением связи сна и подсознания является спящая царевна, которая символизирует душу [6].

Ориентация Сологуба на буддийскую философию, генетически связана с философией Шопенгауэра, что является обязательным элементом всех критических разборов творчества. К 1910-м гг. за Сологубом, прочно закрепилась маска «поэта Смерти», несмотря на известную эволюцию его мировоззрения. Достаточно упомянуть Горького, скажем: «Старый кокет Сологуб, влюблен-

ный в смерть, как лакеи влюбляются в барынь своих, и заигрывающий с нею всегда с тревожным ожиданием получить от нее щелчок по черепу; склонный к садизму Сологуб» [7].

Другой важный элемент мировоззрения Сологуба — его солипсизм, также в терминах философской системы Шопенгауэра. Так, например, А. Горнфельд пишет: «Одно из основных представлений Сологуба — представление «единой воли» — воли Единственного, создающего для себя мир. Неистребимо в Сологубе это сознание, что существует только его Я и что все остальное — его творение» [3].

Творчество Федора Сологуба высоко оценивалось выдающимися поэтами начала XX века, такими как А. Блок, В. Брюсов, И. Анненский. Художественные произведения Ф. Сологуба не покрываются его литературной репутацией воинствующего декадента и эстета, которая сложилась еще в период 1908–1910-х гг. Фигура Федора Сологуба, его жизнь и литературная судьба являются исключительными, однако в своей исключительности они типичны.

Ключевой идеей Сологубовской поэзии является ощущение жизни, которому противопоставляется нескончаемое ожидание конца, смерти. Федор Сологуб обличает земную жизнь в обманах, во зле, от которого невозможно избавиться и скрывается под огромным количеством личин. В его образах искусство переплетаются явь и сновидения.

На революцию 1905 г. Сологуб откликнулся рядом стихотворений, окрашенных симпатиями к ней. Однако поражение революции усилило упадочную настроенность, индивидуалистическую замкнутость и антиобщественные мотивы его творчества. Октябрьскую революцию Ф. Сологуб встретил холодно и отчужденно.

Необходимо также отметить, что Ф. Сологубу удалось настолько приручить слово, что он позволял себе даже игру с этой достаточно опасной и необычной стихией. Писатель сгибает классический прямой стиль русской прозы. Ф. Сологуб во многих своих произведениях комбинирует традиционный бытовой язык с необычным языком романтизма. Всем своим творчеством Федор Сологуб сворачивает с уже устоявшихся ранее путей натурализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая психологическая энциклопедия / А. Б. Альмуханова [и др.]. — М.: Эксмо, 2007. — 544 с.
2. Апресян В. Ю. Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. — № 3. — С. 34–36.
3. Горнфельд 1915: Горнфельд А. Ф. Сологуб // Русская литература XX века. М., 1915. Т. II.
4. Дикман, М. И. Поэтическое творчество Федора Сологуба // Ф. Сологуб. Стихотворения / Советский писатель. — Ленинград, 1975. — С. 5–74.
5. Дворяшина, Н. А. Феномен детства в творчестве русских символистов (Ф. Сологуб, З. Гиппиус, К. Бальмонт) [Электронный ресурс]. — Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. — Сургут, 2009.
6. Кирло, Х. Словарь символов: 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории / пер. с англ. Ф. С. Капицы, Т. Н. Колядич. — М.: ЗАО Центр полиграф, 2007. — 525 с.
7. Магалашвили А. Р. Рождественские мотивы в новеллах Ф. Сологуба и влияние на них философии А. Шопенгауэра [Электронный ресурс]. — URL: <http://litved.narod.ru/rojd.html>
8. Муратова К. Максим Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка // Литературное наследство. М., 1965. Т. 72. — С. 287
9. Павлова, М. М. О Федоре Сологубе и его книгах / М. М. Павлова // Сологуб Ф. К. Поэзия. Проза / Ф. Сологуб; сост., предисл., коммент. М. М. Павловой; худож. В. В. Медведев. — М.: Слово, 1999. — С. 5–14.
10. Сологуб, Ф. К. Лирика / Харвест. — Минск, 1999. — 480 с.
11. Сологуб Ф. Жало смерти. Истлевающие личины. СПб.: Навьи чары, 2001. — 464 с.

© Тан Цзин (anfisa.tan@me.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УСТУПИТЕЛЬНЫЕ БЕССОЮЗНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОСТАВЕ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

CONCESSIVE ASYNDETTIC RELATIONS AS A PART OF THE DIALOGICAL UTTERANCE IN THE WORKS OF ENGLISH LITERATURE

E. Yaroslavtseva

Summary. In the present work, the most significant interest is represented in the possibility of recognizing the relationship of asynderous concessions and highlighting their key position in the composition of the dialogical utterance in the English literature. Based on the analysis of the basic meaning of the understanding of allegiance, on the basis of the dialogue principle, it was possible to define explicit categories and markers of the semantics of the assignment and its specific and additional functions. It was possible to identify the specificity of asyndetic textual concessions and their organizational, semantic and communicative levels. The obtained facts prove the manifestation of representable concepts in the circumstances of a tangible emotional atmosphere.

Keywords: concessive relations, asyndetic method, semantics of concessions, dialogical utterance, dialogical discourse, non-union coefficient, implicitness, dictema, constution, productive component, concessive component.

Ярославцева Елена Федоровна

*К.п.н., доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова (г. Новочеркасск)
corrida7727@yandex.ru*

Аннотация. В представленной работе наиболее значимый интерес представляется в возможности осуществить распознавание отношений бессоюзной уступительности и выделить их ключевую позицию в составе диалогического высказывания в английской литературе. Исходя из проведенного анализа основного смысла понимания бессоюзной уступительности на примере диалогового принципа представилась возможность определить эксплицитные категории и маркеры семантики уступки и ее специфических и дополнительных функций. Удалось выявить специфику бессоюзных текстовых уступок и их организационно-семантические и коммуникативные уровни. Полученные факты доказывают проявление репрезентируемых понятий в обстоятельствах ощутимой эмоциональной атмосферы.

Ключевые слова: уступительные отношения, бессоюзный способ, семантика уступки, диалогическое высказывание, диалогический дискурс, несоюзный коэффициент, имплицитность, диктема, конситуация, результативный компонент, концессивный компонент.

О тличительной особенностью при моделировании диалогического принципа построения текста в когнитивной лингвистике современной эпохи представляется умение раскрывать смыслообразующие текстуальные корреляции, не придерживаясь их официально-лингвистических данных. Рассмотрение концептуальных и конструктивных параметров диалогового высказывания обуславливается исследуемыми способами и формами внешнего понимания составляющих его внутреннего строения. Некорректное осмысление составных частей исследуемого контекста служит причиной внешней невыраженности составляющих частей когнитивной композиции сообщения. Невыраженными (имплицитными) выступают свободные лексико-грамматические комплексы, а также неделимые сочетания лексических и грамматических построений фразы. Наиболее отчетливо невыраженность проследживается в контексте диалога.

Актуальность исследования воплощается в тенденции к анализируемому семантизации синтаксических

конструкций в последние годы и появилась потребность в систематизированном и многогранном отображении уступительных бессоюзных отношений и внедрению специфики английской диалогической речи в литературные произведения.

Цель данной работы состоит в распознавании несоюзных сопутствующих коэффициентов уступительной функции семантики в ее различных категориях и элементах. В соответствии с актуальностью и поставленной целью обозначены следующие задачи:

1. Распознать проявление уступительных бессоюзных отношений в контексте диалогической речи в литературных произведениях.
2. Выявить специфику отношений бессоюзных текстовых уступок и их организационно семантические и коммуникативные механизмы.

В настоящее время лингвоанализ специфики выражений в контексте диалога подразумевает овладение диалогической репликой в более разносоторон-

нем плане. Исходя из вышесказанного, предметом рассмотрения в данной работе на первый план выходят смысловые и словосочинительные модели, характеризующиеся понятием «диктема». (М.Я. Блох). Диктема это базовая составная часть экспликации, выраженная в разговорной речи одним или несколькими высказываниями. В представленной составной текстовой части определяются четыре особо значимых функционально-семиотических направлений высказывания: имитация, обозначение, соотношение, наименование. На основании реализации этих направлений, в диалоге образуются точные данные, которые выступают объектом понимания любого высказывания. Показатели такого вида определяются как операторные, мотивированные, экспрессивные и эмоциональные [3, с. 63–64].

- ◆ Операторный показатель — это передача соотношений и корреляций, возникающих между результатами и событиями действительности.
- ◆ Мотивированный показатель — это яркое отражение реалий окружающей действительности.
- ◆ Экспрессивный показатель — это выразительность фразы, отображающая ответ слушателя в реальной ситуации.
- ◆ Эмоциональный показатель — это непосредственная передача эмоционального настроения говорящего.

Наиболее развернуто и точно эмоциональный показатель представлен в ситуации диалога. Характерной особенностью контекстуального диалога состоит в нехватке описательного компонента. Такое обстоятельство может служить предпосылкой для осуществления бессоюзного употребления сверхфразовых корреляций в диалоге. Комплексы бессоюзных синтаксических отношений характеризуются обстоятельством и контекстуальностью коммуникации, т.е. конситуацией. В бессоюзных синтаксических текстуальных взаимосвязях сопоставительная семантика как правило формируется объединением художественно-выразительных приемов. Смысловой аспект синтаксических взаимосвязей выглядит более эмотивно, на фоне присутствия разнородных составных составляющих, а именно лексических, синтаксических и морфологических, которые служат для отражения отношений между компонентами сложного предложения.

Метод невыраженности или имплицитности, который служит для передачи отношений уступительности главным образом составляет особенность для речевого содержания т.е. ответно-коммуникативной взаимосвязи, так как информативная составляющая в диалоге доминирует над условно-синтаксической и этот факт имеет вероятность присутствия скрытых корреляций в репликах с присоединительной связью.

Текстуальные комбинации в функции уступительности представляют собой бинарные семантико-синтаксические формы, передающие ключевые логико-семантические модели, которые преобладают непосредственно в уступительных системах. В данном случае неполное образование образно обозначается как R, а истинный результат — Q. Структурные составляющие находятся в синтаксическом противодействии. Итоговая составляющая Q, которая отображает фактические действия и концессивная составляющая R, которая отображает договоренность, определенную ситуацию, при которой происходит затруднение при осуществлении фактического действия и ограничение или опровержение ее коррективы. Данный процесс осуществляется в ситуации синтаксической оппозиции структурных компонентов. [4, с. 111].

Отношения уступительности несут в себе функцию противоречия. Данная функция основана на соприкосновении актуальной и априорной гипотезы, т.е. двоякие концепции, находящиеся в границах одной конфигурации, объединяются в двоякие концепции логической взаимосвязи и разобщения. Комбинация такого характера прослеживается в данном контексте поскольку один случай выступает в стратегии предварительной аксиомы, а другой проявляется актуальной истиной. Следовательно, вариант семантики отношений уступки превосходит желаемый эффект.

Концессивная составляющая контекстуальных обстоятельств уступки образно символизируется *Scon*, а результативная *Cres*.

В контекстуальных комбинациях уступки, отношения бессоюзности характеризуются диктемным подходом и концептуальными основами синтаксической парадигмы, которые раскрыты в работах М.Я. Блоха [7]. Семантика уступки определяется во взаимообусловленности компонентов контекстуальной комбинации с логико-семантической корреляцией, которая имеет взаимосвязь с понятийной оппозицией. Это происходит при недоступности конкретных форм взаимосвязи. В бессоюзных структурах семантика концессивности распознается путем преобразования текстуальных тождеств в подобные высказывания со сложноподчинительной структурой и надлежащими союзными маркерами.

За счет использования союзных составляющих в значении уступки и формирования семантики концессивности в диалоге применяется употребление следующих слов и словосочетаний: *even if* (даже если, хотя бы и), *however* (как бы ни), *whatever* (что бы ни), *whenever* (когда бы ни), *whoever* (кто бы ни), *although* (хотя, не смотря на). Они сочетаются с такими союзными комбинациями как: *no matter which* (какой бы ни), *no matter who*

(кто бы ни), *no matter where* (где бы ни /куда бы ни), *no matter when* (когда бы ни).

Одновременно с этим, имеются так же и несоюзные особенности семантической уступительности, которые участвуют в concessивной функции. В репликах диалога присутствие данных факторов ведет к корреляции на более значительном уровне содержания текста. В процессе проводимого анализа обнаружены сопроводительные критерии уступительности:

1. лексическое наполнение составляющих;
2. императивное высказывание в concessивном составе с глаголом *let*;
3. взаимосвязь временных составляющих;
4. отрицание, выражаемое в каком-то из составляющих бессоюзной структуре текста;
5. синтаксическое повторение;

Разберем детально самые значительные формирующие признаки семантической concessивности. Отрицание, в рассматриваемых структурах способствует актуальности неразрывной модели отношений уступки, так как оно стимулирует concessивную оппозицию. Отрицательный смысл формируется в одной из частей комплексной синтаксической схемы, которая расходится с утвердительным контекстом, обозначенным другой частью структуры без отрицательного значения. Такое формирование происходит потому, что части уступительной текстовой комбинации состоят во взаимосвязи с понятийной оппозицией или инверсной знакомостью. Из этого следует, что функция несоответствия проявляется именно в корреляции утвердительного и отрицательного наполнения, а также в противоречии обозначаемых явлений и фактов и в конечном счете в выражении целостной семантики уступительности. Отрицание, как правило, в эмотивных высказываниях принимает центральное положение и отражает эмоциональное настроение и точку зрения участника высказывания.

Учитывая вышеизложенные факты, можно сказать, что отрицание выступает как эмотивная и прагматичная часть смысловой фразы, которая способна передать информативно-коммуникативную функцию говорящего. [8, с. 60]. Отрицание такого плана нередко выступает в качестве эмоционального противоречия [12, с. 118]. Смысловые реплики такого рода довольно-таки не часто проявляются в предложениях понятийно-дискурсивного строя с отрицательным значением, т. е. в общепринятой понятийно-дискурсивной модели отрицания. Этот нюанс и придает им некую оригинальность [12, с. 118].

В формальном отношении в функции отрицания с грамматической точки зрения во внешней модели

дискурса можно выделить: отрицательную частицу *not*, повторитель *no*, маркеры отрицательных местоимений *no one*, *nobody* (никто), *nothing* (ничто), маркеры отрицательных наречий *never* (никогда), *hardly* (едва), приставки с семантическим свойством отрицания: *im-*, *non-*, *il-*, *un-* *less*. Все эти признаки отрицания носят функцию уступки. Приведем наглядный пример:

«*Maxine: That's what I said. Ccon Fred is dead.*

Shannon: How?

Maxine: Less' n two weeks ago, Fred cut his hand on a fish-hook, it got infected, infection got in his blood stream, and he was dead inside of forty-eight hours.

Shannon: Holy smoke...

Maxine: Cres I can't realize it yet.

Shannon: Cres You don't seem inconsolable about it.

Maxine: Fred was an old man, baby. Ten years older 'n me. We hadn't had sex together in» [15, с. 131].

«Максин: Это то, что я сказал. Фрэд мертв.

Шенон: Как?

Максин: Почти две недели назад уже. Фрэд поранился рыболовным крючком, инфекция проникла в руку, затем в кровь. Он был мертв за сорок восемь часов.

Шенон: Бог мой.....

Максин: Я не в силах поверить в это.

Шенон: Вы не кажетесь неутешной.

Максин: Фрэд был в зрелом возрасте, деточка. Между нами, разница десять лет. Мы даже не занимались любовью».

В приведенном примере concessивные связи имеют сложную природу, поскольку воплощены одновременно в текстуальных уступительных единицах, которые усиливают семантическую concessивность путем наложения одного на другой. Отличительной особенностью в двух структурах выступает удаленное местоположение concessивного и результативного текстового сочетания. В первом маркере уступки присутствуют высказывания, которые произносит Максин: *Fred is dead.— I can't realize it yet.* (Фрэд ушел из жизни.— Я в это все еще не верю). Завершительная часть включает частицу с отрицанием *not* в сокращенной форме и соединитель *yet*, которые включены в завершающий эпизод и снабжают экспликацией семантическую уступку между составляющими данной композиции и соединяемыми ответными коррелятивно-союзными обстоятельствами. Второй маркер показывает, что, уступка передается без участия союзных звеньев: *Fred is dead.— You don't seem inconsolable about it.* (Фрэд ушел из жизни.— Вы не кажетесь неутешной). Достопочтенный Шенон реагируя на реплику Максин отмечает, что невзирая на печальное событие (уход супруга), она не кажется несчастной женщиной. Частица *not* здесь служит объяснением уступительных отношений в конечном составляющем, кото-

рая сконцентрирована на диссонансе самочувствия, манеры поведения и обстоятельств.

Представленную композицию с имплицитным отношением уступки можно истолковать посредством слова-союза *nevertheless* (все же, однако), вносящего в данный отрывок оттенок модальности с аксиологическим значением: *Fred is dead. — Nevertheless you don't seem inconsolable about it.* (Фрэд ушел из жизни. — Однако вы не кажетесь неутешной). Во внешней позиции предложенных обстоятельств уступки обозначен мотив необоснованного вывода: *Fred was an old man, baby. Ten years older 'n me.* — Фрэд был в зрелом возрасте, деточка. Разница между нами десять лет.

Семантика уступки и ее словарные параметры складываются посредством антонимичных рядов. Антонимичные ряды присущи не только тождественным частям речи, но и разнообразным. В разговоре, беседе участвующие не редко указывают на несхожесть слова, которая характерна для дальних пределов лексико-семантической модели, а также и для ближних в этом диапазоне. В большинстве случаев казуальные антонимы оказываются сверх значимыми в контекстуальном и комплексном аспектах.

Приведем пример:

«Meg: What are the cornflakes, Stan?

Stanly: Cres — Horrible.

Meg: Those flakes? Those lovely flakes? You are a liar, a little liar.

Ccon — They are refreshing. It says so. For people when they get up late» [13, с. 630].

«Мэг: Как тебе хлопья, Стэн?

Стэнли: Отвратительные.

Мэг: Эти хлопья? Эти бесподобные хлопья? Ты — врушка, мелкий врунишка. Они бодрящие. И это так. Для ребят, когда они поздно просыпаются».

В приведенном диалоге, фраза Мэг и реплика Стэнли, представляют обстоятельства уступки со скрыто реализованной моделью, которая соединяет его в целостное преобразование: *The cornflakes are — Horrible* (Хлопья — Отвратительные). *They are refreshing* (Они бодрящие). Стэнли встал в отвратительном душевном состоянии и эмоционально отвечает на каждую реплику. И соответственно на абсолютно банальный вопрос Мэг он отвечает дерзко, но при этом обусловленно и лаконично. Ему все представлялось отвратительным в тот момент. Следовательно, ситуативный показатель, т.е. переживание эмоционального характера и моральное беспокойство указывает на то, что прилагательное

Horrible (отвратительный) и *Refreshing* (бодрящий) в приведенной конситуации формируют антонимию. В нашем примере прилагательное *Horrible* находится наверху отрицательного оценочного диапазона, а прилагательное *Refreshing* находится в пределе положительного оценочного диапазона.

В данной ситуации уступительная часть стоит в положении постпозиции и делает упор на обстоятельство, происходящее в вышеизложенной реплике: у кукурузных хлопьев отвратительный привкус, а изготовители считают их бодрящими. Помощь в переводе реплик осуществляется путем изменения формы в сложно-подчинительную конструкцию, которая схожа с логико — семантическим качествами, используя при этом обстоятельства уступки: *Those cornflakes are horrible, while/whereas they say they are refreshing.* (Эти хлопья отвратительные! Но, между прочим, утверждают, что они бодрящие). Прилагательное *lovely* (бесподобные), в данном случае, употребляемое касательно кукурузных хлопьев, увеличивает позитивный смысл товара и находится в верхнем пределе положительного оценочного диапазона.

Данная трансформация с подходящим по содержанию союзом способствует установлению категории уступки между комплексными средствами, а именно уступительным сопоставлением. Подтекст в значении уступки образуется путем наслоения на текстуальные антонимичные сочетания *horrible* (отвратительные) и *refreshing/lovely* (бодрящие/бесподобные), которые передают контраст, несоответствие событий действительности, и которые изображены в обоих позициях рассматриваемого комплекса. При данных обстоятельствах, фразеологический параметр усиливается синтаксическим повтором.

Лексический состав, который эксплицирует предсказуемый ответ на внезапную реакцию усиливает лексические характеристики семантики уступки, как например: *unexpected* (внезапный), *odd* (непонятный), *strange* (чудноватый) и т.д.

Сочетания, где компонент уступительности представлен в виде императивного высказывания при помощи глагола *let* также могут репрезентировать обстоятельства уступки. Он добавляет во всю конструкцию экспрессию, отличается семантикой позволительности и привносит эмотивный оттенок. Из этого следует, что, акцент ставится на императивности утверждения в завершительном составляющем.

Повелительный императив в репликах с глаголом *let* выступает тождественным в сослагательном императиве. В выражениях такого вида глагольный предикат

кат проявляет модальность в функции предположения и делится на реализуемое и невыполнимое. В сочетаниях с глаголом *let* уступительный аспект соприкасается с актуализируемыми обстоятельствами в соединительных конструкциях и включает concessивные маркеры: *if* (если), *even if* (в случае, если). Но если провести аналогию с текстуальными композициями и соединительными словами *if* (если), *even if* (в случае, если), то обстоятельства уступительности с глаголом *let* выражают обратную последовательность выстраивания. В нашем случае семантика необоснованного результата и завершающая составляющая выступают в качестве постпозитивного обстоятельства.

Далее проанализируем способ семантики уступки в качестве ее реализации в составе текста с помощью глагола *let* (пускай): «*I had after my horrible night interlude managed to sleep. Perhaps sheer fatalism sent me to sleep. Ccon Let Ben come, let him set fire to the house, let him kill me. Cres I deserved to die*» [14, с. 310]. «После жуткой бурной ночи я смог наконец уснуть. Возможно, явный фатализм заставил меня уснуть. Пусть придет Бен, пускай подожжет жилище, пусть уничтожит меня. Я достоин смерти».

В данном высказывании экспликация семантики актуализируется и преобразуется в высказывание со сложноподчинительной структурой и подходящим союзным словом: *Even if Ben comes even if he sets fire to the house, even if he kills me, I deserved to die.* (Если даже Бен придет, даже если подожжет дом и даже если он уничтожит меня, я достоин смерти).

Выделяются предельные случаи по ходу увеличения интенсивности возможных мешающих обстоятельств в concessивном составляющем, и тем самым усиливает-

ся выразительность сочетания. В заключительной части реплики возможные, чрезвычайные факторы не в состоянии упразднить аргументы, приобретающие выразительный, гиперболический оттенок звучания. Опираясь на вышеизложенное, можно сделать вывод, что отличительной особенностью обстоятельств, актуализируемых в приведенном контексте, является семантика предположительной уступки. В соединительных цепочках высказываний наблюдается семантика именно такого вида.

Итак, в заключении, можно сделать вывод, что произведенный анализ содержания отношений бессоюзной уступительности на примере диалогического принципа постоения текста в современной когнитивной лингвистике и в аспекте концепции диктемного понимания контекста и синтаксической парадигмы, дал возможность провести исследование и определить ярко выраженные категории и маркеры семантики уступки и ее специфические и дополнительные функции.

В результате проделанной работы так же представилось возможным раскрыть особенности бессоюзных отношений уступки текстовых обстоятельств и их организационно-семантическое содержание и механизмы коммуникации. Полученные выводы позволяют так же говорить о преобладании репрезентируемых концептов в условиях значительной эмоциональной нагрузки.

Последующей эффективной перспективой для будущих разработок уступительности бессоюзных отношений выступает тенденция к изучению особенностей их реализации применительно к английскому диалоговому дискурсу в понимании диктемного осмысления текста и синтаксической парадигмы и внедрение достигнутых исследований в функциональную грамматику английского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян В. Ю. Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. — М., 2015. — 288 с.
2. Апресян В. Ю. Уступительность в языке и слова со значением уступки. // *Вопр. языкознания.* — 1999. — № 5. — С. 24–45.
3. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка. — М.: Высш. школа, 2008. — 383 с.
4. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // *Вопросы языкознания.* — 2000. — № 4. — С. 56–67.
5. Донец Н. А. Сложные предложения с условно-уступительными конструкциями: Учебное пособие. — Рига, 1975. — 74 с.
6. Золинова Е. В. Функционально-семантические особенности сложноподчиненных предложений уступительного типа в публицистическом стиле русского и английского языков. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. — Ярославль, 2009.
7. Кадырова А. И. Об уступительно-противительных связях в современном английском тексте // *Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртэне и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001 г.): Труды и материалы: В 2 т.* — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. — Т. 2. — С. 110–112.
8. Косторова О. А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. — Самара, 2002. — 231 с.
9. Мусатова Г. А. Семантика уступки. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. — М., 2008.
10. Мусатова Г. А. Союз *хотя* как основное средство выражения уступительной семантики в сложноподчиненных предложениях // *Известия ВГПУ. Педагогические науки.* — № 2 (271), 2016.
11. Рабчинская И. А. Синтаксический параллелизм как способ организации сложной конструкции: автореф. дис. ... канд. филол. наук // И. А. Рабчинская. Минск, 1976. — 23 с.

12. Шипова И. А. Отрицание как иллокутивный индикатор эмоционального высказывания // Лингвистика и лингвистическое образование в современном мире. — М.: ГМО «Прометей» связаны МПГУ, 2004. — С. 59–63.
13. Markus F. The Killing of Sister George // Best Plays of the Sixties / — N.Y.: Double & Co., 1970. — P. 523–712.
14. Murdoch I. The Sea, the Sea. — Triad Granada, 1981. — 502 p.
15. Williams T. The Night of the Iguana // Best Plays of the Sixties / — N.Y.: Double & Co., 1970. — P. 100–240.

© Ярославцева Елена Федоровна (corrida7727@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Новочеркасск

НАШИ АВТОРЫ

Abdulaev A. — Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Center of RAS
realhidh87@mail.ru

Abiev A. — Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Center of RAS
abiev-ak@yandex.ru

Agerzhanokova S. — Adyge Republican Institute for Humanitarian Studies n. T.M. Kerasheva (Maykop)

Akayeva E. — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Omsk State University F.M. Dostoevsky,
nora@mail.ru

Alekseeva E. — Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Aeks07@mail.ru

Altukhov A. — Military educational scientific center air force «air force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin» in Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia

Amerkhanova O. — Senior Lecturer, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
oo.amerkhanova@migsu.ru

Aroonoast P. — Saint-Petersburg State University
hutlism@gmail.com

Bagamaeva M. — The Dagestan state University (Makhachkala)
marina_bagamaeva@mail.ru

Budaichiev A. — Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Center of RAS
arseneihae@yandex.ru

Bulanov A. — Military educational scientific center air force «air force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin» in Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia
alexandr260578@mail.ru

OUR AUTHORS

Burikova S. — PhD in Philology, Senior lecturer, People's friendship university of Russia
burickova.swetlana@yandex.ru

Bykova D. — State budgetary educational establishment of higher education Nizhniy Novgorod state engineering-economic university", Knyaginino, Russia
bykova_dasha_1986@mail.ru

Dobrodomov I. — Moscow State Pedagogical University
lg4@mail.ru

Fedorov G. — Research Institute of National Schools of the Republic of Sakha (Yakutia)
gav.fedorov@mail.ru

Kazieva I. — Senior Teacher of Peoples' Friendship University of Russia
Diana-21@list.ru

Khokhotva S. — Military educational scientific center air force «air force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin» in Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia
hoha444@mail.ru

Kopytko V. — PhD of philological Sciences, Moscow State Regional University
kopytkovv@mail.ru

Krizhanovsky N. — Armavir State Pedagogical University
nicolaykri@mail.ru

Kuznetsova E. — Peoples' Friendship University of Russia

Mansur D. — Assistant, Russian peoples' friendship University RUDN
dariyamansur@gmail.com

Mansur Y. — Russian peoples' friendship University RUDN

Olekhovich O. — Associate professor, Yekaterinburg, Urals State Medical University
olgaolech@yandex.ru

Orlova S. — Peoples' Friendship University of Russia
topsv@yandex.ru

Pankova V. — Senior lecturer, People's friendship university of Russia
mayachka09@mail.ru

Pisarenko V. — Southern Federal University
vero19671993@gmail.com

Prilutsky V. — Doctor of historical Sciences, associate professor, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University
bryanskgu@mail.ru

R. Mutalov R. — The Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
mutalovr@mail.ru

Rozgon V. — Military educational scientific center air force «air force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin» in Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia
zabar_1985@list.ru

Shavlov A. — Military educational scientific center air force «air force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin» in Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia
shavlov69@mail.ru,

Tang Jing — Graduate student, Moscow State University named after M.V. Lomonosov
anfisa.tan@me.com

Taymazov A. — Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Center of RAS
taymazov_artur@mail.ru

Vinokurova T. — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Omsk State University F.M. Dostoevsky

Vyazova O. — Candidate of historical sciences, associate professor, Chuvash state university of I.N. Ulyanov
o-vyazova2008@mail.ru

Wang Yue — Beijing University of Aeronautics and Astronautics
yp20092011@163.com

Yaroslavtseva E. — M.I. Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)(Novocherkassk)
corrida7727@yandex.ru

Zaitseva S. — PhD in philosophy, associate Professor, Moscow state linguistic University
sveta_gallery@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).